

Анна Красевина

**ПОШЛА, НАШЛА,
С УМА СОШЛА**

Annotation

Когда идешь в лес, можно найти не только грибы-ягоды, но и, как я, свое счастье. Или горюшко луковое, от которого порой плакать хочется, но и без него уже горько. А если этот гриб с гребнем вырос не в наших лесах и его к родной грибнице потянет?

Пошла, нашла, с ума сошла — Анна Красевина

Глава 1

В лес я пошла, потому что меня бросил Валера. Не для того пошла, чтобы подыскать сук покрепче, или чтобы меня съели дикие звери. Я и сама толком не знаю, зачем. Это решение было спонтанным; наверное, моим взбудораженным нервам захотелось тишины и покоя. И отсутствия людей — меньше всего мне нужны были жалость и утешения. Я вообще девушка тихая и замкнутая, больших компаний не люблю, чувствую себя в них неуютно. И предпочитаю молчать, чем впустую молотить языком.

Собственно, из-за этого меня Валера и бросил. Так прямо и сказал: «Что ты есть, что тебя нет — никакой разницы. А мне нужно, чтобы со мной кто-нибудь был, прости». И ушел к своей «кто-нибудь», которую звали Соня, я случайно подслушала, как он ей звонил. Надеюсь, ее имя не синоним характера, а то Валера вновь разочаруется.

В общем, Валера пошел к Соне, а я пошла в лес. Он был совсем недалеко — дорогу перейти, жила я на самом краю городка. С самого детства моталась по таким, с десятком-двумя тысяч жителей и непременно лесами вокруг — папа был военным. Поэтому лес для меня был как продолжение дома: кто-то на балкон выходит, чтобы подышать и развеяться, а я в лес.

Грибов этим летомросло много, но мне они были неинтересны. Для Валеры я бы их набрала и нажарила — он любит с картошечкой, но теперь у него есть для этого Соня, а я и одной картошечкой обойдусь.

А вот к ягодам нет-нет да наклонялась, чтобы бросить в рот горсть спелой черники, которой в лесу тоже была тьма-тьмушья. В очередной раз протянув руку к ягодным кустикам, я почувствовала, как на нее упала капля. Подняла голову: небо безмятежно синело между кронами. Но ветки деревьев почему-то выглядели искаженно, будто я смотрела на них сквозь воду. Лишь тогда поняла, что реву.

Вообще-то, я плачу редко, даже когда очень больно — хоть физически, хоть морально. Говорят, это плохо — держать все в себе, но такая уж я есть. А теперь не сдержалась вот. Ну так и бросают меня не каждый день — этот случай вообще был первым. Как и сам Валера, кстати. Которого, если честно, я, наверное, все-таки не любила. Сначала было что-то вроде влюбленности, манящего вкуса новизны, а потом за полгода просто привыкла, что кто-то есть рядом. А ведь так нельзя, если любишь. Привычка — это не любовь. Мне так кажется. Ну а если не любовь, то и реветь нечего. Как привыкла, так и отвыкну. И я вытерла слезы ладонью. А чтобы никого не смущать покрасневшими глазами, достала из поясной сумочки темные очки и нацепила на нос. Хотя кого я могла бы смутить? Медведей, что ли? Как бы они меня не смутили.

Только подумала так — он и выскочил из-за кустов. Не медведь, хуже. Сексуальный маньяк. Поначалу я была в этом абсолютно уверена. Потому что мужик был совершенно голый. А еще он по-дикому тарашил глаза и не менее дико вопил. Что-то вроде:

— А-а-а!!! Симбалюка! Гарга!

— Простите, вы обознались, — попятилась я. — Дайте мне, пожалуйста, пройти.

Но мужик не дал. Собственно, это был даже не мужик, а молодой парень. Моих примерно лет. Двадцать три, двадцать четыре — плюс-минус. И даже вполне симпатичный. Правда, с дурацкой бородкой по скулам и низу подбородка, зато, что удивительно, очень аккуратно подстриженный и причесанный. Впрочем, маньякам, особенно сексуальным, и

надо, наверное, быть аккуратно причесанными, чтобы приманивать жертвы. Вот только зачем так орать-то?

— Гунтурал обиссяки!!! — взвыл он, бросаясь ко мне. Но замер в двух шагах, уставившись так, словно это я выскочила из кустов без штанов.

— Бывает, — сочувственно вздохнула я, пытаясь обойти парня.

Не тут-то было. Он растопырил руки и запрыгал передо мной, что в отсутствии одежды ему бы, конечно, делать не стоило, пришлось даже отвести глаза. Это было ошибкой. Маньяк рванул вперед, сорвал с меня очки и принялся тыкать ими себе в нос, намереваясь, видимо, надеть, вот только делал он это совершенно по-обезьяньи, как в той самой басне про мартышку.

Любая девушка на моем месте, я уверена, теперь уж точно убедилась бы, что перед ней сумасшедший и задала стрекача, чтобы потом позвонить в полицию о сбежавшем из психушки пациенте. А я шагнула к психу и помогла ему надеть очки.

— А-а-ах!.. — издал он блаженный стон. Ненормальный маньяк. Ловит кайф от солнцезащитных очков. Хорошо еще, надевает их на нос, а не на...

Я быстро пресекла непристойные, хотя и вполне забавные мысли, и спросила у замершего со счастливой улыбкой на лице психа:

— Теперь я могу идти?

— Куротога.

Интересно, что бы это значило? Судя по спокойной интонации, похоже на разрешение. И я снова попробовала обойти несчастного парня. Позже я задавала себе вопрос: почему я пыталась идти дальше? Куда логичней было бы развернуться и сначала медленно, а потом очень даже быстро сделать ноги, чтобы после, как уже говорилось, сообщить куда следует о моей нечаянной встрече. Но нет, мне непременно хотелось идти вперед. Чем дальше в лес, тем...

Видимо, одного приключения мне показалось мало. Вот только оно и не думало заканчиваться. Голый парень в темных очках вновь раскинул руки и запрыгал передо мной:

— Топ! Топ! Топ! Акутура! Бу текала раканевса укотон пи!

И все это таким умоляющим тоном, что мне стало его жалко. Если бы он еще не прыгал... И я попросила:

— Вы можете не скакать, а стоять спокойно? — Но тут до меня кое-что дошло: — Ой! Вы сказали: «Пи»? Ну хорошо, акутура, я отвернусь.

И я отвернулась, не вполне понимая, зачем устраивать попрыгушки с бубенцами, если можно просто зайти в кусты и не мешать мне спокойно горевать.

А вот незнакомое слово я вставила зря.

— Акутура?! — опять завопил сумасшедший. — Хура экто акутура?!

— Нет-нет, не акутура, — вжала я голову в плечи, но оборачиваться не стала. — Случайно вырвалось. Вы сделайте свой укотон спокойно, я подглядывать не буду.

Я замерла, невольно прислушиваясь. Но ожидаемого журчания не услышала. Раздался лишь тихий вздох и разочарованное бормотание, что-то вроде: «О, корутавала...», а затем послышались удаляющиеся шаги. Безумный парень уходил!

Теперь мне бы точно стоило взять ноги в руки и улепетывать, но я обернулась. И впервые увидела спину несчастного. А на ней... Я проморгалась, но это не помогло. Вдоль позвоночника уходящего парня тянулся... гребень. Невысокий, сантиметра два-три, тянувшийся от лопаток до поясницы и покрытый нежным желтым пушком, который мне

тотчас захотелось погладить.

— Дас ист фантастиш... — пробормотала я, заразившись, видимо, нерусскостью речи, а потом уже по-русски и перестав «выкать», крикнула: — Стой!

Вряд ли бородатый голыш с гребнем вспомнил русский, но смысл восклицания понял и остановился. Я подошла к нему и спросила:

— Ты кто?

— Герет монор экэсцин, — угрюмо произнес он.

— Это вряд ли, — сказала я, лихорадочно соображая, откуда мог взяться в нашем лесу обнаженный красавчик с гребнем на полспины и говорящий на языке, которого я раньше точно не слыхала.

Разумеется, я вряд ли слышала и сотую часть всех наречий Земли, а более-менее сносно кроме русского знала только английский — десяток фраз на немецком-французском не в счет, — но то, что этот язык не принадлежит к европейским, была уверена почти на сто процентов. Но выглядел-то незнакомец именно европейцем. Если не обращать внимание на его пушистый гребешок. Хотя подобного украшения нет и у представителей других наций, это уже не сто, а все триста процентов. Тогда откуда же он свалился? Не вылез ведь, словно гриб, из-под земли!

Подумала так — и невольно поежилась. А если вылез? Вдруг загробный мир все-таки существует? Да нет же, тогда бы он был грязный и страшный. И гребешок тогда все равно не к месту. И незнакомый язык. Нет, он точно не из-под земли. И вообще, это я сошла с ума, если о таком всерьез думаю.

А потом меня торкнуло. Земля... Не в смысле почвы, а в смысле планеты. Что если он и правда не вылез, а свалился? Например, его космический корабль потерпел крушение, а он, бедолага, даже скафандр надеть не успел. Правда, новость о подобной аварии звучала бы уже из каждого утюга, но ведь я новости из-за ухода Валеры сегодня не смотрела, мне и этой хватило за глаза.

А ну-ка... Я достала из сумочки смартфон и открыла новостное приложение. Погода, курс рубля, утюги повышенной гладибельности, скафандры для работы и отдыха... Они что, уже под мысли рекламу подстраивают?! А вот про аварию летающих тарелок ничего. Стоп! Не думать про тарелки, сейчас накидают предложений столовых сервизов для работы и отдыха.

Я хотела уже убрать смартфон в сумочку, как подумала вдруг о том, что нужно было сделать в первую очередь. Карта Земли! Ведь это так очевидно. Если непонятный парень ниоткуда не падал, то покажет, откуда прибыл. И я подсунула гребешочнику карту. Он долго смотрел на экран, нехорошо меняясь в лице, а потом хрипло выдавил:

— Симбалюка. Гарга...

— А вот ругаться не надо, — пролепетала я в полной растерянности. — Было бы из-за чего.

Ну да, ну да. Абсолютно не из-за чего. Подумаешь, попал на другую планету! Да, нагишом, зато никто не сожрал, не стал делать опыты, не заспиртовал для коллекции и даже не ограбил. Кстати, преимущество путешествий в голом виде — тебя точно не ограбят. Но вряд ли это успокоило бы несчастного находимца, даже если бы он понимал по-русски.

Впрочем, теперь и я ничего не понимала. Самое главное: что мне теперь делать? Не бросать же, в конце концов, этого бедолагу здесь! Но и вести его — куда? В полицию? Нет, наверное, в лесу голому человеку без документов и знания русского языка все-таки

безопасней. Да еще с этим гребнем.

Тогда, может, в больницу? Все-таки аномалия у человека. Симпатичная, пушистенъкая, но аномалия. Правда, она его не беспокоит, может, вообще жизненно необходима, так что лечить от нее точно не стоит. Да и не будут врачи лечить моего гребешочника. Наверняка передадут ученым для опытов.

Что? Я назвала его моим? Пусть и мысленно, но да, назвала. С ума уже сходить начала! Да нет, это наверное потому, что чувствую за него ответственность, раз уж нашла. Пошла, нашла, с ума сошла. Как бы то ни было, я решила отвести находимца к себе. Может, это и безумное решение, но другого я пока не видела. Приведу — тогда и буду думать в спокойной обстановке, что делать дальше.

— Идем, — решительно махнула я парню.

Он остался стоять. С тем же трагическим выражением на лице, что появилось у него после карты.

— И-ди-за-мной! — громко и отчетливо, как любят изъясняться наши люди с иностранцами, сказала я и замаршировала на месте, поясняя, что нужно делать.

Теперь на лице гребешочника проступило удивление. Но постояв в нерешительности, он все-таки зашагал. Правда, тоже на месте. Пришлось взять его за руку и потянуть:

— Идем-идем. Приглашаю тебя в гости.

Незнакомец двинулся с места, но теперь остановилась я, вспомнив, что живу отнюдь не в лесу. Хорош гость, нечего сказать: из всей одежды — одни очки, а на спине — вообще какое-то недоразумение. Я-то уже попривыкла к его нагоде и гребню, но встреченные возле дома люди вряд ли останутся равнодушными, увидев такое чудо. Тут уж без полиции точно не обойдется. А если встретятся дети, вообще нехорошо получится.

— Стой, — сказала я и сняла ветровку. Завязала ему на талии рукава — получилось приемлемо.

Теперь нужно было придумать, чем накрыть гребень. На мне оставались джинсы и полосатый лонгслив. Он вряд ли налез бы на моего находимца, но если набросить на спину, завязав рукава спереди — будет самое то. Но тогда сама я буду совсем не то, потому что лифчик носила редко, и теперь был как раз не такой случай. Встреченные мужчины, возможно, обрадуются, но женщины вряд ли. Опять же дети... Да и сам гребешочник. Он-то, конечно, уже продемонстрировал мне свои прелести и продолжал это без тени смущения делать, но я показывать ему стриптиз была не готова.

По той же причине отпадали и джинсы. Нет, трусики под ними все же имелись, но в качестве одежды для прогулок определенно не подходили. Что еще? Кроссовки? Повязать ему шнурками на шею, пусть болтаются сзади. Но они полностью гребень не закроют, еще и привлекут дополнительное внимание. Да и я босиком по лесу далеко не уйду — до первого сучка.

Ничего не оставалось, как рисковать, в надежде, что издалека гребень не разглядят или примут за шарфик — мода в наше время бывает до умиления причудливой, — а если кто-нибудь окажется близко, прижмусь к спине моего гребешочника — люблю, мол, так, что аж падаю. Хоть мне это и не по душе, но потерплю, что же делать. Лишь бы находимец не испугался.

Я решила его на всякий случай проверить.

— Сейчас я кое-что сделаю, — сказала ему я. — Только ничего такого не подумай, это просто эксперимент.

— Туртомоко, — проговорил парень очень грустным голосом.

— Вероятно, — согласилась я. — Но ты потерпи. Во всех смыслах.

Я обошла его и осторожно прижалась. Пушистый гребень уютно лег в ложбинку меж грудей, я мимолетно пожалела, что на мне лонгслив, но тут же придушила эту мысль в зародыше. Находимец заметно напрягся, но больше ничего не предпринял — вероятно, ждал продолжения. Но нет, эксперимент был уже завершен.

— Идем, — в который уже раз сказала я, взяла гребешочника за руку и повела назад по тропинке.

Сделав несколько шагов, я вспомнила еще кое-что важное. Веду человека к себе домой, а сама даже не знаю, как его зовут. Всего остального про него я тоже не знала, но знакомство начинают как раз с имени. Кстати, и самой надо представиться.

Я сказала: «Стоп!», отпустила руку парня, встала к нему лицом и ткнула себя в грудь:

— Мирослава.

Парень молчал. Из-за темных стекол очков выражения глаз не было видно, и я не понимала, он усваивает информацию или просто тупит.

— Я — Мирослава, — повторила я жест. — А ты?

— Лава... Аты... — выдавил находимец.

— Попугай с куриной памятью, — вздохнув, пробормотала я и помотав головой, сказала отчетливо и громко: — Нет! Не Лава, не Аты. Меня зовут Ми-рос-ла-ва, — произнося свое имя я пару раз хлопнула по груди.

— Лава, — впервые растянул в улыбке губы гребешочник. И добавил: — Мирос. — А потом вполне уверенно повторил: — Лава Мирос.

— Тьфу на тебя, — сказала я. — Издеваешься? Наоборот. И вообще лучше просто Мира. Хотя ладно, — махнула рукой, — Лава тоже годится. Красиво даже. Неотвратимо, всепоглощающе и жгуче. Как бы теперь твое имя узнать?

И я снова ткнула себя в грудь, сказав при этом: «Лава», а потом ткнула его и вопросительно подняла брови. Находимец погладил то место, которого касался мой палец и сказал:

— Пиктигóуша Энатакóр.

— Уже что-то, — обрадовалась я. — И фамилия у тебя звучная. А имя слишком длинное, я его тоже сокращу, ладно? Пиктя — некрасиво. Гоуша... О! Будешь Гошей! — И закрепляя сказанное, снова хлопнула по себе: — Я — Лава, — а затем шлепнула ладонью по его обнаженной груди: — Ты — Гоша.

— Гоша, — согласился находимец и снова погладил место, до которого я дотрагивалась. Ему что, больно? Настолько нежная кожа? Но тут я увидела, что Гоша опять улыбается. Видимо, мои прикосновения ему понравились. А ну-ка, господин Энатакор, прекратите свои гнусные намеки! Последнее, впрочем, я вслух не сказала, молча взяла гребешочника за руку и продолжила путь.

К счастью, ни по дороге, ни возле дома нос к носу нам так никто и не встретился, а те, кто был вдалеке, не обратили на нас внимания. Зато Гоша как раз обращал внимание на все, то и дело крутя головой и приговаривая что-то вроде знакомых мне уже «симбалюки» с «гаргой», а также новых для моего слуха «пикаторы» и «улюхапы». «Улюхапал» он особенно активно. Видимо, этим словом выражался восторг.

Войдя в квартиру и закрыв дверной замок на все обороты, я первым делом бросилась к шкафу, в надежде, что Валера забыл хоть что-нибудь из тряпок — комплекцией они с Гошей

были почти одинаковы. Надежда сбылась лишь частично: обнаружились заношенные, но вполне еще пригодные джинсы. Что ж, уже хорошо, срам прикроет. А вот гребень... Неужели Валера не оставил ни одной рубашки? Хотя бы футболки драной...

Тут я вспомнила, что как раз вчера стирала, в том числе и что-то Валерино — трусы-носки точно, но вроде и футболка попадалась. Я ринулась на балкон, где развесила вечером белье для просушки, а сегодня из-за Валериного финта ушами совсем про него забыла. И хорошо, что забыла, теперь вот пригодилось. Пара трусов, носков — аж семь штук, странно... Но самое главное — футболка! Темно-синяя безрукавка, почти новая. Была ваша, стала наша. В смысле, Гошина. А тебе, Валерочка, пусть Соня теперь стирает.

Я выложила на диван, где сидел, чинно сложив на коленях руки, мой находимец, полный комплект одежды: трусы, носки, футболку, джинсы, и даже поставила на пол рядом дырявые тапки, которые собиралась, но к счастью, так и не выбросила. И сказала, подкрепляя слова жестами:

— Мою куртку снимешь, все это наденешь. Андэстенд?

— Стенд... куротко, — выговорил Гоша.

— Ну хоть коротко, и то хорошо. Главное, штаны на голову не надень, остальное не так страшно. Я пока на кухне буду, кофе нам сделаю. И бутерброды. Голодный ведь, наверное? Но что-то более существенное приготовлю позже, в мага́зик еще сходить надо.

Господин Энатакор выслушал мою тираду не моргнув и глазом, хотя за стеклами очков я это все равно бы не увидела. Вряд ли что-то понял, ну да ладно. Я вообще удивилась, что так много балаболю, Валере столько слов я и за день не всегда наговаривала. Правильно он от меня ушел, наверное.

— Ты очки-то дома сними, — перебивая неприятные мысли, протянула я руку к Гошиному лицу. Но он так вцепился в дужки, что я побоялась: сломает. И отмахнулась: — Да хоть в душе в них мойся, мне-то что. У меня еще одни есть.

Сказав про душ, я подумала, что идея-то здравая. Вот только как втолковать ее Гоше? Да еще показать потом, как воду открывать, как теплей-холодней ее делать. Проще тогда самой его вымыть, но я к таким подвигам была еще не готова. Да собственно, и не собиралась к ним готовиться. В конце концов он не маленький, захочет помыться — даст уж как-нибудь знать. Впрочем, грязным находимец и не выглядел — лишь ноги в пыли, ну да ногами не хлеб брать, и так пока сойдет.

Так что я оставила Гошу переодеваться, а сама пошла на кухню варить кофе и резать бутерброды. Хлеба, колбасы и сыра хватило на восемь штук — чтобы заморить червячка вполне достаточно. Пьют ли гребешочники кофе, я не знала, но чая у меня все равно не было, так что или кофе, или просто вода — пусть сам выбирает. С сахаром или без — тоже пусть самостоятельно определяется.

Подготовив все для незатейливой трапезы, я отправилась за гостем, предварительно крикнув из кухни:

— Можно?!

— Курдец, — слышалось из комнаты.

Я вошла — и чуть не села прямо на пол. Нет, штаны он на голову не надел. Это вообще был единственный предмет одежды, который Гоша использовал по прямому назначению. На голову он надел футболку. Точнее, замотал ею свой красиво стриженный кочан на манер тюрбана. Носки гребешочник натянул на руки. Ах да, еще он правильно надел тапки. Правда, на босые ноги. Только почему-то уже не пыльные. Ответ обнаружился быстро — неподалеку

валялись на полу испачканные грязью и пылью трусы.

Сам законодатель новой моды выглядел очень довольным. Я не выдержала и расхохоталась. А потом сказала:

— Прямо в точку. Действительно, курдец.

После этого я с горем пополам объяснила своему гостю, в чем он не прав, и общими усилиями мы расположили предметы одежды на нужных частях тела. Кроме трусов. Их мне опять пришлось отправить в стирку. Ничего, походит пока без них, джинсы не настолько протерты, чтобы просвечивать.

Я и так уже понимала, что без знания хотя бы основных слов и фраз нам с Гошей трудно будет о чем-либо договориться. Вынужденное переодевание лишь укрепило эту мысль, а последующий перекус бутербродами с кофе вывел ее на верхнюю позицию списка первоочередных дел.

С кофе вообще вышло так, что его мы даже не попили. Я поставила перед гостем чашку, плеснула туда совсем чуть-чуть и жестом показала: попробуй. Себе же налила как обычно, доверху. Но успела сделать всего один глоток. В следующий момент Гоша, проведя осторожную дегустацию, завопил словно резаный: «Улюхапа!!! Покатол обиссяки!» и выбил у меня из рук чашку.

— Сам ты ссяка, — обиженно буркнула я, подбирая осколки. — Очень даже неплохой был кофе.

Теперь требовалось решить, кто из нас будет обучаться: Гоша русскому или я обиссякскому. В принципе, на память я не жаловалась, английский, к примеру, дался мне легко. Но и преподаватель на курсах был хороший. Я сильно сомневалась, что мой находимец обладал педагогическим талантом, а даже если и так, то попробуй это втолковать гребешистому сенсею. Да и мне, если честно, не особо хотелось учить чужой язык для того лишь, чтобы разговаривать на нем с единственным человеком, и то, я надеялась, недолго. Пусть лучше гребешочник учит русский, ему-то это может и в том же магазинке пригодиться, не век же он у меня в квартире будет сидеть.

Я привела накормленного бутербродами Гошу в комнату, поставила в центре стул на колесиках и объявила:

— Буду учить тебя разговаривать по-нашему. По крайней мере попытаюсь. Садись.

Вряд ли Гоша хоть что-то понял из сказанного, но мой палец, указывающий на стул, оказался хорошим помощником, ученик занял свое место.

А я стала думать, с чего бы начать, невольно крутанув при этом стул, что, судя по счастливой улыбке, явно понравилось обучающемуся. Неплохо было бы дать ему понять, что это он и есть. В смысле, что я задумала его именно учить, а не просто поиграть в карусельку.

Я решительно остановила стул и сказала:

— Слушай внимательно. Вот я, — открыла я рот и поболтала языком, — говорю. Бла-бла-бла и все такое. Это называется го-во-рить. А ты, — дотронулась я до ушей ученика, — мое бла-бла-бла вот этим принимаешь. И это называется слу-шать.

— Бля-бля-бля, — широко улыбнулся Гоша.

— Будешь такое говорить, родителей вызову. Нет, вот плохое они схватывают быстро! Даже пришельцы с гребнями. Хотя я сказала совсем другое. — Я почесала затылок и продолжила урок: — Значит так: го-во-рить, — показала я на свой рот, — слу-шать, — ткнула пальцем сначала на левое Гошино ухо, а потом и на правое. — Теперь наоборот... Когда ты произносишь свои «обиссяки» и «акутуры»...

— Акутура!!! — подпрыгнул со стула учащийся и принялся озираться.

— Энатакор, сядьте! — притопнула я. — «Акутура» — это образно. В смысле, что это ты го-во-рить, а я, — легонько хлопнула я по ушам, — слу-шать. Понял?

Но Гоша не понял. О стоял, явно встревоженный, а потом помотал головой:

— Акутура котока.

— Котока, котока, — шагнула я к нему и невольно погладила выпирающий сквозь ткань футболки гребень. — Все хорошо.

— Все хорошо? — переспросил Гоша.

— Ну конечно, глупенький. Нет тут никакой а... — Я как открыла рот, так и забыла закрыть. Потом все-таки вспомнила и просипела сквозь пересохшее горло: — Что ты сказал?

Но мой удивительный находимец молча смотрел на меня сквозь темные стекла очков, определенно не понимая, чего я от него хочу. Но он ведь только что, четко, даже без акцента, переспросил меня... Впрочем, он скорее всего опять спопугайничал, просто уж очень к месту получилось.

— Да ты садись, садись, — снова провела я по его гребню, — попробуем учиться дальше.

— Садись? — показал на стул Гоша.

Он понял! Он все-таки понял! Я даже запрыгала. Ученик тоже подпрыгнул, но я замотала головой:

— Нет-нет-нет! Садись — это вот это, — замахала я на стул, негодуя на себя за такую оплошность, — ты правильно понял.

Гоша осторожно сел. Ура-ура! А вот дальше дело опять не заладилось. Как я только перед ним ни прыгала, как ни гримасничала, какие пантомимы ни строила, объясняя смысл слов и понятий — все впустую. Причем этот мой великовозрастной учащийся принял все, похоже, за игру — то и дело вскакивал и пытался схватить меня за руку. Я ее, понятно, отдергивала, а Гоше это определенно не нравилось. В итоге он, как недавно сама я, притопнул и взмахнул руками:

— Бля-бля-бля!

— Так говорить некраси... — начала я, удивившись такому поведению ученика, но тот удивил меня еще больше, схватив все-таки мою руку и, повернувшись спиной, приложив ее к гребню.

Я решила, что ему просто понравилось, когда я пару раз погладила его гребешок. Сейчас это было совсем не к месту, но с другой стороны — что мне, жалко? Мне даже самой нравилось это делать. И я погладила Гошин гребень. Но вместо благодарности мой ученик снова топнул и выкрикнул:

— Бля-бля-бля!

Да что же он от меня хочет-то? Уж не продолжения ли? Сначала тут погладь, а потом и... Он меня что, и впрямь за то самое слово принял, которому лучше всего выучился?

А потом до меня дошло. Ведь я ему не это слово называла, я ему говорила: «Бла-бла-бла», когда трясла языком, изображая речь. Может, и он сейчас имеет в виду это, случайно исказив один звук? И ведь действительно, в те два раза, когда Гоша правильно понял смысл того, что я говорила, я тоже гладила его гребень. Может, у него мозг там расположен, и я его поглаживанием стимулирую?

Не знаю уж, что у него находилось в этом гребне, но когда я его погладила, сказав при этом: «Гоша хороший», мой ученик расцвел в улыбке и сказал:

— Лава хороший.

— Хорошая, — поправила я. — Впрочем, это уже нюансы.

Воодушевившись, я принялась тереть гребешок находимца, не переставая молоть при этом языком, насаждая в мозг ученика, где бы тот ни находился, ростки великого и могучего. Что характерно, я при этом не прыгала и не кривлялась, изображая соответствующие глаголы и прочие части речи. Я их просто представляла при этом. И через полчаса такого вот тактильно-говорильного урока, когда ладонь моя покраснела и стала побаливать — не вздулся бы волдырь, — Гоша вполне сносно стал изъясняться по-русски — не признавая, правда, ни падежей, ни склонений. Ну так и многие иностранцы, годами изучая наш язык, не умеют это делать правильно.

— Хорошо учить, — похвалил меня ученик. — Мочь говорить. Потом еще учить. Сейчас отдохнуть. Ты устать и болеть.

— Ну не то чтобы уж прямо болеть, — ответила я, — но немножко устать, это да. Можно и отдохнуть. Только ты мне теперь рассказать... в смысле, Расскажи, кто ты такой и откуда. Хотя бы в двух словах.

— Два мало, — покачал головой Гоша.

— Это такой оборот речи. Образный, не буквальный. В общем, не бери в голову, используй столько слов, сколько нужно.

— Сколько нужно я пока не знаю, — вздохнул находимец. — Сказать сколько мочь.

— Именно это я и имела в виду. Начинай. Давай помогу: ты не с этой планеты? Планета — это такой большой шар, летающий вокруг солнца, помнишь?

— Я помню планета. Я с этой планета. Планета другой.

— То есть ты с другой планеты? — переспросила я.

— Нет. Я с этой планета, который другой.

— Ясно, — вздохнула я. — Что ничего не ясно. Слов действительно пока не хватает. Скажи тогда, кто ты такой?

— Человек. Мужчина. Пиктигоуша Энатакор. Гоша. Гость твой дом.

— Достаточно! — подняла я руки. — Я не это имела в виду. Кто ты, ну... по профессии? Какое твоё главное дело? Ты космонавт? Летаешь на другие планеты?

— Нет. Не летать на планета. Прятаться на планета.

— От кого? — ужаснулась я.

— Акутура, — зыркнув по сторонам, выдавил Гоша.

— А что это такое? — вырвалось у меня. — Или кто это такой?

Мой гребенчатый гость насупил брови, подумал и коротко бросил:

— Мало знать слов.

— Да уж, — вздохнула я, взглянув на покрасневшую руку и перевела взгляд на другую, пока ещё нестертую. — Придется позаниматься ещё. Но сначала я схожу в магазин и приготовлю нормальной еды, одной учебой сыт не будешь.

— Еда хорошо, — сглотнул Гоша.

— Только я одна схожу, ладно? Так быстрее получится, — сказала я, мысленно добавив: «И безопаснее, а то ляпнешь что-нибудь на людях, или на продукты как на акутуру оставишься».

— Ладно, — печально выдохнул находимец. — Но ты давай мне дело. Я скучать.

— Какое же я дам тебе дело? Разве что ножи наточить, так порежешься ещё.

— Точить кундурак! — обрадовался Гоша, вероятно имея в виду что-нибудь вроде меча или кинжала.

— Дураков не держим, — хмыкнула я. — Ты лучше, вон, телевизор посмотри.

И я включила наугад один из каналов, где как раз шла реклама какого-то автомобиля. Гоша, разинув рот, уставился на экран, и я похвалила себя за мудрое решение.

Как оказалось, мудрым оно было лишь наполовину. Для истинной мудрости мне не хватило соображалки выбрать канал, где не транслируют новостей, политических ток-шоу и прочих псевдоумных бла-бла-блешек. В итоге мой найденный в лесу гость заявил, едва я, вернувшись домой, переступила порог:

— Проведенное в твоё отсутствие время возбудило неконтролируемую эскалацию конфликта между способностью терпеть и функциональными потребностями организма.

— Какого организма? — оглядела я прихожую.

— Непосредственно этого, — ткнул себя в грудь пальцем Гоша.

— А почему ты так хорошо говоришь? В смысле, правильно. То есть ты несешь какую-то чушь, но на правильном русском. Если я верно поняла, ты устал терпеть, потому что соскучился?

— Мне отвечать последовательно? — странно поморщился Гоша. — Боюсь, конфликт

вот-вот обострится, и я полностью потеряю контроль над своим... — Тут он стал переминаясь с ноги на ногу столь характерно, что до меня наконец-то дошло:

— Прости! Я забыла тебе показать туалет.

Оплошность была тут же исправлена, и вскоре счастливая Гошина физиономия осветила белозубой улыбкой комнату.

— Ты руки помыл? — спросила я.

— Там не было для данного процесса воды. Точнее, она там изначально имелась в весьма ограниченном количестве, но я ее испортил, значительно разбавив...

— Не надо говорить чем, я поняла. А еще поняла, что ты и не смыл за собой. Впрочем, это очередное проявление моей неосмотрительной забывчивости... Тьфу, и я с тобой заговариваться стала! В общем, идем, я покажу, как смывать за собой и где помыть руки. Заодно и все остальное, если захочешь.

Гоша захотел. Он пришел в дикий восторг от льющейся из крана, а особенно из душа воды.

— В вашем мире куда больше магии, чем я полагал поначалу! — воскликнул находимец. — Подглядывание за людьми и природными явлениями на больших расстояниях — это, разумеется, мощная магия, но столь непринужденно вызывать воду под силу далеко не каждому магу.

— Это не магия, — сказала я, мысленно отметив, что в мире гребешочников она имеется. — Мойся давай. Вон там гель стоит, там шампунь. Полотенце это возьмешь, желтенькое. И смотри на пол не налей, соседи ремонт недавно сделали.

Оставив Гошу наслаждаться покорением водной стихии, я пошла на кухню готовить обед. Или, скорее, ужин — было уже четыре часа. Первое решила не варить — долго, да я супы-бульоны не особо и люблю. Решила порезать огурчиков с помидорчиками и пожарить котлеток с картошечкой. Признаться, котлеты я купила уже готовые, точнее, полуфабрикаты, но это не столько из-за лени, сколько, опять же, в целях экономии времени.

Я поймала себя на том, что даже мыслить стала канцелярским языком, нахваталась у Гоши. А тот из телика нахватался, надо теперь как-то переучивать, невозможно ведь так разговаривать! Кстати, интересно, а кто ему гребень чесал, что он умудрился впитать в себя всю эту... г-м... информацию? Сам дотянулся? А почему раньше не мог? Или мог, но ему хотелось, чтобы я это делала?

Я попыталась разозлиться, но поймала себя на том, что совершенно этого не желаю. А еще, что не прочь бы опять погладить пушистый гребешок. Желательно без футболки. А если Гоша в ответ и мне бы что-нибудь погладил, то... Я вздрогнула, представив дальнейшие события и вместо огурца саданула ножом по пальцу. Боль меня отрезвила. Залепив рану пластырем, я продолжила заниматься готовкой, мысленно навешивая себе оплеух за разыгравшуюся фантазию.

Мылся Гоша долго, я уже все приготовила и раскладывала еду по тарелкам, когда он возник на пороге кухни в том самом виде, в котором я нашла его в лесу. То есть в голом. При этом гребенчатый негодник ничуть не смущался. Наоборот, очень довольно лыбился.

— Я помылся, — заявил он. — Гель и шампунь невкусные. Полотенце не держится. На пол не налил, но тот незначительно увлажнился, когда я встал на него, завершив водные процедуры.

— Прости, я забыла добавить в шампунь специй, — сказала я. — А полотенце на чем не держится? На том, на чем я подумала?

— Я не умею читать твои мысли. Полотенце не держится на мне.

— А должно?

— Мне показалось, тебе неприятно созерцать мои кожные покровы.

— Не то чтобы совсем неприятно, но в принципе тебе правильно показалось. Только полотенце я тебе дала не для этого. Им обычно вытираются. Впитывают в его ткань оставшуюся на кожных покровах влагу, чтобы тебе было понятней.

— Я впитал влагу тканью футболки.

— Ты просто гений. А какое применение ты нашел джинсам, носкам и тапкам?

— Оставил на месте. Я думал, ты хотела видеть на мне полотенце.

— Гоша, давай я поглажу твой гребень.

— Мы будем изучать новый язык? Этот я уже практически знаю.

— Этот тебе придется переучивать. Но гребень я тебе хотела погладить... — я намеревалась сказать «чтобы ты поумнел», но подумала, что буду неправа, парень не виноват, что впервые видит совершенно новые для него вещи. И неожиданно для себя ляпнула то, чего ни в коем случае не собиралась: — ... чтобы потрогать его пушок.

Даже за стеклами темных очков я разглядела, как округлились Гошины глаза. И быстро сказала первое, что пришло в голову:

— Это была шутка. А почему ты все время в очках?

— Свет этого мира плохо действует на глаза.

— У вас темнее? — догадалась я. Оказалось, неправильно.

— Освещенность в нашем мире такая же, — пояснил Гоша. — Но у вашего света есть еще, видимо, то, чего нет в нашем. Или наоборот.

— Странно, — пожалала я плечами. — И раз уж зашла речь о мирах, скажи, что ты имел в виду, когда говорил: «Я с этой планета, который другой»?

— То, что планета у нас одна, но мы живем в разных складках пространства.

— И как я сразу не догадалась? — язвительно хмыкнула я. И добавила: — Кстати, о складках и выпуклостях. Иди надень хотя бы джинсы, и давай уже поедим, а то все остынет.

На этот раз Гоша не стал бить посуду. Ему определенно понравилась моя стряпня, особенно котлеты. Он даже попросил «еще котлеток, желательного много», на что я выделила ему половину недоеденной своей, и сказала:

— Извини, котлеток было только шесть.

— Но у меня на тарелке лежало четыре котлеты, — насупился гребешочник.

— Я ведь тоже не одним воздухом питаюсь, — слегка обиделась я.

— Вот именно! — воскликнул Гоша. — Я не обратил внимания, сколько ты положила себе, но если котлеток было шесть, а я съел четыре, то себе ты оставила всего две. Это нечестно! — и он вернул мне половину котлеты.

— А ты хорошо умеешь считать, — сказала я.

— Это несложно. Даже некоторые дети умеют вычитать и складывать. Мне куда хуже удается извлекать корни. Не в смысле деревьев и корнеплодов, а...

— Я поняла. Но сейчас арифметика не срабатывает. Ты мужчина и ты больше меня, значит, энергии тоже требуется больше. Поэтому тебе четыре котлеты, а мне две. На, бери еще половинку и не выпендривайся, — опять положила я ему на тарелку оставшийся кусочек.

Гоша выпендриваться не стал, хотя и продолжал хмуриться.

— Могу еще помидоров с огурцами порезать, — сказала я. — Будешь?

— Помидоры — это зеленые или красные?

— Красные.

— Тогда только помидоров. Огурцы бессмысленные.

— Чего это? — удивилась я.

— Состоят в основном из воды, от них почти нет энергии.

— Зато вкусные. Хотя на вкус и цвет...

И я, нарезав гостю еще помидоров, заправила их сметаной, поставила перед ним и стала наливать себе и ему чай. Но вспомнив, что находимец устроил с кофе, сказала:

— То, что я сейчас налила, не улюхапа и уж тем более не ссяка. Это чай. Если не понравится, не пей, но ко мне со своими глупостями не лезь.

Гоша явно смутился.

— Прости, — сказал он, проглотив кусок помидора, — в прошлый раз ты определенно собиралась выпить чрезвычайно вредную для организма жидкость. И я не говорил, что это... ну... то, что ты сейчас сказала. «Обиссяка» означает «опасно».

— А «улюхапа»? — прищурилась я.

— Дословного перевода нет, но это что-то вроде ваших восклицаний «кошмар», «ужас», «безобразия»...

— Безобразия — когда хороший кофе такими словами называют и посуду бьют. Поэтому еще раз говорю: не нравится — не пей, а мне не мешай. Для тебя, может, вредно, а для меня — самое то.

— Я не учел, что наши организмы могут иметь значительные отличия, — еще сильнее смутился Гоша. — Во всяком случае, что касается метаболизма и реакций на воздействия окружающей среды.

Метаболизм меня добил. Слушать лекции во время ужина совсем не понравилось моему организму. Я даже чай не выпила. Встала и сказала:

— Доедай салат, а я пока кое-что для тебя подготовлю.

— А где салат? — обрадовался Гоша.

— У тебя под носом. Овощной салат из помидоров со сметаной. Только прошу: не устраивай дискуссию насчет того, что помидоры не овощи, а ягоды.

— А они ягоды? — заинтересовался гребешочник.

— Я сейчас тебя стукну. Тебе не все равно? Съедобно же?

— Да.

— Ну и ешь. Кстати, существует хорошая поговорка: когда я ем, я глух и нем. Понял?

Гоша промолчал. Значит, понял. А я пошла в комнату, включила ноутбук и подцепила к нему внешний диск, где у меня была свалка полезных вещей, в том числе фильмов. В свое время я сделала подборку наиболее милых моему сердцу киношек и мультиков, большинство из которых сняли еще в советские годы — «Бриллиантовую руку», к примеру, или «Карлсона», бесподобно озвученного Ливановым. «Шерлок Холмс» с ним же в главной роли там, разумеется, тоже был. Вот я и подумала, что лучшего материала, чем хорошие, проверенные временем фильмы для обучения разговорной речи и быть не может. Пусть эта речь без современных словечек и будет звучать слегка старомодно, все равно в сотню раз лучше, чем «реакция на воздействие окружающей среды».

Мой гребенчатый находимец как раз появился в комнате.

— В этой жидкости, которую ты называешь чаем, — заявил он, — тоже есть вредные для организма вещества. Но есть и полезные. Я выпил свой чай и половину твоего.

— Чтобы мне меньше вредных веществ досталось? Спасибо. А теперь иди сюда.

Гоша приблизился, уставился на дисплей ноутбука и спросил:

— Этот магический предмет тоже помогает подглядывать за происходящим вдали?

— Он много чему помогает. Надеюсь, и вблизи поможет. Садись, — уступила я ему место за столом.

Гость не стал спорить, уселся. Было видно, что новый «магический предмет» его заинтересовал. Я принялась объяснять, как открывать и запускать файлы с фильмами, а поскольку их было много, научила также пользоваться перемоткой.

— Главное для тебя сейчас не вникать в сюжеты, а слушать, как разговаривают люди.

Слушай и учись. Гребень сам будешь тереть, в прошлый раз ведь как-то справился.

— Тереть больше не требуется. Он уже активирован для обучения русскому языку.

— Тогда флаг тебе в руки.

Вместо флага, чтобы Гошина учеба не мешала мне, я дала ему наушники, а сама улеглась с книжкой на диван. Но читала недолго — насыщенный событиями день так меня вымотал, что я почти сразу заснула.

Разбудил меня торжественный вопль:

— Тысяча чертей! Я научился! Честное слово, я научился! Черт побьери!

— Семен Семеныч... — Опять я совершила ошибку. Нужно было как следует отфильтровать материал. — Ты много успел посмотреть?

— Усе, — голосом Папанова торжественно объявил новоявленный киноман. — Но я много проматывал. Можно будет потом все посмотреть целиком?

Я немного успокоилась, Гоша говорил не только фразами из фильмов. Но все же я сказала:

— Посмотреть будет можно, но только не перенимай все уж слишком дословно. Иногда и в кино говорят неправильно — где-то шутят, где-то еще что.

— Спокойствие, только спокойствие! — утешил меня мой понятливый гость.

Я снова вздохнула и посмотрела на часы. Ух ты, почти десять вечера! Сама-то я вряд ли теперь скоро засну, а вот Гоша...

— Ты когда спать ложишься?

— Когда захочу.

— И как рано это обычно бывает?

— Обычно в полночь.

— Тогда же, что и здесь? — уточнила я. — Ты говорил, что планета у нас одна, только складки разные.

— Для этой точки планеты тогда же, — кивнул Гоша.

— Тогда у нас как раз есть до полуночи время, чтобы ты мне это объяснил. И про складки, и про акутуру, и почему ты от нее прячешься в этих складках. Вообще про свой мир побольше расскажи. Что-то мне подсказывает: он сильно отличается от нашего.

— Оно тебе правильно подсказывает, — печально вздохнул находимец. — В эту складку пространства я попал впервые. И никогда не слышал, чтобы в нее попадал кто-нибудь раньше.

— А вообще их много, складок? Как я понимаю, это параллельные миры. И что, в них так вот запросто можно попасть?

— С помощью нужной магии — довольно просто. А миров, наверное, много. Но мы знаем пять, считая и свой. Правда, есть еще миры-обманки — почти такие же, как наш, но

немножко от него все-таки отличающиеся. Маги, конечно, тут же распознают обман, а вот я могу сразу и не понять.

— Сомневаюсь, что это именно обман, — начала я, но подумала, что псевдонаучные версии из моих уст вряд ли будут уместны, и спросила о другом: — Значит, в эти миры-складки могут проникать не только маги? Ведь ты же не маг?

— Я — нет. Но придворный маг постоянно наполняет мой хрундюк таким умением.

— Хрундюк — это гребень у тебя на спине? — догадалась я. — А почему это делает именно придворный маг?

— Элементарно, Ватсон, — улыбнулся Гоша, но тут же стал серьезным. — Потому что я сын короля.

Я ему не поверила. Это уже чересчур: сначала нашла в лесу голого мужика с гребнем, который ведет себя словно помешанный и вопит ерунду, потом оказывается, что он прыгает по складкам пространства, спасаясь от какой-то акутуры, затем выясняется, что он даже трусами не умеет пользоваться, а свежесваренный кофе для него «обиссяка», зато русский язык учит за час по телевизионным программам, а позже переучивает по советским кинофильмам. И вот на тебе — он еще и сын короля. Нет уж, увольте, мне только принцев в моей скромной однушке не хватало! С другой стороны, разве настоящий принц не скривился бы при виде такой халабуды, не сказал свою презрительную «улюхапу»? Нет, лично мне моя квартирка очень даже нравится — светленькая, уютненькая, до всего дотянуться можно, не вставая с дивана. Ну так я же не принцесса, я носки на ладошки не натягиваю.

И тут у меня почти все сошлось. Что мы имеем? Какой-то мужик прыгает голым по лесу, мелет ерунду, надевает на руки носки, не смывает за собой в туалете, бьет посуду, почуяв в кофе опасность, а потом заявляет: «Я сын короля». А ну-ка, дети, после всего этого — кого повсюду узнают, скажите, как его зовут? Бу-ра-ти-но... А вот и нет! Ду-ра-чи-на! Или попросту — псих обыкновенный, сбежавший из лечебницы закрытого типа. Во только из-за одной небольшой мелочи этот логический вывод у меня обрушился, словно карточный домик. Из-за одной желтой пушистой мелочи под названием хрундюк или, по-нашему, гребень. От лопаток и почти до самой... этой... до поясицы. А с другой стороны, может, это обычное уродство. Рождаются ведь люди с шестью пальцами, даже с хвостом. Почему бы не родиться с гребнем? И от огорчения сойти с ума.

— Гоша, а как зовут твоего врача? — как бы между прочим спросила я.

— Во дворце куча врачей, — отмахнулся бедолага, — всех не упомнишь. Но главный у них — Гыргор Полочалс.

— Григорий Палыч? — невинно захлопала я ресницами. — А фамилия у него какая?

— Полочалс. У нас только имя и прозвище — фамилия, если по-вашему. А у вас, я слышал, иногда называют людей и тремя словами.

— Тремя буквами нас называют, — хмыкнула я. — ФИО. Фамилия, имя и отчество. У тебя папу как зовут?

— Ромалáуша Величайший Из Рода Энатакоров, Могущественных Правителей От Сотворения Мира И До Конца Его Дней.

— Ромалауша, значит. Остальное я отброшу...

— Нельзя отбрасывать остальное! — возмущенно замахал руками Гоша. — Это оскорбительно для короля!

— Я только для примера отброшу, временно. Тем более он нас не слышит, а потому не оскорбится. Если ты ему не расскажешь. А ты ведь не расскажешь?

— Как же я теперь расскажу? — потупился безумный гребешочник.

— Не грусти. Тебя вылечат, — вырвалось у меня.

— И тебя тоже вылечат, — подхватил Гоша. — Хорошее кино! Там тоже про складки, только не пространства, а времени. Хочу полностью посмотреть.

— Чуть позже, ладно? Я тебе еще про отчество не объяснила. Так вот, если твоего папу зовут Ромалауша, то тебя бы у нас называли полным именем так: Энатакор Пиктогоуша Ромалаушевич. А если слегка обрусить, то можно, например: Энатакин Георгий Романович.

Как тебе?

— Не хочу так называться, — буркнул находимец. — Я спать хочу.

Мне это не понравилось. Говорил, что в полночь ложится, а сейчас и одиннадцати нет. Зря я, наверное, насчет врачей и того, что вылечат. Насторожился. Сейчас ляжем, я свет выключу, а он мне подушку на лицо — и нет догадливой свидетельницы. Кстати, а где я его положу? У меня только одно спальное место — диван. Его, конечно, можно раздвинуть, но спать рядом с малознакомым психом я определенно не собиралась. Да и вообще мне теперь уж точно будет не заснуть. На кухне ночь проведу, кофе мне в помощь. Там и ножики есть, если что. И я сказала:

— Постелю тебе на диване. Иди пока в туалет.

— Зачем?

Ага, точно заподозрил, что я его раскусила. Думает, отправляю в тулик, чтобы в полицию позвонить: никто психа не терял? Это, между прочим, хорошая идея. Жаль, у двери в туалет наружной щеколды нет. Но и так могу успеть, если сразу трубку снимут. И я как можно равнодушнее ответила:

— Чтобы сделать пи-пи перед сном. Или даже ка-ка. Чего будет угодно вашему высочеству.

Гоша вдруг резко выпрямился и заявил дрогнувшим голосом:

— Открой мне дверь.

— Так она не закрыта. Иди-иди! Только смыть потом не забудь.

— Открой мне дверь наружу! — повелительно вытянул руку находимец.

— Вот уж нет, — раскинула и я перед ним руки. — Ночь на дворе. Куда ты собрался?

Между прочим, странный поступок. Пусть бы шел, избавилась бы от проблемы, и в полицию бы заодно позвонила, что в таком-то районе бесхозный псих разгуливает. Что меня остановило? Точно с ума сошла, за компанию. А компаньон мой ответил следующее:

— Не знаю. Все равно куда. Обрато в лес.

— Но что случилось-то? — спросила я, прекрасно понимая, что случилось. Да, я наболтала лишнего, а психи — они хоть и психи, но умные, сразу все секут. Вот и Гоша просек, что я его раскусила. Но душить меня подушкой он не захотел, пожалел, видать, вот и решил просто-напросто слинять. Только ответил он совсем другое:

— Ты мне не верить, вот что. Думать обо мне плохо. Я уходить, чтобы ты быть успокоенный.

Гошина речь опять скатилась до начального уровня. Наверное, из-за сильного волнения. Он даже позеленел. Ой, и правда позеленел! Как огуречик. Совсем как человек. Только человечки обычно краснеют или бледнеют, а тут... Он что, все-таки не псих? Или даже если псих, то не наш, а оттуда, из складок? Но тогда почему бы ему не быть и принцем? Вот только он что, мои мысли прочел? Это бы совсем некстати.

— Ты же говорил, что не умеешь читать мысли.

— Я умею видеть, — ткнул Гоша на очки, — слышать, — дернул за мочки ушей, — и думать, — постучал по голове. Речь его снова вернулась к норме, как и цвет лица. Почти. Теперь он выглядел уже не огуречиком, а просто сильно переевшим огурцов.

— Ну прости, ваше высочество, — слегка поклонилась я. — Да, засомневалась в твоих словах, каюсь. Но я, знаешь ли, инопланетных принцев не каждый день в лесу нахожу, так что войди в положение.

— Я не инопланетный. У нас одна планета, только...

— Знаю-знаю, — остановила я его жестом. — Только складочки-оборочки разные. Давай-ка чая попьем, и ты мне все дорасскажешь. Ведь насчет спать ты просто так брякнул, с досады?

— Разумеется! — расплылся в счастливой улыбке Гоша. И развернувшись в сторону кухни, сам себе скомандовал: — Ты туда не ходи, ты сюда ходи. Там снег башка попадет...

— Снег-то еще ладно, — прервала я цитату. — Главное, чтобы больше глупости в твою башку не попадали. Ишь, обиделся он! Открой дверь, уйду все равно куда! Тоже мне, принц. Хотя да, принц, ума ли с вас, венценосных, спрашивать.

— И ты тоже! — вскинулся Гоша.

— Что тоже? Я-то уж точно не принцесса.

— Ты тоже... это... — засмутился находимец. — Тоже глупости в голову не пускай. И что я тебя обманываю — даже не думай. Я этого вообще не умею. Я же из королевской семьи.

— Ты хочешь сказать, что короли не врут?

— Разумеется. Правитель должен быть абсолютно искренним и честным. Всегда и со всеми.

— А-а! — протянула я. — Надо же. Прямо как в нашей складке.

За чаем, который Гоша поглощал в больших количествах, я устроила венценосному находимцу допрос. Правда, он заспорил, сказав, что еще не венценосный, и станет ли таким — неизвестно.

— Почему же неизвестно? Или у тебя есть старшие братья? Как у вас вообще королями становятся? По наследству ведь, по старшинству?

— Да, становятся так. И старших братьев у меня нет. Есть только сестра, ей всего восемь лет.

— Так в чем же тогда дело? Прости, но ведь вы не вечно живете? Даже короли?

— Ты это к тому, что мой отец когда-нибудь умрет? — посмотрел на меня Гоша. — Да, конечно. Но ведь и я могу умереть еще раньше...

— Типун тебе на язык, — сказала я. — Ты в крайности-то не вдавайся. Еще скажи, что революция может случиться, и монархию свергнуть.

— А что, нет? Ведь у вас-то случилась, я видел в кино.

— У нас в кино и человеков-пауков показывают, — проворчала я. — Хотя насчет революции правда. Но это тоже крайность.

— А то, что я могу умереть — это не крайность. Акутура не просто так за мной охотится. Кто-то хочет меня убить.

— Давай-ка подробнее про акутуру. Все уши ею прожужжал, а что это за зверь, я так и не знаю.

— Это не зверь, — насупился Гоша. — Это сущность. Ее вызывают, когда хотят кого-нибудь убить, чтобы никто не смог узнать, кто это сделал.

— Погоди, — замотала я головой. — Она что, убивает, не оставляя следов?

— Еще как оставляет. Смотря в каком она образе. Если огненный шар — сожжет до угольков, если кырбырдын — загрызет и разорвет на части, если...

— Стоп! — подняла я руку. — То есть акутура может принять любой вид, каким человека можно убить наверняка. А не узнать, кто это сделал, — ты имеешь в виду заказчика? Того, кто вызвал акутуру?

— Того, кто нанял умеющего вызывать акутуру мага.

— То есть таких умельцев не так уж много? И все такие гады, что за деньги натравят эту бяку на кого угодно, даже на принца?

— Много или нет — не узнать. Маги часто скрывают свои способности. А вызвать акутуру могут не только из-за денег. Некоторые маги состоят на службе у хозяина — и если при найме был уговор выполнять любые приказы, которые магу по силам, то...

— Но это все равно получается за деньги. И вообще, что значит любые? А если ему прикажут ребенка убить?

— Не спрашивай о таком, — насупился Гоша, — я же не маг... И потом, люди ведь тоже всякие встречаются, а маги — люди, пусть и со способностями. А про деньги и про то, как можно напустить акутуру на принца, так ведь и сам маг может хотеть меня уничтожить.

— За что?!

— Из зависти, из-за того, что власть не любит, да мало ли причин?

— И никак-никак нельзя понять, кто вызвал акутуру?

— Вообще вызов существей отнимает много сил, а таких темных, как акутура, сказывается особо. Даже сильный маг после этого может потерять способности на какое-то время, а то и заболеть, даже слечь на день-другой.

— Вот и пусть твой отец разошлет полицейских, или кто там у вас вместо них, по всем столичным магам, чтобы узнали, кто слег. А потом допросить таких! — Я вообще-то девушка добрая, но когда покушаются на наследника престола, одной добротой не обойдешься.

— Отец же не знает, — вздохнул Гоша, — на меня впервые акутуру напустили. И теперь уже, наверное, не узнает... Вот еще почему я не стану венценосным.

— Да ну, — растерялась я, — почему? Сюда же ты переместился. Назад, что, сложнее?

— В эту складку я попал случайно. Акутура меня почти достала, я был в панике. Может, и сама акутура подействовала на переход, оборвала нить. Переместиться-то я переместился, но... Поскользнулся, упал, очнулся — гипс. Я теперь просто не знаю, где моя складка.

— Поясни, — мотнула я головой. — Как вообще ты перемещаешься, на что это похоже?

— Как раз на нить, которую продевают сквозь ткань. У вас ведь тоже шьют иголкой с ниткой?

— Ну да. Еще машинками, но и там иголка с нитью.

— Так вот, — кивнул Гоша, — когда я хочу попасть в какую-то известную мне складку, я как бы протыкаю иглой ткань пространства, и словно по нитке перемещаюсь следом. И возвращаюсь назад по этой же нитке. Но даже если нитка порвется, я знаю, в каком я месте ткани, знаю, где на ней складка с моим домом — и протыкаю снова. Но на протыкание уходит больше сил, чем на возвращение по нитке. А сейчас, спасаясь от акутуры, я проткнул ткань пространства наугад, мне некогда было прицеливаться...

— И акутура оборвала нитку, — закончила за него я.

— Да. В общем, Хьюстон, у нас проблема.

— Разве у меня был такой фильм? — удивилась я. — Хотя цитата прямо в точку.

Я отхлебнула из чашки остывшего чая и задумалась. А подумать было о чем. Например, очень хотелось узнать, кому помешал Гоша на родине? Не восьмилетней же сестренке! Или он чего-то недоговаривает, или там где-то глубже собака порылась, и дело не только в наследовании престола. Но эта тема была хоть и очень интересной, но сейчас совсем не актуальной. И станет ли когда-нибудь актуальной — вот в чем главный вопрос. На который очень бы хотелось найти ответ. И не только, наверное, мне.

— Может, опять наугад попробовать? — брякнула я.

— В моем гребне осталось магии на один переход, — угрюмо ответил Гоша. — Шансов, что наугад попаду домой, очень мало. Если даже складок пространства ровно сто, это всего один процент. Но я думаю, складок может быть больше.

«Вообще-то есть теория, что их бесконечное множество», — подумала я, но огорчать гостя не стала. К тому же, что бесконечность, что сто — в его случае с одноразовым перемещением было почти одинаковым.

— Тогда давай все-таки ляжем спать, — сказала я. — У нас есть хорошая поговорка, что утро вечера мудренее.

— Не замечал, — покачал головой потерявшийся принц. — Возможно, это свойство только вашего мира. Тогда конечно, давай быстрее ляжем спать! Ты говорила, что постелешь мне на диване. Постелешь что?

— Постель, — ответила я и не сдержалась, ляпнула: — Элементарно, Ватсон.

Но теперь неэлементарным стало, куда лягу я. Сидеть, как собиралась до этого, на кухне мне уже не хотелось. Да и смысл пропал. А вот спать, на удивление, меня как раз потянуло. Наверное, от переживаний и стресса. Хоть я и вполне стрессоустойчивая девушка, но не железная все-таки.

Та-ак... Кто там у нас говорил, что не умеет врать? И я спросила:

— Если ты что-то обещаешь, всегда выполняешь?

— Конечно. Если не случается чего-нибудь непредвиденного, с чем я не в силах справиться.

— Если рядом с тобой случается спящая девушка, ты в силах справиться с собой, чтобы не наброситься на нее?

— Зачем?! — подскочил гребешочник.

— Зачем девушка, или зачем набрасываться? Или зачем справляться с собой?

— Зачем ты такое спрашиваешь? Ты боишься лечь со мной спать, думая, что я тут же приступлю к...

— Если честно, то да, — быстро сказала я. — Не приступишь?

— Постели мне на полу, — обиженно процедил Гоша. — Нет, не стели ничего, я так лягу.

— В моем доме я решаю, кто куда ляжет! — притопнула я. И добавила уже совсем другим тоном: — Только пообещай все-таки, что не приступишь со мной... ну... к этому...

— Обещаю, — буркнул принц.

И мы легли на диван. Я — с краю. На всякий, как говорится, пожарный. Все-таки не приучила меня жизнь верить в обещания правителей. Пусть даже пока и не коронованных.

Проснувшись, я ощутила под щекой что-то упруго-теплое. Открыв глаза, в ужасе поняла, что моя голова лежит на Гошиной груди. Мало того, одной рукой я его еще и обнимала! Я тут же ее отдернула. А где вторая рука?! Уф-ф... Вторая валялась на постели просто так. А Гошины руки где?! Гошины оказались вытянутыми и прижатыми к бедрам. Своим. Он будто спал по стойке «смирно». Или точнее, по лежке. Если так можно выразиться.

Но скорее всего он даже не спал, поскольку распахнул глаза как только я зашевелилась. И тут же заявил:

— Я ни к чему не приступал! А вот ты немножко приступила.

— Нет, — стараясь выглядеть хладнокровно-спокойной, сказала я. — Тебе показалось.

— Но ты лежала на мне. А твоя рука...

— На тебе лежала не я, а моя голова, — перебила его я. — Просто приняла во сне твою грудь за подушку. А рука... Что рука?

— Она меня трогала. А потом тоже осталась на мне.

— Видишь ли, люди не могут долго находиться в одной позе, тем более во сне. Мы непроизвольно ворочаемся, ноги раскидываем, руки, головы... Я на тебя ноги закидывала?

— Нет.

— Вот видишь. Всего-навсего одну руку. Ну, голову еще. А ты прям извелся весь.

— Значит, ты это сделала не специально? — с хорошо различимой досадой в голосе спросил принц.

— Разумеется. А ты подумал, что... — договаривать я не стала, и так понятно, что он подумал. Напрасно, кстати. Или все-таки не напрасно? Фу, что за мысли опять! И я твердо заявила: — Не надо так думать. Все вышло не-про-из-воль-но. Прости, я не хотела.

— Не прощу, — сказал Гоша.

— Очень интересно, почему? — и впрямь стало мне очень интересно.

— Потому что не за что. Я не обиделся. Мне было приятно.

По правде говоря, мне тоже было приятно. И то, что он сейчас произнес, и вообще... Мне даже стало немножечко страшно — неужто и правда с ума схожу? Или это еще спросонья голова не полностью включилась? В общем, я в ответ на такое признание что-то неразборчиво хрюкнула, а потом сказала:

— Отвернись, я встаю.

— Зачем отворачиваться? Я хочу на тебя посмотреть.

— Потом посмотришь. Если захочешь.

— В кино было не «посмотришь», а «поцелуешь», — возразил находимец.

— Я тебе не донна Роза. Да и ты не старый солдат. Ишь, размечтался! А будешь подглядывать, могу ведь и стукнуть.

— Не понимаю...

— И не надо ничего понимать. Просто отвернись и лежи, пока я не скажу.

На сей раз Гоша спорить не стал, отвернулся. Вообще-то я могла бы и не выделываться — спать я все равно ложилась в халатике. Но мне почему-то сильно не хотелось, чтобы гость увидел мое заспанное лицо и растрепанную прическу. Вот приведу себя в порядок — пусть посмотрит, сколько ему захочется.

После утреннего туалета и уборки постели я сварила себе кофе, заварила Гоше чай, нарезала бутербродов и позвала находимца завтракать. За столом мы оба молчали. Утро оказалось не сильно мудренее вечера, никаких новых идей не появилось. И лишь когда я помыла чашки, принц негромко спросил:

— Что мы теперь будем делать?

С языка чуть не сорвалось «снимать штаны и бегать», но ответила я нейтральное:

— Что скажешь.

— Я бы хотел отправиться домой.

— А ты придумал, как? — подняла я удивленный взгляд.

— Не придумал, — вздохнул Гоша. — А ты? Ведь утро вечера мудренее.

— Утро, может, и да. А вот я точно не умнее тебя в таких делах, как перемещение между мирами.

— Тогда все, — обреченно выдавил принц.

— Застрял? — вырвалось у меня.

— Нет, я просто отдыхаю, — цитатой из Винни-Пуха ответил он, но веселости в его голосе не ощущалось.

— Перестань киснуть, — решительно заявила я и предложила первое, что пришло в голову: — Идем в лес!

— Зачем?

— За грибами, — хмыкнула я. — Или просто посмотрим то место, где ты появился.

— На том месте ничего уже нет.

— Совсем ничего там быть не может, — возразила я.

— Но там точно нет никакого прохода в мой мир, если ты подумала об этом, — пояснил Гоша.

— Откуда такая уверенность? Ты же сам говорил, что даже свет нашего мира не такой, как у вашего. Может, и с переходом здесь по-другому? Открылась дверца, да так и осталась распахнутой.

— Это маловероятно, — покачал головой находимец.

— «Мало» — это все-таки не «не», — возможно, не особо понятно заявила я, однако Гоша понял. И обреченно кивнул:

— Давай сходим, если ты так хочешь. Но это бесполезно, вот увидишь.

— Не бесполезно, — сказала я. — Отрицательный результат — тоже результат. Это во-первых. А во-вторых, и в самом деле тогда грибов наберем — я их тебе с картошечкой пожарю. Вку-усно! Язык проглотишь.

— Тогда лучше не надо грибов, — замотал головой принц.

— Это шутка. Про язык, в смысле. Насчет грибов — правда. Во всяком случае, они многим нравятся. — О том, что они нравились моему бывшему, я говорить не стала. Опять же, не знаю почему. Может, потому, что о Валере я сейчас вспомнила как о ком-то очень далеком и глубоко мне безразличном, хотя со времени нашего расставания прошли всего сутки.

Я оделась так же, как вчера: джинсы, лонгслив, повязала ветровку на пояс, ноги сунула в кроссовки. А с Гошей снова возникла проблема. Джинсы, футболка, даже носки у него теперь имелись, а вот из обуви — только рваные домашние тапки, в таких по лесу не походишь.

— Ладно, — решила я, — зайдем в обувной, тут как раз рядом. Но куплю тебе что-нибудь самое дешевое — я сейчас временный фрилансер и сижу на мели, так что без обид.

— Ты сейчас не сидишь, а стоишь, — неуверенно возразил Гоша.

— Я и стоя умею сидеть, особенно на мели. Идем давай.

К моей огромной радости в обувном магазине принц вел себя разумно и прилично. Я купила ему кеды — дешево и сердито. К тому же, новая обувь очень понравилась самому Гоше. Кеды были красными, с белыми шнурками и подошвой, и выглядели ярко и празднично.

— Я очень тебе благодарен, — сказал принц. — Это лучшее, что было на моих ногах за всю жизнь.

— А я думала, вы там, во дворцах, сплошные драгоценности носите.

— Ага, — во все зубы улыбнулся Гоша. И голосом Семен Семеныча Горбункова добавил: — Золото и бриллианты.

— А что, не так?

— Бывает и так. Но если бы ты знала, как это тяжело и неудобно!

Мы зашли в лес, и зашагали по знакомой тропинке. Я мысленно порадовалась, что мой находимец наконец-то повеселел, а то глядя на него и мне делалось грустно. Впрочем, я уже не могла понять, из-за чего мне грустилось больше: от того, что Гоша не может вернуться домой или же наоборот, потому что боялась: вот придем сейчас в лес, а там открытый портал в иной мир. И принц мой — тю-тю. Мой, ха! Что-то частенько я стала о нем думать именно так. А какой же он мой? Хотя... Это ведь я его нашла. Значит, пока он здесь, будет моим. Пусть даже сам об этом не догадывается.

— Мы, кажется, пришли, — прервал мои мысли Гоша. И сказал вдруг: — Здравствуйте.

— Привет, — ответил кто-то насмешливым женским голосом.

Я очень себя потом ругала, что не насторожилась, не почувяла опасности. Вернее, опасность-то я как раз почувяла, но не ту, которую нужно. Во мне проснулся собственнический женский инстинкт: это мой мужчина, не отдам, посылай свои приветы кому-нибудь другому! И все это — еще до того, как увидела соперницу. А когда увидела, когда та вышла из-за куста, вообще обалдела: девица была мало того что ярко-рыжей, так еще и полностью обнаженной. Не знаю уж, чем меня зацепила ее рыжина — возможно тем, что я сама обладала темно-соломенной, а может, светло-каштановой, в общем, тоже почти рыжей гривой, но ее голозадость совершенно выбила из меня способность логически рассуждать. Для меня это стало лишь неопровержимым доказательством того, что девица вознамерилась отбить у меня Гошу и уже приготовилась прямо тут же, в кустах, им овладеть.

А ведь сохрани я хоть чуточку незатуманенного ревностью разума, могла бы сообразить, что раздеться в одно мгновение воображаемая соперница никак бы не успела, а самое главное, я могла бы вспомнить, что именно в таком виде на этом же месте предстал предо мною и Гоша. Ведь могла же я сложить два и два! Могла. Но не сложила. Наверное, меня сбил этот «привет», произнесенный голой рыжевлаской по-русски. Короче говоря, когда она прыгнула к оторопевшему принцу, а затем, вцепившись в него, отпрянула назад, в облако ядовито-зеленого тумана, которого тут только что не было, я все еще думала, что Гоша стал жертвой любвеобильной маньячки. Даже странный туман посчитала дымовой завесой для отвлечения моего внимания — мало ли сейчас используют всяческих спецэффектов, на той же эстраде, к примеру. Поэтому скажу сразу: то, что я без раздумий ринулась следом за воровкой в эту клубящуюся кислотную зелень, вовсе не было героизмом — я просто хотела вернуть свое. Но когда уже ныряла в туман, тот изменил вдруг цвет на оранжевый.

Меня поначалу ничуть не смутила эта перемена — спецэффект ведь, зачем обращать внимание на мелочи. Я лишь вытянула руки, потому что не видела уже ничего, кроме окружившего меня ярко-оранжевого света. И лишь тогда начала подозревать неладное: откуда столько света? Проектор, что ли, у этой рыжевласки? Так она же голая, куда бы его смогла засунуть? И уже понимая, что точно не туда, куда я грешным делом подумала, все-таки выкрикнула:

— Перестань! Глазам же больно! И поставь на место моего мужчину, я все равно тебя поймаю!

И свет погас. Надо же, послушалась. Но перед глазами плавали еще оранжевые круги, и я по-прежнему ничего и никого не видела. А потому сразу спросила:

— Гоша, ты жив?

Ответом была тишина. Я шагнула вперед и взвизгнула от боли — наступила на что-то колючее! Причем это «что-то» взвизгнуло в ответ. Вероятно это было не «что-то», а «кто-то», и ему тоже было больно. Разумеется — я же на него своей кроссовкой наступила. Стоп... Если кроссовкой, то почему сама укололась?

То ли от удивления, то ли от боли, но взор мой сразу прояснился. И я тут же усталилась на свои босые ноги, возле которых лежал, тихонечко пофыркивая, ежик... Ну да, самый настоящий еж, у нас их в лесу хватает. Его я, выходит, и придавила. Надеюсь, не смертельно? Но почему я босиком? Где мои кроссовки? Неужели так резво ломанулась за воровкой, что они слетели с ног? И кстати, где она сама? И Гоша... И... лес...

Нет, тут тоже был лес, но совсем не такой, где я находилась секунд десять назад. Чахлые, редкие деревца, хвойные, но не елки, не сосны и даже не пихты. Под ногами ни травы, ни мха, ни ягодника — серая каменистая почва. Впереди — невысокие скалистые горы. Небо — синее, безоблачное, но какое-то... неправильно синее, что ли? Во всяком случае, смотреть на него и на странный окружающий пейзаж было не то чтобы больно, но непривычно для глаз. То ли цвета были слишком насыщенными, то ли изображение чересчур контрастным — как будто кто-то неумело покрутил в телевизоре настройки. Я сразу вспомнила Гошины слова, что в нашем мире не такой свет, как у него дома. Не значит ли это, что и я теперь не в своем мире?

Додумать эту мысль я как следует не успела, потому что опять зафырчал ежик. Но теперь это звучало не жалобно, а сердито. Наверное, злился на меня за неосторожность. Ладно хоть жив остался. Кстати, еж уже стоял на лапках и действительно смотрел на меня с нескрываемым недовольством.

— Я нечаянно, — сказала я. — Прости меня. Ладно?

— Да, — ответил ежик.

— Что? — переспросила я.

Но еж ничего больше не сказал, так что я решила: послышалось. Тем более мне стало уже не до ежика. Я наконец-то поняла, что на мне отсутствуют не только кроссовки. На мне не было ни-че-го — ни одежды, ни обуви. Нижнего белья, само собой, тоже. Я машинально скрестила ноги и прижала к грудям ладони. Вот только непонятно, от кого я закрылась, — кроме ежика, вокруг не было ни души. А где же Гоша? Где рыжая воровка? И я снова позвала, уже громче:

— Гоша! Ты где?!

Прислушалась: тихо. Совсем-совсем тихо, даже птицы не чирикают. И я вдруг успокоилась. Ну так, относительно. Во всяком случае настолько, чтобы начать логически мыслить. Первой вернулась мысль, которая уже посещала меня: я не в своем мире. Из нее вытекала вторая: я в мире Гоши. Но тут имелось противоречие: где же тогда сам Гоша? Зря я это у себя спросила, потому что ответ был пугающим: Гошу убила акутура. Ну да, теперь это стало для меня очевидным: рыжеволосая похитительница вовсе не соблазнилась красотой моего находимца — это была та самая акутура, которая охотилась за принцем и все-таки поймала его. Скорее всего, сидела в точке его перехода, разумно предположив, что он туда непременно вернется. А может, не разумно, а инстинктивно — кто их знает, этих акутур. Гоша говорил, что акутура может принимать любые формы — эта выбрала женский облик. Возможно, решила мимикрировать под местных жителей. Увидела гуляющую по лесу девушку — и позаимствовала образ. И «привет», вероятно, от нее же услышала. Хорошо если не тронула. Но ужасным было то, что она наверняка тронула Гошу — ведь он-то и был ее целью! Вот только почему не убила сразу? Было бы куда разумней уничтожить принца в чужом мире, чтобы в родном и следов от него не осталось. Значит, акутуры не такие уж разумные. И значит, эта притащила Гошу в его мир, чтобы уничтожить здесь. Тогда почему не уничтожила? Нет, это очень хорошо, но совершенно нелогично. Или как раз уничтожила и слиняла, потому их и не видно: акутуры уже попросту нет, а Гошин труп валяется где-то неподалеку и на мои оклики понятно почему не откликается.

И я принялась искать тело любимого. Ох, я подумала о Гоше «любимый»?.. Да, я подумала именно так. Потому что поняла вдруг: без него, гребненосного, мне и жизнь не мила.

Я бродила меж чахлых деревьев и выкрикивала: «Гоша! Гоша! Ау! Отзовись!» Была уже почти уверена, что не отзовется, но все равно кричала. А вдруг акутура его только ранила? Он говорил, что та загрызает жертву и разрывает ее на кусочки, когда находится в облике какого-то кырдыбарана, но рыжевласка на барана совсем не была похожа, поэтому вряд ли могла Гошу загрызть, разве только покусать, да и разорвать его у нее бы сил не хватило. Хотя оторвать что-нибудь, наверное, могла. Например... ухо. Да-да, пусть будет ухо! Одно. Чуть-чуть. Был Гоша — стал Ван Гоша.

Ох, что за чушь лезет в голову! С чего я взяла, что рыжая деваха слабосильная? Ведь это лишь облик у нее человеческий, а на самом деле она — акутура. Заточенная на убийства сущность! И разорвет она Гошеньку запросто, тот и пукнуть не успеет. А скорее всего, уже разорвала. Но все-таки вдруг не полностью? Вдруг он лежит где-то рядом, истекая кровью, а я тут еле ползаю, страшилки сочиняю.

Но ползать быстрее я не могла. Потому что была босиком, а под ногами то и дело попадались острые камешки, веточки, высохшие иглы с деревьев... Кстати, об иглах. А где мой придавленный ежик? Я оглянулась: еж топал следом.

— Ты вот что, — сказала я ему. — Ты за мной не иди, ты давай вокруг бегай, Гошу ищи. — Было, конечно, глупо говорить это неразумной животинке, но я от безысходности готова была и деревья попросить глянуть свысока, не видать ли где раненого. И я уточнила для ежика: — Гоша — это тот парень, что был со мной там, в нашем лесу. Ты ведь тоже из нашего леса?

— Да, — сказал еж.

Конечно же, он ничего такого не сказал, просто похоже фыркнул, но все-таки я спросила:

— Так ты понял, кого нужно искать?

— Да, — снова произнес ежик и громко топоча по каменистой земле, понесся от меня в сторону.

— Эх, напугала бедняжку, — вздохнула я. — Теперь совсем одна осталась.

Но когда я, прихрамывая, сделала шагов двадцать-тридцать, опасаясь, что дальше придется идти на четвереньках, ноги уже кровоточили, ежик притоптал снова. И сказал:

— Нет.

— Что нет? — переспросила я. Но тут смутная догадка посетила мой опустошенный происходящим мозг: — Ты хочешь сказать, что там нет Гоши?

— Да, — ответил ежик.

Теперь я уже не сомневалась, что это игольчатое недоразумение действительно говорит, а не просто фыркает. И говорит вполне разумно. Правда, кажется, всего два слова: «да» и «нет». Но и это вполне даже неплохо, если задавать правильные вопросы. И чтобы убедиться, что еж и в самом деле отвечает по делу, я устроила ему небольшой экзамен. Спросила:

— У тебя есть иголки?

— Да, — сказал еж.

— У меня есть иголки?

— Нет.

— Ты умеешь летать?

— Нет.

— Ты умеешь ходить?

— Да.

— Волга впадает в Каспийское море?

— Фыр-р! — возмущенно ответил ежик. Ага, кроме «да» и «нет» еще и «фыр» на все остальное. А что? Я встречала людей с аналогичным словарным запасом. Нет, вру. У них лексикон был богаче еще на четыре слова, не считая производных от них.

— Да ты настоящий болтун, — хмыкнула я.

— Да.

— Болтун? Хочешь, чтобы я тебя так называла?

— Да.

— Договорились, — кивнула я. И перешла к главному: — Ты сможешь мне искать Гошу?

— Да, — сказал Болтун.

— Спасибо. Потому что я, кажется, уже не ходок — ноги в кровь сбила. — Я ухватилась за ствол дерева, согнула поочередно ноги в коленях и осмотрела кровоточащие ступни. — Вот такая беда.

— Да, — в рифму подтвердил мои опасения ежик.

— Так что ты побегай, поищи нашего раненого, а я поищу хоть что-нибудь, чем можно защитить ноги.

Болтун тут же утоптал — теперь в другую сторону.

— Ты кругами бегай! — крикнула я ему вслед. — Сначала маленькими, потом нарежь все больше и больше. Понял?

— Да-а!.. — послышалось издали.

А я стала осматриваться, в надежде найти хотя бы лопухи какие-нибудь. Нарвала бы побольше, привязала к ступням... Вопрос, чем бы привязала? Ответ нашелся быстро: у меня же волосы вполне себе длинные, ниже лопаток. Отрежу пару прядок — не убудет. Осталось найти лопухи. Но здесь не росли даже подорожники. Вообще никакой травы не росло, одни деревья.

Я осмотрела то дерево, за которое держалась. Ветки у него были тонкие, да еще и с иголками — не лучшая обувь для израненных ног. А что с корой? Я подняла острый камешек и с усилием провела им сверху вниз по стволу. Из разреза выступила капелька прозрачной смолы. Я провела камнем в сторону от верха разреза. Подцепила пальцами липкий от смолы уголок, потянула... Ура! Кора оказалась достаточно прочной и в то же время легко отделилась от ствола. Я попросила у дерева прощения и вырезала два куска такого размера, чтобы можно было обернуть ступни.

Затем я тем же камнем, изрядно попыхтев, отпилила две золотистые пряди... Нет, не золотистые, скорее, мои волосы были цвета меда. Но на их прочности цвет не сказывался, так что без разницы. Пальцы были очень кстати испачканы смолой, так что я скрутила из волос две отличные веревочки. Сначала хотела обвязать ими мои ультрамодные лапти, но вовремя спохватилась: волосы перетрутся после двух-трех шагов по камням. Тогда я проковыряла каменным острием отверстия по краям кусков коры и вставила в них волосяные веревочки на манер шнурков.

Когда я наконец обулась, вернулся ежик.

— Нет, — отрапортовал он.

— А ты далеко бегал?

— Да.

Странно, но я испытала облегчение. Впрочем, не так и странно, если подумать. Ведь если ни трупа, ни живого, но израненного тела моего любимого Гоши здесь нет, то акутура его не убила. Я нырнула в цветное облако сразу за ними. Пусть прошло пять, пусть даже десять секунд, пока я промаргивалась и приходила в себя, но за это время фейковая рыжевласка далеко принца унести не могла. Уж всяко не дальше того, что успел исследовать ежик Болтун. Значит, Гоша жив, сделала я вывод. И тут же постучала кулаком по лбу: да ничего это не значит! Если мой любимый гребешочник не мог быть далеко мертвым или раненым, то и живым он должен быть близко — с акутурой или без. Но поблизости, если верить Болтуну, его не было. А с какой стати мне ему не верить? Уж ежики-то точно не умеют врать. Но если Гоша не здесь, то где он? И почему здесь я?

А вот потом я подумала: если акутура смогла принять облик земной девушки, почему бы ей не поменять его и не превратиться, скажем, в гигантского орла? Или в дракона, пусть даже не очень большого, но способного улететь, неся с собой груз килограмм так под восемьдесят? Как раз пока я моргала, давила ежика, протирала глаза — она и тью-тью. И тогда мне в голову пришла идея, которая не только подтверждала эту догадку, но и объясняла, почему акутура не убила принца ни в нашем мире, ни здесь сразу после прибытия.

Моя идея состояла в том, что заказчик Гошиного убийства мог оказаться человеком недоверчивым. И даже наверняка таким являлся; мерзавцы и негодяи не доверяют никому, потому что подлость и ложь — то, из чего они состоят сами. Вот я и рассудила: пришел этот негодяй к магу — тоже негодяю, порядочный бы его за такое предложение в навозного жука превратил — и заказал убийство принца с помощью акутуры. Но с условием, чтобы та разделалась с наследником престола у него на глазах. Если бы это происходило в нашем мире, возможно, злобный гад ограничился бы видео с места казни, а раз таких гаджетов здесь пока не изобрели — пожелал присутствовать лично.

Эта версия показалась мне очень правдоподобной, объясняющей все непонятки. И главное — она давала надежду, что Гоша еще жив. Ведь пока акутура его доставит к вызвавшему ее магу, пока маг свяжется с заказчиком, пока тот придет — а человек он наверняка занятой, вряд ли простолюдин стал бы заказывать убийство принца, так что придет, возможно, уже не сегодня, а завтра... В общем, я очень надеялась, что успею спасти Гошу до того, как его... Нет, даже мысленно не хочу произносить то, что с ним сделают.

А что теперь нужно было сделать мне? Узнать, где находится королевский дворец, отправиться туда и рассказать все Гошиному папе — королю. А уж тот привлечет и спецслужбы, и поисковых магов, и черта лысого, если тот вдруг понадобится. Ведь папа любит Гошу? Должен любить, он же его первенец, наследник престола и вообще красавчик и умничка. Даже я его полюбила. Очень некстати, конечно, но любовь не спрашивает, можно ли уже подавать горячее, — приносит, когда ей вздумается.

Итак, нужно идти в королевский дворец. Я занесла уже ногу, чтобы сделать первый шаг, но засомневалась, в нужную ли сторону он направлен. Опустила ногу и поскольку больше спросить было не у кого, спросила у Болтуна:

— Ты случайно не знаешь, где тут у них королевский дворец?

— Нет, — ответил ежик.

— Жаль, — вздохнула я. — А как это узнать?

— Фыр-р!

— Полностью с тобой согласна.

Хорошая мысль — она же единственная — пришла ко мне быстро:

— Нужно кого-то найти и спросить у него, где дворец. Правильно?

— Да, — сказал Болтун и куда-то вдруг потопал.

— Эй, ты куда? — окликнула я. — Искать этого кого-то?

— Нет.

— Интересненько... Куда же тогда?

— Фыр!

— Ну, это само собой, кто бы сомневался. И все-таки... А ну, постой, мой хороший.

Ежик замер. Приятно, наверное, когда называют хорошим. Я тут же вспомнила, как Гоша сказал: «Лава хороший», и как мне тогда действительно похорошело. Наверное, я уже тогда влюбилась в этого странного парня, хотя пока еще и не догадывалась об этом. Теперь вот догадалась на свою голову. Не влюбилась бы — развернулась да пошла домой. Или не пошла бы? Все равно ведь человека нужно спасти — любишь ты его или нет. Хорошего человека, плохие пусть сами спасаются.

Я подошла к ежику — в моей хендмейдовской обуви это оказалось почти не больно. Я очень надеялась, что смола с коры поможет и скорейшему заживлению ран. Почему нет? Магический мир все-таки.

— Ты пошел в ту сторону не просто так? — спросила я Болтуна.

— Нет... Да... Нет... Да... — словно закашлялся тот.

Я поняла свою ошибку, ведь и сама на такой вопрос не смогла бы ответить однозначно. И быстро поправилась:

— Прости. Ты просто так пошел в ту сторону?

— Нет, — с явным облегчением сказал ежик.

— То есть там кто-то есть?

Болтун помолчал, а потом неожиданно выдал:

— Фыр-р.

— Как с тобой все-таки сложно, — вздохнула я. — Ну хорошо, там что-то есть?

— Да.

— Ты знаешь, что-то здесь повсюду, вообще-то, — повела я рукой. — Как бы спросить у тебя поконкретней, что именно это что-то?

— Фыр.

— Мог бы и не отвечать, вопрос был риторическим.

С другой стороны, если подумать, к какому-то абстрактному или бесполезному «что-то» еж бы не пошел — он же не осел какой-нибудь. А поскольку перед этим я говорила, что неплохо бы кого-то найти... Та-ак... А еще чуточку раньше Болтун бегал по этому лесочку и мог что-то увидеть. Не кого-то, а именно что-то, но такое «что-то», которое в своем ежином мозгу он связал с «кто-то». Вот я бы, например, своим ежи... ну или каким там — девичьим мозгом, что бы в таком случае связала? С учетом, что это все-таки лес, а не стадион, не автострада и даже не парк культуры и отдыха? Что может вообще оказаться в лесу, связанное с кем-то? Животных отбрасываем, я ведь собиралась спрашивать у этого «кого-то» дорогу, а не кормить его с руки. Значит, берем только людей. Ну или в принципе разумных существ. Лес — разумные существа. Какие ассоциации?

В голове возник образ избушки на курьих ножках. А что? В реалиях магического мира и Баба-Яга — магиня. И вообще!.. Я хлопнула по лбу.

— Ты видел какое-то жилище?

— Да, — сказал Болтун.

Я даже подпрыгнула. Вспомнила, как некрасиво в обнаженном виде выглядел прыгающий Гоша, спохватилась, машинально прикрыла груди и спросила:

— Оно далеко отсюда?

— Уф-ф!.. — раздраженно фыркнул ежик. И то — прыгает тут какая-то, кое-чем дрыгает и совсем ничем не думает. В каких, интересно, единицах измерять Болтуну это «далеко» и относительно чего опять же?

— Мы не устанем туда идти? — переиначила я вопрос. Тоже, в общем-то, глупо. Откуда ему знать, как быстро я устаю? Хоть и существует выражение «ясно даже и ежу», но в этом случае оно вряд ли сработает. Однако, на удивление, сработало.

— Нет, — уверенно ответил Болтун.

И он опять затоптал в прежнем направлении. Приободренная, я отправилась следом. И ведь ежик оказался прав: я совсем не успела устать, когда увидела впереди, между редкими деревьями... избушку. Невольно стала взглядом искать курьи ножки, но тех не оказалось. Или избушка их поджала. Глупая мысль, но вряд ли стопроцентно невозможная.

Я уже бросилась было вперед, в надежде, что в домике окажется кто-то живой, пусть даже и правда Баба-Яга, лишь бы сказала, куда нам идти дальше, но тут же вспомнила, в каком я виде и тормознула. Замерла на месте и чуть не застонала от досады. Это надо же! Возможно, всего в десяти шагах от меня находится ответ на вопрос, как мне начать операцию по спасению любимого, а я не могу сделать эти шаги, потому что голая. И ладно, если в избушке Баба, я бы еще, может, плюнула на приличия, а вдруг там Дед? А вдруг сразу несколько? И тут такая я — голая и в лаптях: «Здравствуйте, мужчины, как пройти во дворец?»

— Болтун, — сказала я, — а ты можешь проникнуть внутрь этого здания и посмотреть, кто там есть?

Ежик завозился, зачихал, зафыркал, а потом недовольно кашлянул:

— Да.

— Сделай это, миленький! Пожалуйста, ради меня! Я тебя потом расцелую.

— Да?.. — уставился на меня глазами-бусинками ежик.

— Да, — уверенно ответила я.

Болтуна не было долго, я вся извелась. Мне даже не было видно, проник ли он в избушку — близко к ней я подходить опасалась, могли увидеть в окошко, оно там имелось, маленькое и кривенькое. Стала уже подумывать, не зажарила ли Баба-Яга моего ежика в печке, но дым из покосившейся трубы не шел — значит, или не зажарила, или схомячила сырым. В смысле, съежачила.

И когда я, бессердечная, так и не сумев выжать даже символической скупой слезы, стала уже обдумывать пути отступления, как громкое «фыр-р!» снова заставило меня подпрыгнуть.

— Живой? — укоризненно посмотрела я на ежа. — Нельзя же так! То есть живым быть можно, даже нужно, но пугать меня не надо. Особенно раздетую.

— Да, — согласился Болтун. Мне стало немного обидно. Некоторым, между прочим, нравится, когда раздетые девушки прыгают. Или еж имел в виду что-то другое? Может, таким образом сообщил, что в домике кто-то есть?

— Там кто-то есть? — озвучила я свою догадку.

— Да, — сказал ежик.

— Мужчина?

— Нет.

— Много мужчин?

— Нет.

— А кто тогда?

— Фыр.

— Женщина?

— Да.

— Баба-Яга?

— Фыр.

Ну да, он же не мог спросить, как ее зовут. Но то, что там нет мужчин, уже хорошо. Я могла все-таки зайти в избушку, извиниться за свой вид и узнать нужное.

А вот тут я тихонечко взвыла. Болтун недоуменно посмотрел на меня, поводит черным носиком и спросил:

— Фыр-р?

— Я же не знаю обиссякского! Как я буду с ней разговаривать? С тобой и то проще — ты по-русски хотя бы понимаешь, хоть и говорить не умеешь.

— Фы-ыр-р! — обиженно выдал еж.

— Прости, что это я? Конечно, умеешь. Ты же Болтун.

Я стала вспоминать те несколько слов, которые перевел мне Гоша. Главное слово — «акутура» — я знала. С этого и следовало начать. Мол, не тут ли она где-то бродит? Заодно пригодится и «обиссяка», что значит «опасно». Еще Гоша говорил, что «улюхапа» — это вроде «кошмара» и «ужаса». Каким-то он меня отрицательным словам научил. Как мне, например, поздороваться? Впрочем, я могу вместо этого представиться, сказать, как меня зовут. А еще — вот это действительно важно! — я знаю, как зовут короля. Назову его имя и покажу жестами: где, мол? Поймут же.

Убедив себя в итоге, что объясниться как-нибудь смогу, тем более что других вариантов

все равно не было, я направилась к избушке без ножек. Крыльцо у нее отсутствовало — сразу дверь, в нее и постучалась.

— Заходи уже, заходи! — послышался из-за нее скрипучий голос. — А нюхача своего колючего за дверью оставь, не люблю, когда тайком в дом забираются.

— Это я его попросила, — вступилась я за ежика. — Просто посмотреть, мужчина тут или женщина. Дело в том, что я, видите ли, голая.

— Как же я могу видеть, ежели ты за дверью?

— Но вас не шокирует моя нагота, если я войду?

— Меня уже ничего не шокирует. Что я, титек у баб не видала? У самой когда-то были... Вот будь ты мужиком с титьками — шокировалась бы, поди, — раздался из-за двери скрипучий смех. Будто гвоздем по стеклу, меня аж передернуло. И чтобы это прекратить, сказала:

— А ведь бывают и такие. Там, у нас, — махнула я в сторону рукой. И только теперь до меня дошло, что мы общаемся по-рус... Нет, секундочку. А ну-ка... Я старательно, по слогам произнесла, внимательно при этом прислушиваясь к себе: — А ведь бы-ва-ют и та-ки-е. — Вот только на самом деле мои губы произнесли: — Ку рум ты-ка-ла у се-ке-ра...

А-а-аа! Улюхапа! Я что, говорю по-обиссякски?! Точнее, местный язык по-ихнему — это «коштор». И я его откуда-то знаю не хуже родного! Вот уж куротога! Укотон меня пи...

— Ты чего там ерунду лопочешь, а в дом не заходишь? — забеспокоилась хозяйка.

— А можно я все-таки зайду с ежиком? — спросила я на чистом кошторском. Вот только «ежик» не перевелся. Значит, у них такие не водятся. Но мне было бы с Болтуном спокойнее, родная душа все-таки, земля. — Он больше не будет никуда тайком забираться.

— Тогда на руках его держи.

— Он колючий!

Но Болтун сказал вдруг: «Нет» и подошел ко мне вплотную, как бы намекая на то, чтобы я его взяла. Я с опаской подставила руки, и он забрался мне на ладони, на самом деле ничуть не уколов. Наоборот, брюшко у него оказалось мягоньким и тепленьким.

— А ты что, тоже стал понимать по-здешнему? — шепнула я.

— Да, — негромко чихнул Болтун.

Я вспомнила, что обещала его расцеловать — и чмокнула в черный носик. Ежик тут же облизал в ответ мой. Ну вот, теперь я уже и с ежом целовалась, жизненный опыт растет.

— Мы готовы, — объявила я. — Но мне теперь нечем открыть дверь.

— Ногой пихни, она внутрь открывается.

— Это неблагоразумно, — сказала я, воспользовавшись советом. — Так проще проникнуть в дом незваным гостям.

— Чем их больше натащит, тем обед будет слаще! — опять заскрипела гвоздем по стеклу... и впрямь натуральная Баба-Яга!

Сидящая передо мной за грубым дощатым столом древняя старуха с клочками седых волос на морщинистой, словно кожа черепахи, голове, с крючковатым бородавчатым носом, одетая в черное платье с грубо нашитыми заплатами будто специально загримировалась для съемок детского ужастика. Впрочем, и я, взрослая, шарахнулась бы с воплем, увидев эту дамочку случайно. Да еще, не приведи гунтурал, ночью.

Вот только шарахнулась при виде меня как раз она. Точнее, вздрогнула и вскинула руки, словно защищаясь от удара. Правда, это длилось всего пару мгновений, Баба-Яга быстро вернула невозмутимый вид, но я-то успела заметить ее реакцию. И сочла нужным

извиниться:

— Простите. Я ведь предупреждала, что голая.

— Но ты не предупреждала, что ведьма, — проскрипела Яга.

— Потому что это не так, — вежливо улыбнулась я. Старость надо уважать, со всеми ее причудами, капризами, болячками и деменциями.

— Сейчас проверим. А ну, повернись-ка!

Я послушно повернулась, шепнув Болтуну: «Если бросится на меня, прыгай ей под ноги!»

— Вертайся взад, — разрешила хозяйка. И подняла скрюченный палец: — Говорила же, ведьма.

— С чего такой вывод? — снова улыбнулась я, начиная подозревать, что вряд ли что-то узнаю у хозяйки безногой избушки. А если и узнаю, то лучше этими знаниями не пользоваться.

— С того, что хрундюка у тебя нет, а говор наш ты впитала.

— Болтун тоже впитал ваш говор, — приподняла я ежа, — и что теперь, он колдун?

— У него вся спина в хрундюках. Да звери у нас и без того говорить умеют.

— Ежик знает только два слова, — огорчилась я за своего напарника. — Ну, почти три.

— Так он и не отсюда. Два для него — уже много. А три — вот уж точно болтун.

— Но я-то не ежик! Сами же говорите: нет у меня хрундюка.

— Ты вся — хрундюк. Потому и ведьма. А еще — рыжая.

— Скорее, темно-соломенная, — поправила я. — Или светло-каштановая. Цвета меда, во!

— Рыжая, не спорь. За чем пришла ко мне, сестра? И назови свое имя.

— Лава. Лава Мирос, — вырвалось у меня, будто всю жизнь так представлялась. — Я хотела узнать дорогу... Но вижу, вы заняты, так что мы, пожалуй, пойдем.

— Свою дорогу знаешь только ты, — пожала костлявыми плечами старуха. — Я могу лишь указать путь. И дать тебе нашей силы. Но за это будешь мне должна, Лава Мирос.

Так-так-так... Жаль, что бабушка выжила из ума. Но все-таки, а вдруг она знает, где королевский дворец? Говорят, когда старики теряют память, они не помнят, что было вчера, а вот из-за кого и с кем поцапались на выпускном семьдесят три года назад — могут в деталях рассказать. А тут — король! В печенках сидеть должен. Но сначала, как воспитанная, культурная девушка — отсутствие одежды невоспитанность не отнимает — я спросила:

— Простите, а как вас зовут?

— Грохломой. Грохлома Укх, если с прозвищем.

— Но ведь «укх» — это... — смущенно начала я.

— Стервятница, — закончила вместо меня старуха. — И что? Прозвище же. Оно всяким бывает. У меня и мама была Укх, и бабушка Укх, а вот прабабушка — Ук.

— Ой, — еще больше смутилась я.

— Но ты, сестра, можешь звать меня просто по имени. А коли мой возраст смущает, бабой Грохой зови.

— А сколько вам лет? — вырвался у меня не особо уместный для воспитанных девушек вопрос.

— Двести восемь.

— Да ну?! — ахнула я.

— Может, и боле, я пометок не делаю.

— Это правильно, — ляпнула я и выдала совсем уже полную глупость: — Женщине столько лет, на сколько она... э-э... о чем это я?.. Ах да! Где живет король Ромалауша?

— Так нельзя о короле, — покачала головой баба Гроха.

— Знаю-знаю, — замахала я руками. — Нужно: Ромалауша Из Энатакоров, Великий И Ужасный... То есть Прекрасный... И что-то там про конец его дней.

— Ты сейчас наговоришь нам обеим по костру, — посуровела ведьма.

— А что, у вас тоже сжигают ведьм на кострах?

— У нас всех неугодных сжигают. Или топят в нечистотах. Но это больше за воровство, жульничество или убийство. А за неуважение к королю — только костер.

— Да я его уважаю! Просто забыла полное обращение. Я ведь не местная, сами знаете.

— Никто не спросит, местная или нет, когда сжигать поведут. Так что слушай и запоминай, я памятное заклятье на тебя насылаю: Ромалауша Величайший Из Рода Энатакоров, Могущественных Правителей От Сотворения Мира И До Конца Его Дней Повтори!

Я повторила без запинки, заклятье сработало. И сказала:

— Спасибо. А теперь скажите, как к нему пройти. Он во дворце живет? Где этот дворец?

— Зачем тебе к королю? — опять посуровела Грохлома.

— Дело есть. Это личное, простите, — опустила я глаза.

— Личное к королю у только что прибывшей в этот мир иноземки? Да ты не так уж проста, рыжая Лава.

— Я не ры... то есть пусть даже и не совсем темно-соломенная, а такая, как вы сказали, но в остальном — вполне обычная девушка. Попавшая, правда, в не совсем обычную ситуацию. Но если вы не знаете, где находится дворец, мы пойдем, сами поищем. Да, Болтун?

— Нет, — ответил ежик.

— Почему? — изумленно заморгала я.

— Потому что твой Болтун — умный зверь, — показала на него скрюченным пальцем ведьма. — Как вы будет искать королевский дворец? Мир велик. А ты голая и голодная. И зверь твой голодный.

Я сразу вспомнила русские народные сказки, где Бабу-Ягу усталые путники обычно просили их накормить, напоить и спать уложить, а крючконосая ведьма постоянно мечтала их на лопату — да в печь. Может, и эта милая старушка-стервятница к тому же подводит? Хотя есть мне и правда уже захотелось. А вот в печку — не очень.

— А еще твой зверь помнит, — перевела теперь Грохлома палец на меня, — что я сулила тебе указать путь и дать ведьминской силы.

— То есть, вы все-таки знаете, где дворец? — вспомнила и я про это обещание. — Тогда скажите, пожалуйста, а силу не надо, ну ее. У меня ежик есть. — По правде говоря, мне просто было страшно. Кто его знает, что в голове у безумной старухи? Может, в ее представлении дать ведьминскую силу — это сварить меня в крутом кипятке. Ну-ка на фиг.

— Ты от силы не отказывайся. Без нее тебе здесь никак. Да и коли рождена ведьмой — все равно не отвертишься. Только сильной быть лучше, чем пустышкой, как ты. И в пустую-то чашу что угодно можно налить. Настоящие маги пустоту твою сразу увидят, а маги бывают разными. Сделает какой-нибудь из них тебя коклушей — и ежик не спасет.

— Какой еще клушей? — насупилась я. Даже зная местный язык, такого слова в своем лексиконе найти не смогла.

— Коклуша — безвольная помощница мага. Что будет говорить — то и станешь делать.

— Как акутура? — вырвалось у меня, хотя про Гошу и охотящуюся на него акутуру я рассказывать ведьме почему-то не хотела. Наверно, боялась сглазить, вроде как: расскажу — и любимому точно кирдык. Но Грохлома не стала выпрашивать, откуда я узнала про акутуру, зато объяснила:

— Акутура — лишь сущность, вызванная, чтобы убить. А коклуша — человек, но лишенный своей воли. Это хуже костра.

— Ну хорошо, — решила я пока не спорить с бабой Грохой, по-прежнему считая, что с головой у нее не все в порядке. — Сила — так сила. Но может, мы сначала покушаем? Вы уж простите, что напрашиваюсь, но мы с Болтуном и правда...

— Сначала не покушаем! — подняла руку старуха. Пальцы были растопырены и согнуты, словно она мечтала вцепиться ими в жертву, в качестве которой весьма вероятно могла оказаться и я. — Сначала договоримся о плате! Я ведь говорила, что ты будешь мне должна.

— О, да, конечно, — закивала я. — Только у меня ничего нет, кроме вот этого, — приподняла я ногу с самодельной обувкой из коры. — И кроме Болтуна, но его я не отдам точно.

— Ты заплатишь не тем, что имеешь сейчас, а тем, что еще только будет.

— Отложенный платеж? — насторожилась я. — А проценты какие? Знаете, я как-то не люблю с кредитами и всем таким связываться.

— Не дури, я ведь вижу: ты не дурочка.

— Спасибо. Но чем и как расплачиваться я в самом деле не поняла.

— Потому что я еще не сказала! — прикрикнула Грохлома, и ее глаза так сверкнули ярким изумрудным цветом, что я безоговорочно поняла: никакая она не умалишенная, и все, что говорит и скажет еще — правда.

— Слушаю, — сглотнула я.

— Когда однажды захочешь убить — не убивай, — не мигая, глядя мне прямо в глаза, процедила ведьма.

— Кого? Когда? — пробормотала я, совершенно сбита с толку.

— В этом и плата: пообещать, не зная.

У меня в голове бешено закувыркались мысли. Пообещать что-то ведьме — не значит ли это стать той самой коклушей? Но ведь она просит не убить кого-то, а наоборот — не убивать. Я и так не собираюсь никого убивать — почему не согласиться? А если убить нельзя даже комара? Да нет, такого бы она просить не стала! Или стала бы? Может, все-таки отказаться и уйти? А если она права насчет магов и моей пустоты? И вообще, ведьминская сила — это хорошо или плохо? Но если я уже ведьма, то быть ею без силы как-то глупо, смешно даже. Но я же не ведьма! Или ведьма? Что там мама рассказывала про свою бабушку? Вроде бы та работала в цирке и показывала фокусы, распиливала кого-то Или наоборот, ее распиливали? Нет, сжигали. На костре...

Чувствуя, что мысли докувыркаются сейчас до чего-нибудь совсем неприемлемого, я выкрикнула, словно прыгая в омут:

— Я согласна!

— Только помни, — пригрозила Грохлома, — коли нарушишь обещание, потеряешь

ведьминскую силу.

Я облегченно выдохнула — мысленно, конечно, чтобы не обижать старушку, но та уловила мое настроение и очень недобро прищурилась:

— Думаешь, легкое наказание? Мол, раньше-то силы не было — и ничего, жила себе. Вот только ты это сейчас так думаешь, а когда силу получишь, привыкнешь, сживешься с ней — тогда и поймешь, что это значит — ее потерять. Да и лишиться ее в ту минутку можешь, когда боле всего в ней нужда потребует. Так что наперед хорошенько подумай, прежде чем не исполнить обещанное.

— Исполню, честно, — пообещала я. И снова попросила: — А давайте теперь пробуем. Я-то могу потерпеть, но вот ежик...

— Фыр-р! — дернулся в ладонях Болтун. То ли попытался подтвердить мои слова, то ли возмутился, что я им прикрываю свое обжорство.

— Ежика своего, ладно, выпусти, пусть за печку ползет, тараканов ловит.

— Тараканов?! — возмутилась я. — Я понимаю, что вы обижены на Болтуна, но так-то уж зачем?

— А что, по-твоему, твой Болтун любит кушать?

— Ну, не знаю, — пожала я плечами. — Капустку, может, колбаску. Молочка, я думаю, хорошо бы ему налить.

— Не-ет! — забарабанил по моим ладоням лапками еж. Даже уколол слегка.

— Чего это ты? — удивилась я. — Ежики ведь любят молоко.

— Не-ет! — теперь даже подпрыгнул Болтун. Странно. Как будто я ему яд, а не молоко предложила.

— Но ведь тараканов ты уж точно не хочешь?

— Нет... Да... Нет... Да... — как уже было до этого, закашлялся Болтун.

Пардон, вопрос задан некорректно. Хотя ответ для меня был и так очевиден, я все же переспросила:

— Болтун, ты хочешь кушать тараканов?

— Да! — снова подпрыгнул ежик.

Что-то я упустила в своей жизни. Вопрос питания ежей точно прошел мимо меня. Но ведь почему-то была уверена, что они любят молоко! Может, это только Болтун такой уникал? У меня была знакомая, которая не любила шоколад. А ведь, это, пожалуй, еще необычной. Правда, тараканами она при этом не лакомила. Разве что втихаря, тоже где-нибудь за печкой. И я сказала Болтуну:

— Ладно. Иди ешь своих тараканов. Мне, если что, не предлагай.

Я опустила ежика на пол, и он стремглав утоптал за печку, откуда сразу же донесся неаппетитный хруст. Вот уж да... А ведь я его целовала! Больше не буду.

— А откуда вы знаете, что едят ежи? — спросила я бабу Гроху. — Здесь ведь они не водятся.

— Я хорошо знаю зверей, — ответила ведьма. — Лучше, чем людей уже, поди. Хоть твой Болтун и нездешний, но у него с тутошной живностью много похожего. Такие как он любят жучками-червячками похрустеть. Лягух еще трескают, мышек, от ящериц, змей не отказываются. Но у меня только сушеные имеются, для зелий да снадобий, я их твоему проглоту не дам.

Но и после таких сведений у меня не пропал аппетит. Наоборот, только вырос. Мелькнула даже идея, что сушеную змею можно было бы, пожалуй, погрызть. Я такой

мысли удивилась, но быстро придумала ей объяснение: если я, как оказалось, ведьма, то пуркуа бы и не па? Может, и впрямь попросить у Грохломы, а то, вон, желудок уже рулады выводит. Небось, подслушал мои мысли про еду.

Баба Гроха не стала кормить меня сушеными змеями. Даже заваливающей лягушачьей лапки не предложила. Она достала из печи чугунок, в котором оказалась обычная каша, очень похожая вкусом на пшеничную, хотя цветом была почти как гречневая. Хозяйка не пожалела для меня и масла, которым щедро сдобрила кашу. Я призадумалась было о происхождении данного продукта, ведь коровы у ведьмы не наблюдались, но в итоге голод оказался сильнее бесполезных подозрений, и я смолотила большую тарелищу гречневой пшеники и попросила еще. Запила я вкусное угощение не менее вкусным травяным чаем, от которого взбодрилась и почувствовала неодолимую тягу к решительным действиям. А именно — к немедленным поискам моего любимого принца, а для начала — его венценосного папы. Ведь время-то шло, а я, вместо того чтобы спасти Гошу, распиваю чай и размышляю о происхождении поглощаемых продуктов, когда акутура, возможно, собирается поглотить его. Нет, поглотить вряд ли — так пропадут доказательства, — но я вряд ли утешусь, если моего любимого убить убьют, а есть не станут.

В общем, я себя достаточно накрутила, чтобы встать из-за стола и решительно сказать:

— Спасибо за кашу, было очень вкусно. Но вы знаете, мы очень торопимся, поэтому если вы не передумали насчет силы, дайте мне ее, и мы пойдем.

— Торопыги-то как раз всюду и опаздывают, — насупилась ведьма. — А силу — ишь, дайте ей! Это тебе не каша, мне готовиться надо, зелье для купели варить.

— Варить? — почувствовала я пресловутых мурашек на коже, вспомнив мысли о варке в крутом кипятке.

— Можно еще настаивать, но это дольше. Два дня и три ночи. Но ты ведь торопишься. — Последнее было сказано с откровенным сарказмом.

— А варить долго?

— Как сварится — так и сразу.

— Сразу что? Меня в кипяток? — не удержалась я.

— Ага. Давно мясца вареного не кушала, — хмыкнула Грохлома. — Ты не прикидывайся симбакашкой, я говорила уже, что вижу: не дурочка ты. С дурой и возиться бы не стала.

Симбакашкой меня еще никто не называл. Перевод я, к сожалению, уже знала, но дословно даже говорить не буду. Если приблизительно, по смыслу, то это значит: непроходимая тупица. Во всех смыслах непроходимая. В общем, плохое слово. Я и правда не такая. И догадалась уже, что варить меня баба Гроха не будет, про мясцо она пошутила. Кстати, где мой ежик, что-то его давно не видно, не слышно?

Поймав, видимо, мой ищущий взгляд, ведьма угадала невысказанные опасения и сказала:

— Болтун твой наелся и на печи теперь дрыхнет. Полезай-ка и ты к нему, вздремни-отдохни. И мне под ногами мешаться не будешь, пока я зелье готовлю.

А меня и правда потянуло в сон. Только что бодрой была, готовой хоть Енисей вброд перейти, и вот — веки будто смолой намазали.

— Я недо-олго, — зевнула я, забираясь на печь, и бормотнула развалившемуся там ежику: — Ну ты и разле-о-огся! Подвинься.

Потом-то я, конечно, удивлялась себе, что ничего не заподозрила — только что боялась,

как бы мной не отобедали, а вот уже полезла спать на печь едва знакомой старухи. И вообще, то, что вдруг меня так развезло, тоже ведь не заставило ни в чем засомневаться. Может, как раз Болтун своим посапыванием подобные мысли отвел: он-то ничего, кроме тараканов не ел. Вот только я не знала тогда, что и ему блюдец с тем самым травяным чайком, что я пила, баба Гроха за печку поставила. Короче говоря, вырубил нас ведьма, облапошила как детей малых. Симбакашка я все-таки.

Проснулась я оттого, что меня кто-то тряс за плечо. А поскольку спросонья совершенно забыла, где нахожусь, сильно испугалась: ко мне забрались воры! Я даже не задумалась, зачем бы им меня будить: спросить разрешения украсть вещи? Но задумываться я пока тоже не могла. Вообще, состояние было несколько странным, будто перед сном выдула в одно горло бутылку шампанского — имелся у меня такой единичный опыт, хотя на сей раз не тошнило и не болела голова.

— Вставай, вставай, — услышала я возле самого уха скрипучий голос. — Купель готова уже, полезай. Только боты свои сыми, ты прям в них спать улеглася.

Вот теперь я наконец вспомнила, где нахожусь. Про купель, правда, еще не сообразила. И уточнила:

— Что за купель? Кого крестим?

— Вот те на, — замотала плешивой головой баба Гроха. — Я старалась, убивалась, силушку тратила, а ты не помнишь даже, что за купель. Ведьминскую силу кто хотел получить?

— Я. Вернее, не то чтобы хотела, но раз уж вы говорите, что я ведьма, и предложили дать силы...

— Говорите?! — вскинулась Грохлома. — Предложили?! Не то чтобы хотела?! А на кой я тогда все устраивала? Сколько добра на зелье ушло, знаешь? А сколько своей ведьминской силы я туда вбухала, пока варила да наговаривала? Неблагодарная ты, Лава Мирос. Обидно мне.

Я как раз уже очухалась настолько, что вспомнила, как подозрительно перед этим вырубилась. Хотела даже высказать претензии, но подумала: а в чем я собралась обвинять ведьму? Она меня не убила, не съела, даже лапти мои не украдала... Я поискала глазами ежика — Болтун был жив-здоров и сладко посапывал, ведьмины вопли его не разбудили. Так что усыпить нас милая старушка, скорее всего усыпила, но ничего плохого при этом с нами не сотворила. Скорее всего, сделала это и впрямь, чтобы не путались под ногами. Или не хотела выдавать секретов приготовления ведьминского зелья и содержание наговоров. И вообще, мне самой нужно быть осторожней, особенно с людьми таких профессий. Ведь Грохлома и не скрывала, что ведьма. А мне хоть бы что — кашу и чай из ее рук принимала, да еще добавки просила. Но с другой стороны, очень уж кушать хотелось.

Ладно, что было, то прошло. Хорошо то, что хорошо кончается. Впредь буду умней и осторожней. По крайней мере постараюсь. И я очень умно и осторожно сказала:

— Не обижайтесь, это я просто еще не проснулась. Тогда. А теперь уже все, в полном порядке. Только, может, сначала чая попьем? А лучше кофе. Впрочем, можно и потом. Просто я после кофе совсем бы стала бодрой. Особенно если из зерен сварить, а не растворимый набухать.

— Вот несет же девка ересь какую-то, — вздохнула баба Гроха, — а я ее слушаю. И не гоню ведь, даже сердать на нее перестала. Сильная ведьма, видать, хоть пока и без силы.

— А сильная без силы — это не оксюморон? — вырвалось у меня.

— Это шклискин пирканжак, — огрызнулась Грохлома, и я, наверняка вспыхнув до корней волос, прикусила язычок; таких выражений даже от повидавшей жизнь ведьмы не ожидала. А ведь собиралась быть умной и осторожной!

— Простите, — покаянно опустила я голову. — Может, давайте тогда приступим?

— Разуйся сперва, говорила же, — проворчала старуха.

Я послушно развязала и сняла свои хендмейдовские шузы. Собралась спрыгнуть с печи, но баба Гроха схватила за руку:

— Куда?! Опрокинешь купель — снова зелье готовить не стану!

Лишь тогда я глянула вниз. Почти треть жилого пространства избушки занимало огромное деревянное корыто размером почти со стандартную ванну, может, лишь чуточку уже. Откуда Грохлома его, интересно, вытащила? И в нем действительно было зелье — во всяком случае цвет у налитой в эту купель жидкости был зеленым. С коричневатым болотным оттенком. А еще я уловила запах — слегка подгнившего мокрого сена в котором кто-то не дождался весны. Нотку гнили, вполне вероятно, добавляли сушеные, а теперь отмокшие черви и мыши, но я не специалист, не берусь утверждать наверняка. Хотя именно с помощью этого зелья меня и собирались сделать тем самым специалистом. Интересно, нужные знания впитаются прямо через кожу, или это еще придется пить? Последнего бы не хотелось. Да и первого, откровенно говоря, не очень. Но не расстраивать же старушку окончательно? Ну, искупаюсь. Не убудет от меня. Потом где-нибудь в речке отмоюсь. А вот пить откажусь. Пусть хоть сердится, хоть прогоняет — не буду. В конце концов у меня тоже есть чувство собственного достоинства, пусть я даже сейчас и голая.

Такие мысли шныряли у меня в голове, когда баба Гроха, не отпуская моей руки, проворчала:

— Ну и чего замерла? Зелье остынет, потом сопли тебе выводи! Ставь ногу-то на приступок да слезай.

Сбоку у печи и правда была деревянная полочка, чтобы легче было забираться и спускаться. Забиралась-то я уже полусонной, никаких приступков не запомнила, а сейчас им воспользовалась и вполне элегантно спустилась на узкую лавочку внизу печки, а потом уже на пол.

— Теперь лезь в купель, — заметив мою нерешительность, сказала ведьма. — И сразу окунайся с головой — нужно, чтобы ничего сухим не осталось.

— Долго не дышать не смогу, — забеспокоилась я.

— А кто тебе велит не дышать? Окунешься — и сразу вынырнешь, потом так лежать будешь, силу впитывать.

— Не горячо хоть? — спросила я, помня, что собралась быть осторожной.

— Не горячо. Полезай, а то и впрямь ведь холодно станет!

Я подняла ногу, занесла над импровизированной ванной, коснулась пальчиками воды... И правда не горячо. Комфортная температура. И тогда я сначала шагнула в корыто, потом уселась, потом растянулась, а потом... Потом кожу стало пощипывать. Сначала слегка, потом все сильней и сильней.

— А! Жжется! — схватилась я за края купели, собираясь из нее немедленно выбраться. Но ведьма была уже рядом.

— Куда?! — закричала она. — Ишь, неженка! Не бойсь, не сожжешься! А ну, окунайся с головой!

И она схватила мою голову и сунула под воду. Или что это было на самом деле — кислота, щелочь, средство для избавления от юных дур или для их маринования перед нанизыванием на супершампур?

Я едва не начала орать прямо там — вот бы нахлебалась отравы! Но каким-то чудом

сдержалась, зато, с нарастающим ужасом чувствуя, как защипало лицо, отчаянно забилась, забарахталась, и сумела все-таки вырваться из бабкиного захвата и поднять голову.

— Болтун!!! Спасай!!! — завопила я. — Прыгай ей под ноги!

И ежик меня услышал! И бросился, умничка такой, на помощь. Вот только проснуться до конца не успел, глазки, наверное, остались закрытыми. Он вылетел с печки, словно шипастая бомба, описал в воздухе красивую короткую дугу и с громким плюхом шлепнулся в купель с зеленым жгучим маринадом.

Болтун камнем пошел ко дну. Я не сразу смогла его нащупать, потому что было не понять: колются ли это ежовые иголки, или щиплется мерзкая жижа. А когда я все-таки вытащила своего верного товарища, который от ужаса свернулся в клубок, и выскочила вместе с ним из корыта, первым моим желанием было убить старую ведьму. Не до смерти, конечно, но сильно. Чтобы навсегда свои людоедские повадки забыла. Я тихая, спокойная и добрая, но когда меня маринуют, тоже, знаете ли, выхожу из себя.

Однако когда я развернулась к подлой Грохломе, гнев мой тут же сменился страхом. Причем, страхом за нее, старую ведьму. Я уже говорила, что она и так-то красотой не блистала, но тут и вовсе стала похожей на ожившую покойницу. Даже не на ожившую, а просто вставшую из гроба. Ее лицо, темное до этого от времени, морщин и пигментных пятен, стало серовато-зеленым — морщины и пятна при этом как нельзя лучше добавляли ему могильного колорита. Глаза ведьмы были распахнуты настолько широко, что хотелось подставить ладони — выпадут же! А нижняя челюсть повисла так низко, что я была уверена — назад ее уже не вставить.

Но я ошибалась насчет челюсти — та, громко щелкнув, захлопнулась. А потом открылась снова, чтобы выпустить скорбное: «Вот и все...»

— Все? — негромко переспросила я. Громко у меня не получилось, пересохло горло. — Что все? Ежик умер? — И я стала трясти моего игольчатого друга: — Болтун! Болтун! Не умирай!

— Фыр... — едва слышно донеслось из глубин колючего шара.

— Ты не умер! — возликовала я.

— Нет, — развернулся наконец ежик.

— И не умрешь?

— Нет... Да... Нет... Да...

— Прости! Прямо сейчас не умрешь?

— Нет.

И тут злобная стервятница, лицо которой возвращалось уже к привычному ужасному цвету, выдала вдруг:

— Я не про ежа сказала. Не только про него.

— Мне почему-то кажется, что не про себя точно, — прищурилась я.

— Про себя-то в первую очередь, — печально проскрипела старуха. — Постарела, потеряла сноровку.

— Да уж, остались без шашлыка... — начала я, но ведьма, опять став прежней, раздраженно отмахнулась:

— Не мели ерунду! Ты даже не понимаешь, что сейчас вышло.

— Как раз не вышло. Меня замарино...

— А ну молчи! — совсем уже сердито прикрикнула Грохлома. А потом добавила тише: — И слушай. Я натворила... сотворила... наделала...

— Накосычила, — подсказала я.

— Пусть так, накосычила. А потом и ты помогла. Но ты, ладно, не знала, а вот я... Пора мне на покой. Травку собирать, червей копать... А что посерьезней — все, хватит.

— Так в чем все-таки ваш косяк? — стало любопытно мне. Что интересно, я уже почти успокоилась. Главное, ежик живой. — Косяк не в смысле с травкой... Вы же не ту травку имели в виду?

— Опять ты ерунду мелешь! Помолчи, тебя ведь тоже касается... Так вот, мой косяк... тьфу на тебя!.. моя оплошность с того началась, что я вас обоих с ежом усыпила. Это ведь не только для того было, чтобы под ногами не путались — там кроме сонной еще такая трава была заварена, которая помогает ведьминскую силу впитывать. Болтуну твоему тоже смело дала, потому что ему все равно купель принимать не надо было.

— Но он ее принял... — прошептала я, чувствуя, как немеют от ужаса губы.

— Да, принял. Уже по твоей вине! Зачем было так орать-то?

— Я ведь думала, вы меня замариновать хотите. Для шашлыка.

— Для шплиндлюка, — грубо, но я уже стала к этому привыкать, выругалась ведьма.

— Но ведь щипало же! Знаете, как сильно?

— Потому и щипало, что ведьминская сила впитывалась. Она и должна жечься.

— Предупреждать надо, — буркнула я.

— В этом тоже мой кос... моя вина, признаю, — вздохнула Грохлома.

— Да! — вскинулась я. — Но что теперь будет с Болтуном? В него ведь тоже впиталась... сила... — осознав, что сказала, я зажала рот ладонью.

— Впиталась, — язвительно и в то же время грустно произнесла старуха. — Она и в тебя, и в него впиталась. Сила, предназначенная для одной ведьмы впиталась в двух существ. И я теперь ничего про вас не знаю.

— Как это не знаете? — убрала я руку от рта. — А кто знает?

— Сама и узнаешь. Тут ведь как: или вы только вместе колдовать сможете, но как вы об одном думать будете, не знаю...

— Или? — насупилась я, предчувствуя уже, что ничего хорошего не услышу.

— Или ты сможешь что-то одно, еж что-то другое... А вот кто что именно — как теперь узнать? Только время покажет.

— Значит, вы сделали из ежика ведьмака, — пробормотала я. — Это не просто косяк — это профнепригодность.

— А вот ругаться в моем доме не надо, — почти вежливо попросила Грохлома.

— Чмук! — произнес вдруг ежик.

— Ой, Болтун, ты уж совсем что-то, — смутилась я. — И правда, мы ведь в чужом доме, а ты такое слово... погоди! Ты научился разговаривать?! В смысле, кроме «да» и «нет»?

— Нет, — проворчал Болтун. — «Да», «Нет», «Чмук»... — немного подумав, добавил: — «Фыр».

— Вот только это, которое на «ч», не надо, а? — попросила я. — Это ведь очень плохое слово. Даже в русском языке аналога нет. Хотя я тебя, конечно, понимаю. Был Болтун, стал еще и колдун.

— Чмук! Чмук! Чмук! — зашелся в истеричном кашле ежик.

А потом вдруг перевернулось злополучное корыто. Болотно-зеленая жижа растеклась по полу. Еще сильнее запахло гнилью. Ведьма вперила в меня сердитый взгляд.

— Это не я! — замотав головой, прижала я к груди руки.

Мы обе с ней перевели взгляды на ежика. Болтун горделиво растопырил иголки. Я мысленно, с невольным трепетом, восхитилась четвероногим ведьмаком и подумала, что неплохо бы еще убрать с пола зловонную лужу. Буквально представила, как она исчезает, и...

— А это уже, кажется, я, — заморгала, глядя на сухой пол.

— С почином вас, — пробурчала старуха.

— Постойте, — дошло до меня. — Так это что, даже никаких заклятий не нужно? Что представил — то и вышло? Вы-то, вон, зелье варили, наговоры шептали...

— Ты себя со мной не равняй, уровни разные. Я высшая ведьма, а ты начинающая. Тебе рано еще с зельями и наговорами работать.

— А вам — поздно, — не удержалась я от подколки.

— Старшим дерзить вообще никому не годится, — проскрипела Грохлома. Не сердито, впрочем, а так, для порядка. И сказала еще: — Ты и без заклятий многое можешь. У тебя ведьмовство по-другому устроено, не как у нас. Здесь же, в этом мире, магия повсюду, сам воздух ею пропитан. Ты в ней — как рыба в воде. Так что, может, и сильнее меня стала бы...

— Если бы что?

— Если бы не твой ежик.

— Но вы же сами говорили, что ничего теперь не знаете, как у нас будет.

— Не знаю. И ты зла на меня не держи, я как лучше хотела, — опустила баба Гроха взгляд.

— Не буду. Только вы все-таки скажите, где королевский дворец. И еще... У вас не найдется какой-нибудь ненужной одежды? Хотя подождите, я ведь теперь могу ее наколдовать!

— Постой, Лава Мирос! — замахала руками Грохлома. — Скажу тебе важное. Колдовать можно многое, особенно на людей, на других существ: чтобы сделали то, не сделали этого. Не все, конечно, но многое: вспомнить, чего не было, забыть, что было, полюбить, разлюбить, в отношения вступить... Можно и с вещами так: чтобы пропало, чтобы упало, чтоб в тебя не попало... Ты, вон, зелье высушила. Это все ладно. А вот сделать что-то настоящее из ничего — тут нужна такая сила, которой и у меня нет. То, что из ничего — в ничего и уйдет. Сделаешь хлеб, но им не наешься. Вино наколдуешь — пьяным не станешь: пока вторую чарку пьешь, первая выветрится. Меч сделаешь, одного-другого им зарубишь, а на третьем рассыплется... Так и одежда — растает в воздухе, когда не ожидаешь. К примеру, когда на прием к королю попадешь.

— Конфуз получится, — согласилась я.

— Так и есть. Потому запомни: все самое важное не колдуй, а умом да руками добывай. А одежду дам тебе, у меня на чердаке свадебное платье хранится.

— Чье? — ахнула я.

— Мое, чье еще-то? — обиделась баба Гроха. — Я чужих невест не обкрадываю.

— А... когда была ваша свадьба? — осторожно полюбопытствовала я.

— Свадеб у меня было двадцать семь с половиной... с последней жених сбежал. Но это платье — с самой первой, мне тогда аккуратно восемнадцать стукнуло.

— То есть ему... — стала считать я в уме, — ...сто девяносто лет?!

— Тебе его носить или на хлеб намазывать? — насупилась ведьма.

Мне оставалось только смириться — все равно другого варианта не было. Пока не было. Доберусь до цивилизации — чего-нибудь придумаю. Наколдую денег — и куплю новое. Нет. Деньги нельзя колдовать это и нечестно, незаконно даже, и опасно: превратятся в воздух на

глазах у продавца — пришибет сразу. И за обман, и за колдовство. Или сдаст стражам порядка, а дальше, понятное дело, костер. Так что про наколдованные деньги забудь раз и навсегда, Лавочка! Хм-м... Какое некрасивое сокращение от нового имени. Нужно закрыть эту лавочку. Тоже раз и навсегда. А вот Лавушка — другое дело. Но это меня занесло не в ту сторону... Я ведь думала, где взять денег на новое платье. О! Идея! Будем выступать с Болтуном. Впервые на арене — говорящий ежик! Задавайте вопросы, получите ответы! «Да» «нет» или «чмук»! В смысле, «фыр»... Нет, тоже не годится: во-первых, ежей здесь не водится, могут испугаться колючего чучелку — прости, Болтун, — а во-вторых, он как чмукнет ненароком, и нас тоже поколотят. Потом стражам порядка сдадут, а там... Повторяться не буду.

Между тем баба Гроха принесла пыльный сверток. Настолько пыльный, что был похож на очень пушистого зверя — без головы, без лапок. Болтун при виде такого чуда даже попятился. А потом как чихнет! В избушке повис пылевой туман. И теперь уже чихать принялись все. Но недолго, потому что я вспомнила, кто я теперь такая. Мгновение — и... пыль превратилась в сосновые иголки, которые с тихим шорохом покрыли и пол, и стол, и нас с Грохломой, и ежика. Последнему это понравилось. Он подпрыгнул, отряхнулся и весело фыркнул. Ну да, иголки же. Почти родственники. А я пригорюнилась: колдовство вышло скомканным. Может, это как раз тот случай, когда не хватило той части силы, что оказалась у Болтуна? Но просить его убрать иголки я не рискнула. Впрочем, это уже сделала старая ведьма.

Теперь я разглядела в ее руках нечто серо-бурое. Это и есть свадебное платье? Оказалось, всего лишь оберточная бумага. Точнее, даже не бумага, а то ли тонкая кора, то ли пергамент — в любом случае что-то весьма хрупкое, поскольку тут же и рассыпалось на кусочки, едва Грохлома попыталась его развернуть. Разумеется! За сто девяносто лет что угодно делается хрупким. Вполне вероятно, само платье тоже.

Но нет, платье оказалось не хрупким. Но уже и не белым. Не таким серо-бурым, как рассыпавшаяся обертка, но все-таки сереньким. В чуть более темный горошек. Точнее, в пятнышки. И в дырочки — моль в этом мире определенно водилась. Зато оно было длинным и пышным.

— Ну-ка, примерь, — стараясь скрыть разочарование от увиденного, протянула ведьма шедевр местной моды двухвековой давности.

Я примерила. И даже удивилась, насколько впору мне это платье пришлось. Вот только пятнышки с дырочками... Впрочем, пятна оказались всего лишь слежавшейся пылью, от которой Грохлома быстро избавила мою новую одежду. С дырочками было сложнее. Я уже хорошо уяснила, что колдовство в этом случае сработать может, но временно, так что смысла в ней не было совершенно. А заштопывать вручную сотни три-четыре дырок — руки отвалятся. Да и времени жалко, его и так уже уйма потеряна. В конце концов, дырочки маленькие, сквозь них ничего неприличного не просвечивает — пусть думают, что они сделаны специально. Вентиляционные отверстия, во! И вообще, фасон такой, отстаньте.

— Спасибо, баба Гроха, — искренне поблагодарила я старую ведьму. — Теперь скажите, где дворец, и мы все-таки пойдем.

— А ты мне так и не откроешь, зачем тебе король? — спросила та.

Я прекрасно знаю по себе: женское любопытство — сильное чувство. Но говорить правду очень не хотелось — ладно бы это касалось меня одной, но ведь все ради Гоши! Не могла я рисковать. А врать не хотела. Не люблю, да и не умею толком. Поэтому я мотнула

головой и снова сказала:

— Простите, это личное.

— Имей в виду, — погрозила пальцем Грохлома, — король непотребства не потерпит!

— А в чем оно может заключаться? — удивленно подняла я брови. — Я теперь одета.

Обувка тоже имеется. Или во дворец в такой не пустят? У вас, случайно, туфельки не найдется? Вы же на свадьбе в туфлях были?

— Туфли я сносила. Чего их хранить? А твою обувку все равно под платьем будет не видно, оно же до пола. Но я другое непотребство имела в виду. Называй короля только полным именем, а не как тут давеча. Плохих слов не говори. Ежа с собой во дворец не вздумай брать.

— Фыр-р! — возмутился Болтун.

— Хоть «фыр», хоть «тыр-пыр», — насупилась ведьма. — Нечего зверью в королевском дворце делать. Там только мыши дрессированные в колесах вертятся, да птицы в клетках поют. Ты станешь в колесе крутиться? Или, может, песню споешь?

— Чмук, — презрительно бросил ежик.

— Вот! — подняла палец Грохлома. — Потому и нельзя тебя пущать во дворец. И тебя в колючую лапшу порубят, и Лаву прогонят. А скорее — на костер отправят за оскорбление королевского достоинства посредством ругательного недоразумения с иголками.

— Ч... — начал Болтун, но я притопнула:

— Пожалуйста, замолчи! И пожалуйста, не говори при мне это слово. Это же неприлично! И вообще, ты представитель нашего мира. Что подумают о нем здешние жители? Скажут: о, если там даже ежи ругаются, то люди, наверное, и вовсе распущенные. А если люди такие, значит, их плохо воспитывали — система образования никудышная. А также исправительная, соответственно. Значит, все остальные тоже. Следовательно, это не мир, а сплошной бардак. Вот что они скажут. А такое о нашем мире только мы сами можем говорить. Понял?

— Фыр.

— Ответ неправильный. Оставлю тебя на перевоспитание у бабы Грохи.

— Нет! — воскликнули ежик с ведьмой дуэтом.

— В таком случае какой правильный ответ? — ласково спросила я.

— Да, — проворчал ежик.

— Вот и хорошо, — скупно улыбнулась я и перевела взгляд на хозяйку. — Теперь вы.

— Я тоже не буду, — быстро сказала та.

— Чего не будете?

— Позорить твой мир. Это ж не мир, а лавка с пряниками!

— В смысле я?

— В смысле лабаз.

— Так и говорите, — нахмурилась я, но тут же замахала руками: — Нет! Вы вообще сейчас не о том! Я же вас не о пряниках спрашивала, а о том, как попасть во дворец.

— Попасть не знаю как, там стража, а добраться к нему легко: тут недалече река течет, Гулямба, она впадает в другую реку, Похгоболу, а та течет в Кыргызское море...

— И в том море остров, на нем скала, а на скале дворец, — хмыкнула я. Захотелось вдруг пошутить. Но я не угадала. Точнее, лишь частично.

— Да, — удивленно посмотрела на меня ведьма. — И остров есть, и скала. Только дворец не на ней. Дворец аккурат там, где первая река в другую впадает.

— Зачем же вы про море рассказывали?

— Потому что люблю я море, — мечтательно закатила глазки Грохлома.

Дорогу к реке Гулямбе нам баба Гроха показала. Точнее, не дорогу — той в принципе не было, — а направление, куда идти. Еще посоветовала найти лодочника, который жил в прибрежной деревушке, и купить у него лодку. На резонный вопрос — на какие шиши покупать эту лодку? — Грохлома ответила, что я теперь ведьма, должна учиться решать такие вопросы. Я подумала, что если купить лодку будет не на что, попрошу нас просто довести — вдруг лодочник добрый и не откажется помочь усталым путникам даром.

Еще старая ведьма накормила меня на дорожку остатками каши. Ежик сбегал за печку похрустеть тараканами. А вот от травяного чая мы оба отказались, хоть баба Гроха и клялась, что на сей раз травка безвредная, даже полезная: снимает усталость, отеки в ногах и боли в суставах.

— У меня ничего не отекло и не болит, — сказала я на это, и услышала в ответ оптимистичное:

— Заболит еще и отечет, можешь не сомневаться.

И все-таки я решила не рисковать и попросила обычной колодезной воды. Ежик меня поддержал.

А потом я распрощалась с хозяйкой избушки, поблагодарила ее за все, и мы с Болтуном потопали к реке, до которой, по словам Грохломы, было совсем близко — и солнце сесть не успеет. Кстати, о солнце. Уже вечерело, и у меня мелькнула была мысль, не переночевать ли у ведьмы. Но чувство самосохранения начало меня активно отговаривать — не словами, разумеется, а настойчивыми внутренними посылами. Если попытаться выразить их речью, получится что-то вроде: «Осторожно! Двери закрываются...», в смысле: «Осторожно, мины!», «Внимание! Работают люди!», «За буйки не заплывать!» и тому подобное. И я решила послушаться своего внутреннего голоса и не заплывать. То есть не ночевать. Тем более это было бы и лишней тратой драгоценного времени. В конце концов выспаться можно будет и в лодке — даже если поплывем без лодочника, течение не в ту сторону не свернет.

Однако насчет солнца Грохлома погорячилась. Оно уже скрылось за деревьями, посылая меж столов прощальные предзакатные лучи, а никакой рекой и не пахло. Впрочем, Болтун остановился вдруг и повел носом.

— Пахнет рекой? — спросила я.

— Нет.

— Лесными хищниками? — сказала, и сама невольно поежилась.

— Нет.

— Людьми?

Болтун ответил не сразу, но все же неуверенно дакнул.

— О! Так это, наверное, та самая деревушка, — обрадовалась я. — Побежали, пока совсем не стемнело!

Я рванула вперед, но тут же затормозила, сообразив, что делаю глупость. Ведь я наверняка бегая быстрее ежика, к тому же в лесу стало очень темно, так я Болтуна очень скоро потеряю — он даже крикнуть мне не сможет.

— Давай я тебя понесу? — предложила я ежику.

Тот почему-то ответил обиженным фырканьем. Странно, он ведь уже залезал ко мне на

руки — и ничего. Или обиделся, что я побежала, оставив его? Но я же быстро опомнилась. Или бедняжка все-таки успел испугаться?

— Ты прости если что, — сказала я ему. — Я ведь тоже иногда косячу. Не по злomu умыслу, а просто. Я ведь все-таки обычная девушка. Правда, теперь уже не совсем обычная, но поверь, то, что я стала ведьмой не сделало меня умнее. Да ты и сам знаешь, ты ведь тоже... Ой, прости, я имела в виду не то, что ты глупый, а то...

И тут вдруг вспыхнуло дерево метрах в пяти перед нами. Меня так и обдало жаром — первым делом подумала: не загорелось бы платье.

— Давай ко мне! Давай! — присев, вытянула я ладони. — Надо убегать! Сейчас тут все загорится, и мы поджаримся!

Но Болтун опять фыркнул и на руки ко мне не пошел. Сидел и смотрел странным взглядом. Еще и иглы растопырил. Как в тот раз, когда опрокинул корыто... Дикая мысль вспыхнула в голове не хуже дерева:

— Это ты его поджег?

— Да, — сказал ежик.

— Но зачем?!

— Фыр-р!

— Назло мне?

— Нет.

— Чтобы доказать, какой ты крутой?

— Нет.

— Только не говори, что нечаянно.

— Нет... Да... Нет... Да...

— Нечаянно?!

— Да.

— Ни фиги себе. А ты азартен, Парамоша.

— Фыр?..

— Не бери в голову, это из фильма.

Между тем огонь перекинулся уже на соседнее дерево. Нужно было срочно убегать! Или... Я с размаху хлопнула по лбу, аж в голове загудело. Умнее я от своего ведьмовства точно не стала. То есть я не дура, конечно, но соображаю порой медленно. Теперь только вспомнила, что я ведьма. И в принципе могу попробовать... Я представила, как исчезает огонь, сильно захотела этого — и он на самом деле исчез. Почему-то вместе с самими горевшими деревьями. На том месте, где они росли, осталось лишь несколько тлеющих угольков.

Впрочем, похоже, я не все потушила. В той стороне, куда мы направлялись, заплясал еще огонек. Я собралась погасить и его, но поняла вдруг, что огонь приближается. И он был совсем небольшим, словно пламя факела. Нет, не словно. Это и было как раз пламя факела. А нес его... Издалека было плохо видно, да и факел колебался, пламя прыгало, но все-таки это был, скорее, мужчина — я разглядела короткие волосы, да и фигура показалась слишком крупной для женской.

Первым моим желанием было дать деру. Но я его быстро укротила. Во-первых, я не могла бросить ежика, а просто так его на руки не схватишь. Во-вторых, зачем бежать — ведь мы ничего плохого не делаем. Ну, поджег Болтун лес, так это же случайно получилось, тем более я все исправила. Правда, вот этого всего говорить нельзя точно — неизвестно, как

относится к ведьмам тот человек. Врать я, конечно, не люблю, но иногда легкая фантазия может отвести тяжелые последствия. И я зашептала ежу:

— Это не мы. Подождли, я имею в виду. В смысле, мы не поджигали. И не тушили. Оно само как-то... И мы не ведьмы, не вздумай взболтнуть! Мы простые мирные ежики... В смысле, ты — ежик, а я... эта... как ее... неважно, соображу по ходу.

Едва я успела договорить, из-за ближайших деревьев выскочил... великан. Да-да, мужчина с факелом вблизи оказался просто огромным! Рост — точно за два метра, да и в объёме... два не два, но о-очень много. Правда, лицо его было не страшным и злобным, а скорее удивленным, растерянным. Оно было похоже на мордашку пятилетнего ребенка, которому обещали, что придет Дед Мороз, а приперлась сомнительного вида Снегурочка. Без подарков. Зато с ежиком. Но гигантский малыш ежиков до этого не видел, и определенно собрался ткнуть в Болтуна факелом. Тот сразу шмыгнул за меня, а я вскинула руки и добрым сказочным голосом завопила:

— Не вздумай!!! Он хороший!

— Где ты его взяла? — спросил великан, продолжая держать наготове факел.

— В лесу, — честно ответила я, не уточняя, в каком.

— Но что это за уродец? Похож на больного укрунтила. Он, наверное, заразный, прогони!

— Нет, он правда хороший. И совершенно не укрунтил. Это вполне здоровый еж... Ну вот такое я ему название придумала. А имя у него Болтун.

— Слишком говорливый?

— Был. Пока я не сказала, что болтливых не люблю. И он сразу послушался, теперь все больше молчит. Так что он разумный, послушный, добрый, безобидный... Не трогайте его, ладно?

— Хорошо, — неохотно отвел факел гигант. И завертел головой: — А где огонь? Я увидел, что лес горит, и побежал, а тут...

— А тут уже ничего не горит, — во все зубы улыбнулась я. — Все хорошо. Идите домой.

— Но ведь горело же! Не только я видел, вся деревня.

— Так и мы видели. Оно как загорится! Мы с Болтуном испугались, зажмурились, а потом открыли глаза — и все уже, не горит ничего.

Великан посмотрел в почти уже черное вечернее небо и сурово произнес:

— Это дракон, больше некому. Попугать вас вздумал.

— А, — сказала я, — тогда ладно.

— Что ладно? — заморгал великан.

— Что это дракон, а не какой-нибудь ужас-ужас.

— Разве дракон не ужас?

— Смотря какой дракон. — Я начала соображать, что несу чушь, и попробовала выкрутиться: — И потом, дракон — это объяснимый ужас, а вот когда встречается что-то необъяснимое, оно гораздо ужасней. Погодите... А тут что, есть драконы?

— Драконы везде есть, — философски ответил гигант. — У них же крылья.

— Я думала, они воды боятся, — нашла я. — Здесь же где-то рядом река?

— Река-то рядом, а чего драконам воды бояться? — удивился великан.

— Намочат крылья, не смогут летать, — помахала я руками. — А то, что река рядом — хорошо. Нам бы еще лодочника найти.

— Так нашли уже.

— Нет, это просто ежик, — сказала я, начиная сомневаться в умственном здоровье незнакомца.

— А лодочник — я, — сказал тот, подсветив лицо факелом. — Меня Пувилон Гудоронком зовут. А тебя как?

— Лава Мирос, — сделала я легкий поклон.

— От кого-то убегаешь, Лава?

— Нет, просто странствую. — Об истинных целях своих странствий я решила не распространяться.

— А платье все в дырках. Стреляли?

— Из чего бы я могла стрелять, из ежика? — опять забеспокоил меня рассудок Пувилона. Обидно. Нашелся лодочник — и тот с головой не дружит. С таким куда-то плыть опасно.

— Да не ты, в тебя стреляли, — еще больше подтвердил он мои опасения. — На твоём же платье дырки.

— Если бы в меня стреляли, то столько же дырок было бы и во мне. Но столько нет, поверьте на слово. Скажите лучше: у вас еще лодочники имеются?

— Меня одного — и то много, — усмехнулся Пувилон. — Нас тут всего-то полсотни. А тебе зачем лодочник?

— Лодку купить, устала пешком странствовать.

— Лодка одна, не продам, — замотал головой великан.

— А есть кто-нибудь в вашей деревне, кто согласился бы меня отвезти на лодке?

— Так я и отвезу. Я ведь лодочник-то, — подозрительно глянул на меня Пувилон. Теперь, видимо, он засомневался в моем уме.

Мне надоел этот балаган. Да и стало совсем темно, нужно было принимать какое-то решение. И похоже, без помощи этого большого странного лодочника нам с Болтуном было не обойтись. С учетом, что здесь, оказывается, водились драконы — просто так под кустик спать не ляжешь.

— Хорошо, — кивнула я. — Поехали.

— Куда?! — ахнул лодочник. — Ночь же.

— И пусть ночь. Я не собираюсь любоваться пейзажами. Я вообще буду спать. Болтун тоже.

— Будет не видно, куда плыть, — сказал Пувилон таким настороженным тоном, что я забеспокоилась: не удрал бы. И поскорее его успокоила:

— Да и не надо смотреть! Вы тоже можете спать. Мне нужно вниз по течению, так что и грести не придется.

— А тебе куда надо-то? — теперь уже откровенно насторожился лодочник.

— Во дво... — начала я и прикусила язычок. Скажу, что хочу встретиться с королем — Пувилон меня точно за ненормальную примет. Как теперь выкрутиться? Ну хоть так, может: — Водвояем с ежиком мы мечтаем посмотреть на реку... эту... ну... Погребалу.

— Похгоболу? — переспросил великан.

— Да. Я с детства мечтала, Болтун — тот как встретил меня — тоже замечтал.

— А что на нее смотреть? Река как река. Чуть побольше нашей Гулямбы.

— Вот! Я как раз и мечтала посмотреть на реку побольше. Отвезите нас туда, пожалуйста.

— Так ведь это неблизко. Как я потом назад против течения?

— Вы же вон какой большой и сильный, — восторженно сказала я. — Да вы и море переплывете — не заметите!

— Так тебе еще и на море? Нет, не поплыву, далеко сильно. И на лодке опасно.

— Нет-нет-нет, какое море! Не надо нам море, мы пресноводные с ежиком. Это я образно. Вроде того, что вам и море по колено.

— Море глубже, — угрюмо сказал Пувилон, — меня всего скроет.

— Это я тоже образно. Просто вы такой замечательный и видный, что в голову сплошные образы лезут.

— Про меня? — смущенно спросил лодочник.

— Разумеется. Высокий, сильный — не мужчина, а сказка! Для вас весла — как спички, река — ручеек. Одной рукой гребанул — половину реки переплыл, другой гребанул — вся река кончилась.

— Грести обеими руками надо, — возразил Пувилон. — Иначе закрутит.

— Вот, — добавила я новую порцию лести, — вы еще, оказывается, и умный.

— Дык, есть в кого, — смущенно завертел факелом лодочник. — Папаня тоже лодочником был. Он даже лодку сам сделал.

— А сейчас он где?

— Утоп, — горестно вздохнул великан. — На лодке и перевернулся.

— Не на той, что у вас теперь? — насторожилась я.

— На той. Он одну только и успел смастерить.

Теперь я уже откровенно стала жалеть, что встретила этого лодочника. Лучше бы мы с Болтуном сделали плот и поплыли самостоятельно. Вот только вышло бы, наверное, и впрямь самостоятельно — бревна отдельно, мы с ежиком тоже. Оставалось одно: рисковать и надеяться, что снаряд в одну воронку дважды не падает, в смысле, одна лодка два раза не перевернется. Утверждение сомнительное, но все-таки. И потом — забываю все время! — я же теперь ведьма. Наколдую лодке непотопляемость. Вернее, непереворачиваемость, а непотопляемость — нам.

И я сказала со вздохом:

— Ладно, Пувилон, уговорили. Едем.

Ответом было подозрительно затянувшееся молчание. Оно, конечно, знак согласие, но работает ли такое правило в этом мире? И тут я вспомнила кое-что еще немаловажное:

— Только, знаете, платить нам нечем. Но можете с ежиком в «да-нет» по дороге поиграть.

— Не надо платить, — наконец-то подал голос лодочник. Станный какой-то голос — сильный и глуховатый. Чего это с ним? Расстроился, что не заплатим? — Ты... это... замуж за меня потом выходи, Лава Мирос. Согласна?

— Погоди, — перешла я от неожиданности на «ты». — Это у тебя шутка такая?

— Не шутка. У нас в деревне-то невест не осталось, а ты мне приглянулась. И я тебе тоже, как ты говоришь. А платье мамка новое сошьет, без дырок.

— Как я тебе могла приглянуться, темно же! — ляпнула я первую пришедшую в голову отговорку.

— Главное успел увидеть. У тебя руки-ноги на месте и хрундюка нет.

— А это разве хорошо?

— Конечно. Ноги есть — ходить можешь, руки — стирать-готовить, мужа с детками ласкать...

— Но хрундюка-то нет! — завертелась я, тыча в спину.

— Потому и в жены зову. Ровня мы с тобой, простые люди, без магии.

Я чуть было не лягнула, что я — вся сплошной хрундюк и вообще ведьма, но благоразумия не сделать этого хватило, да и новый повод к отказу нашелся:

— Но ведь я странствую!

— Так я подожду. Ты ж сказала, к Похгоболе только, к морю не надо. Поглядишь — и назад поплывем. В столицу же ты всяко не пойдешь.

— Почему это? Странствовать так странствовать!

— Куда мне, деревенщине, в столицу? Да и не пустят.

— Ладно, — нашлась я. — Ты и не ходи. Ты меня снаружи подожди. Я быстро.

Очень некрасиво дарить людям несбыточные надежды, но с другой стороны, это он меня замуж позвал, я не напрашивалась. И согласия пока не давала.

— Сейчас ко мне пойдём, — твердо, как о давно решенном, заявил Пувилон.

— Это еще зачем? — нахмурилась я.

— Ночевать будем.

— Ух ты какой приткий! Чего резину тянуть, правда? Сразу к делу.

— Ночевка — не дело. Это нужда такая.

— Что-то я передумала тебя нанимать с такими нуждами, — буркнула я. И стала думать, как бы мне теперь от этого женишка отвязаться. Поколдовать, что ли? Опасно. Вдруг козленочком станет. Полутора центнеров весом. Опасно-опасно!

— Так ведь у всех такая нужда — спать ночью, — удивленно вымолвил неудавшийся козленочек.

— Смотря в каком смысле, — осторожно заметила я.

— А в каких смыслах спят? Закрыв глаза и — хр-р-рр! Ну, можно, правда, на спине, на животе и на боку. На двух боках. Сперва на том, потом на этом. Так что да, смыслов много.

— Я убью тебя, лодочник, — тяжело вздохнула я.

— Нет, — помотал головой Пувилон. — Тебе нечем меня убивать. А руками не сможешь.

— У меня есть ежик, он колючий. Ладно, это я уже говорила. И шутки в сторону. Никаких ночевок. Если едем — то прямо сейчас.

— А маме тебя показать? — с потаенной надеждой в голосе сказал великан.

— Что, если не одобрит, не нужна такая жена? — спросила я с ехидцей.

— Да не то чтобы... — смутился женишок, но тут же нашелся: — Так ведь с тебя мерку снять надо!

— Ты все-таки думаешь, перевернемся?

— Почему ты это спросила? — свел брови Пувилон.

— Сам же сказал про мерку. Чтобы гроб заранее сколотили.

— Не г-гроб, а пла-атье, — испуганно проблеял гигантский козленочек. — Не сколотили, а сши-или.

— И это сойдет. В могиле дырок будет не видно.

— Лава, не г-говори т-такое, — зашептал, заикаясь, лодочник. — Не н-надо п-про гроб и могилу. Ночь ведь, с-с-страшно же.

— Аж жуть! — добавила я. — А ты про какое платье?

— Про то, что мамка тебе сошьет, пока мы плаваем.

— Моряки не плавают, а ходят, — почему-то вспомнила я. Вряд ли это относилось к

речным лодочникам и их пассажирам, но вдруг.

— По реке неудобно ходить, — снова нахмурился Пувилон, — течение с ног сбивает. А про море ты говорила, что не надо.

— Море не надо, но река нужна прямо сейчас, — сказала я. — Платье пока не горит. А ночевать будем в лодке, это я тоже уже говорила.

— В лодке ночевать жестко. И подушки там нет. И одеяла.

— Ну да, — вздохнула я. — И мамы, чтобы песенку спела.

— Мне мама песен не пела, — буркнул великан.

— А как же она тебя усыпляла?

— На ручках укачивала.

— На руч-к-к-ках? — закашлялась я. — Такого верзилу?

— Я же не таким родился, — проворчал Пувилон.

— Не таким? А что с тобой потом случилось?

— Вырос.

Вот что у него было не отнять, так это присутствия железной логики. Тем не менее было нужно как-то свернуть ее в нужную сторону, потому что ждать до утра я не собиралась — Гоша мог до него и не дожить. Если уже не... Но нет, не думать об этом, не думать!

— Ладно, большой мальчик, — сказала я. — Если ты уже вырос и тебя не нужно укачивать и петь тебе песен, то давай-ка отправимся в путь.

— Ко мне домой?

— К тебе в лодку. И хватит ныть!

— Но ведь ночью темно! — завопил, правда не очень громко, Пувилон. — Только светит луна. И драконов на нас посылает.

— Да ты поэт, — удивилась я. — Или это не стихи, а правда — про луну и драконов?

— Не стихи, — отчего-то смутился лодочник. — Так говорят.

— Глупости, — сказала я. — Там воздуха нет.

— Ты была на луне?! — изумился лодочник.

— Нет, конечно. Тоже от кого-то слышала. Мол, нет там ни воздуха, ни жизни. Одни только кратеры, камни да лунная пыль.

— И драконы, — не отступал от своей версии Пувилон. — Не зря ведь говорит народ: дракон — он на луне живет.

— Опять стихи! — заулыбалась я.

— Нет, — снова засмутился великан, — это нечаянно вышло. Но вообще-то я сочиняю стихи...

— Ты сочиняешь стихи?! — восторженно воскликнула я.

— Да, — потупился Пувилон. — Я даже про тебя уже сочинил.

— А ну-ткадь! — приготовилась я к очередной «любви-моркови». Но все оказалось куда глубже.

Лодочник выставил вперед левую ногу, отвел в сторону левую руку, поднял над головой факел и торжественно, с драматическими подвываниями, стал выводить:

— Ты как деревце в лесу,

Как козявочка в носу,

Как цветочек в поле.

Я влюбился, что ли?

— Ну какой же я цветочек? — сквозь стиснутые зубы, изо всех сил стараясь не заржать,

процедила я.

— Гуратинка вонючая, — тут же ответил поэт.

— Спасибо, тронута, — поклонилась я и сделала вид, что сморкаюсь, хотя на самом деле давила вырывающийся из меня хохот.

— Вот как раз трогать гуратинку не надо, — предупредил Пувилон. — Она очень красивая и нежная, но если ее тронешь... Но это не про тебя! — опомнился он. — Как раз это не про тебя! Только красота и нежность!

— Ой ли? — прищурилась я, сразу расхотев смеяться. — А ты попробуй, тронь.

— Н-не хочу... — замотал головой лодочник.

— Тогда идем к лодке и не воня... В общем, идем и друг друга не трогаем.

— Нет! — послышалось снизу.

— Ты думал, я про тебя забыла? — наклонилась я к Болтуну.

— Да.

— Не дожدهшься. Как раз тебя-то я потрогаю. Забирайся ко мне на ручки, — подставила я ладони.

Ежик залез ко мне на руки и облегченно вздохнул. Надо же, как привязался, побоялся, что оставлю. Или ему просто страшно ночью в лесу? Да нет, ежи как раз ночные животные. Правда, лес здесь чужой, лунные драконы летают, гигантские поэты-лодочники бродят... И правда жутковато. Даже мне.

А гигантский поэт, похоже, сдался. Он больше не звал меня к маме, не предлагал ночевать и не читал стихов. Просто пошел вперед, бросив уже на ходу:

— Не отставай. И под ноги смотри.

— Упавшие ветки?

— Ядовитые змеи.

Я невольно ускорила шаг, чтобы идти след в след с Пувилоном в свете его факела. А ежик вдруг завозился в ладонях:

— Фыр-фыр-фыр-р!

— Ты чего? — спросила я. — Боишься змей?

— Нет!

— А, — вспомнила я слова старой ведьмы, — ты наоборот, любишь змей? В смысле, кушать.

— Да!

— И хочешь, чтобы я тебя отпустила за ними поохотиться?

— Да! Да! Да! — затопал по ладоням еж.

— Нет, — твердо сказала я. — Потеряешься в темноте, а времени у нас и так мало. Так что потерпишь, не барин.

— Чмук, — выдал Болтун.

— А вот за это я попрошу Пувилон сочинить про тебя стих.

Ежик затих. Даже, кажется, дышать перестал. Все-таки поэзия — великая сила.

Лодка оказалась вполне приличной — я даже перестала бояться, что она перевернется. Не то чтобы совсем перестала, но вероятность ее переворачивания по моим оценкам решительно упала. Где-то с восьмидесяти до двадцати процентов. Если бы не огромный Пувилон, который и давал эти двадцать процентов, я бы вообще посчитала эту лодку очень надежным судном. С другой стороны, Пувилон умел ею управлять, так что ладно, пусть остается десять процентов на то, что мы утонем, и девяносто, что нет. Опять же, мы с Болтуном ведьмы... ведьмаки... ведьмуны... Короче, мы те, кто может сказку сделать былью. Вероятность не очень большая, но есть. Хотя с той же самой вероятностью мы можем и ухудшить ситуацию, так что ладно, оставлю на печальный исход все те же двадцать процентов. Ничего, первые космонавты летали с куда большим шансом не вернуться.

Пока я высчитывала проценты, лодочник принес весла, которые хранил в небольшом сарайчике на берегу. Притащил он также и какой-то драный тулуп, от которого разило мокрой шерстью и еще чем-то непотребным.

— Вот, — потряс он им передо мной, отчего у меня заслезились глаза, — будешь на этом спать. Мя-ярко-о!

— Спасибо, я пешком постою, — пробормотала я, пятясь от такого подарка. — Сам лучше на нем спи, ты же говорил, что тебе жестко.

— Мне лодкой править надо, — деловито ответил великан, — некогда спать.

— В темноте все равно не видно, куда править, пусть течение несет, нам ведь как раз в ту сторону.

По правде говоря, было не так уж темно. Из-за облака как раз вышла такая огромная луна, что я невольно подумала: наверно, до нее совсем близко, так что драконы вполне могли бы долететь. Глупости, конечно, я прекрасно знаю, что такое космос. По крайней мере, что там нет воздуха, точно знаю. А луна никак не может находиться в атмосфере планеты. И кстати, это была совсем не Луна. В смысле, не наша, земная Луна, и даже не ее аналог. Мало того, что она была крупней — хотя, возможно, не крупней, а просто ближе, чем наша, — так на ней еще определенно вырисовывалось что-то вроде настоящих морей и озер, а также были и зеленые участки. И все это покрывала белесая дымка с ватными прослойками облаков. На этой луне имелась атмосфера, вода и растительность! Так что версия с драконами из мифа на глазах превращалась во вполне научную теорию. Оставался лишь вопрос, как они преодолевали безвоздушное пространство между спутником и планетой, но я пока оставила его в нерешенных и не требующих срочного ответа.

В общем, насчет темноты я погорячилась. Но даже и в лунном свете — куда смотреть-то? Мель все равно не увидишь, а если даже сядем на нее, то Пувилону стащить лодку на глубину — все равно что ложку каши ко рту поднести.

Про кашу мне подумалось неспроста — в животе заурчало. Лодочник это услышал.

— Вот! — сказал он. — Надо было ко мне домой зайти, мамка бы тебя накормила. Я-то как раз успел подкрепиться, — похлопал он по заметно выпирающему пузу.

— Фыр, — обиженно фыркнул Болтун, намекая, вероятно, что я не дала ему поохотиться на змей, и что он тоже остался голодным.

— Вообще-то мы тоже не так давно ели, — сказала я не только для Пувилона и ежика, но в основном для себя, чтобы ненароком не поддаться на провокации. — И потом, мы

будем во время плавания спать, а когда спишь — есть не хочется. Да, вот еще что, — показала я на вонючий тулуп, который лодочник до сих пор держал в руках. — Я на этом спать не буду, лучше травы нарву.

И я пошла рвать траву, благо ее на берегу росло очень много. Нос лодки оказался накрыт сверху досками, так что там получилось что-то вроде маленькой каюты, куда я и натаскала вкусно пахнущей травы. Настроение сразу улучшилось: я поеду практически первым классом — и мягко, и крыша над головой. Главное, чтобы по доброте душевной Пувилон все-таки не сунул туда тулуп. Ну да если сунет — выброшу в реку. Тулуп, в смысле, Пувилон может еще пригодиться. Да нет, это я так. Он в принципе был неплохим, добрым парнем. Только очень уж большим и прямолинейным. Зато можно быть спокойной, что не обманет. Разве что по незнанию. Но это уже не обман, а просчет. Тоже плохо, но не так обидно.

Пувилон за это время закрепил в уключинах оба весла, тулуп, к моей великой радости, положил к самой корме — наверно, подготовил себе ложе, а потом большим шестом оттолкнулся от берега, сел за весла, и наше путешествие началось.

Ежик сразу забрался в принесенную мной траву. Я не возражала, только сказала, чтобы он лег с краю, а то я во сне его раздавлю да еще и сама исколюсь. Лезть под носовой настил по примеру Болтуна я пока не стала — захотелось посмотреть на темную речную, гладь отражающую лунно-звездное небо, на проплывающие слева и справа от нас черные, похожие на костлявых чудовищ деревья, наконец, на само небо, на эту странную луну... Но посмотрев на нее, я сразу вспомнила про драконов. И хоть пока ни одного из них не видела — ведь даже дерево в лесу на самом-то деле подпалил не дракон, а ежик, — мне стало жутковато.

— А ночью драконы не летают? — приглушенным голосом спросила я у лодочника.

— Почему же? Летают, — ответил он. — Ночью-то им самое раздолье летать — их снизу не видно, а у них глаза так устроены, что видят еще лучше, чем днем. Вот еще почему мне сейчас спать нельзя.

— Что, вот прям сейчас может налететь дракон и поджечь нашу лодку? — спросила я с нервным смешком.

— Может поджечь, может перевернуть, а если крупный прилетит — может поднять высоко, а потом на берег сбросить. Мы разобьемся и не будем ему мешать лакомиться.

— А что ты будешь делать, если прилетит дракон? — задала я совсем не праздный вопрос. Мне очень хотелось получить на него внятный, достоверный, снимающий растущую тревогу ответ.

— Шестом в него буду тыкать. Если в глаз попаду — хорошо.

— А если не попадешь?

— Плохо будет. Дракон осерчает и тогда уже точно лодку сожжет. И нас вместе с ней.

— Но ему же тогда нечего будет кушать! — нашла я логический довод, чтобы нас не сжигать.

— Он и горелым не побрезгует.

— Пувилон, признайся честно, — сказала я, чувствуя, что дрожу, — ты меня сейчас специально пугаешь?

— Нечаянно, — виновато опустил голову великан. — Прости. Но ты спросила — я ответил.

— Тогда успокой меня скорее и скажи, что ночью на лодки драконы нападают очень-очень редко!

— Редко, — закивал лодочник. — На лодку моего деда драконы только два раза ночью нападали, а на дядькину — вообще один.

— Ну ладно тогда, — облегченно выдохнула я. Но спохватилась вдруг: — А сколько раз твой дед ночью плавал на лодке?

— Четыре.

— А дядька? — сглотнула я.

— Тот раз первым был. И последним он же.

— С-спасибо, — забило меня уже крупной дрожью. — Ус-спокоил.

— Вот и ладно, — сказал великан. — Но лучше пока не успокаивайся.

— П-почему это? — почувала я в его словах что-то очень нехорошее.

— Потому что дракон к нам уже летит.

Насколько я могла судить, дракон был некрупным. А судить я могла не очень хорошо, потому что хоть ночь из-за увеличенной луны тут была светлей, чем у нас, все равно трудно было сказать, наверняка: это летит маленькая, величиной с козу, крылатая ящерка, которая уже близко, или большая, размером со слона огнедышащая тварь, которая еще далеко. Я надеялась, что с козу. Ну, пусть с корову. Без учета хвоста.

Дракон и впрямь оказался размером с корову. Только у него еще был шипастый, заостренный на конце хвост, тоже с корову, и шея, которая тоже... Нет, я непонятно объясняю. Собственно, поначалу у меня как раз такие непонятные впечатления и сложились: ой, шипы! ой, зубы! ой, шея извивается! И все прям с корову-уу! У страха, известно, глаза велики. Но там в любом случае все было страшное, пусть и не очень крупное. Не гигантское. Разве что глаза на самом деле были очень большими. Не у страха, а у этого крылатого ужаса. Описать же, если уже спокойно, без эмоций, его можно так. Представьте средних размеров корову. Облицуйте ее крупной темной чешуей. Скорее всего, зеленоватой, но в лунном свете это могло быть ложным визуальным эффектом. В конце концов цвет на летные и боевые характеристики не влияет. Но вернемся к нашей корове. Ноги ей нужно сделать более толстыми, тоже покрыть чешуей, а копыта отбросить. Не в переносном, а в самом прямом смысле. Вместо копыт приделать когтистые лапы — примерно как у орла, но гораздо крупнее. Хвост нашей корове придется оторвать и вместо него приделать другой — как раз как у ящерицы, только длиной, как уже говорилось, с саму корову, и покрытый не только чешуей, но еще и шипами, а также имеющий на конце заострение — наверняка очень твердое, способное запросто проткнуть ту самую несчастную корову насквозь. Да, чуть не забыла! Шипы нужно приделать и к самой корове, вдоль ее хребта. И приделать по бокам крылья. Приблизительно как у летучих мышей, но в размахе... вот тут уже не с корову, а с упомянутого слона. По одному слону с каждой стороны. А вот теперь шея. Та, что у реальной коровы, для описания не годится. Ее нужно вытянуть примерно на длину самого тела. Получится такая толстенькая змея. Голова, сидящая на этой змее, от коровы тоже не подходит, совершенно. Придется отправить ее к уже отброшенным хвосту и копытам. А посадить вместо нее как раз почти змеиную голову, но размером с коровью. И как уже говорилось, с двумя огромными глазами, которые, казалось, светились в темноте, но скорее всего, просто хорошо отражали свет.

В общем, примерно такой вот дракон и подлетел к нашей лодке. Ах да, еще он скалил зубы — длинные, острые и тонкие, штук девяносто, мне некогда было точнее считать. А вот огнем почему-то он в нас не плевался. Вероятно, решил сначала попробовать перевернуть лодку. Пувилон же меня удивил. Он не стал звать маму, прыгать за борт, еще каким-либо

образом проявлять слабость характера. Как и говорил мне ранее, он схватил шест и стал тыкать им в машущего над нами крыльями дракона. Вот только делал это не слишком прицельно, и в глаз мог попасть разве что уж очень случайно.

Еще сильнее удивила себя я. Почему-то я почти не испугалась. Ведь страшно бывает, когда чего-то страшного ждешь, а когда оно прилетело — чего уже бояться? Нужно либо вопить, либо падать в обморок, либо пачкать штаны, либо делать все это разом. Но штанов у меня не было, а вопить в бессознательном состоянии я не умела. Поэтому решила помочь храброму лодочнику, вовремя вспомнив, что я теперь ведьма. Раскрываться перед ним напрямую я не хотела даже в этой ситуации, и всего-навсего представила, что шест протыкает дракону глаз и делает на обратной стороне головы еще один, поменьше. Как раз в этот момент Пувилон им и ткнул. По устоявшейся уже привычке наугад. Но на сей раз, благодаря моей магической воле, шест повернул точно к змеиной голове летающей твари. Еще мгновение — и та нанизалась бы глазом на большую волшебную палку. Но дракон умудрился ее заметить и невероятным образом успел отдернуть голову. Всего на несколько сантиметров, но этого хватило, чтобы шест ударил не в глаз, а по лбу. Будь кости драконьего черепа тоньше, хватило бы и этого. Но эффектным получился лишь звучный «бэм-мм!», не более. И вот тогда-то, то ли от испуга, то ли от злости, крылатая коровоящерица фукнула в нас пламенем.

То что случилось дальше, поразило нас с Пувилоном одинаково. По крайней мере мы оба с ним сказали по нехорошему слову, только он — на кошторском, а я вдруг вспомнила русский. Вообще-то я сказала даже три слова, но «ни» и «себе» не считаются, они же вполне приличные.

Так вот, выплюнутое драконом в нашу сторону пламя пролетело всего метр, не более, и превратилось вдруг в похожего на огненного ежа шипастый шар. Но самое главное, этот пылающий еж резко сменил направление полета на противоположное и залетел во все еще распахнутый рот чудовища. Дракон машинально захлопнул челюсти и так же машинально сглотнул. Шипастая петарда шарахнула ровно посередине длинной шеи. Во все стороны полетели искры, сгустки пламени и кровавые ошметки шеи. Голова дракона булькнула в реку. Сам же он, подобно обезглавленной курице, истерично замахал крыльями, свечой ушел в небо, а потом соскользнул на подогнувшееся крыло и пикируя, понесся к берегу, подобно сбитому «мессеру» — я не раз такое видела в кино. Из него даже дым шел. Из этой... этого... из того самого места, откуда логичней всего ему и было идти. Но упал он как-то очень уж неэффектно, не по-киношному. Шмякнулся в кусты — и все.

— Фыр! — прокомментировал это Болтун. Оказывается, он тоже вылез из носовой «спаленки» и наблюдал за происходящим. А может не только наблюдал? Неспроста же огненный шар был похожим на ежика.

— Ты? — негромко спросила я, кивнув в ту сторону, куда рухнул дракон.

— Да, — скромно ответил колючий герой.

Ни фига себе! Кузнечик завалил «мессер»! В смысле, ежик дракона, что не менее удивительно, и уж лично для нас особенно ценно.

Лодочник нашего краткого диалога, к счастью, не слышал. Он все еще смотрел туда, где валялась в кустах туша дракона. А потом сказал:

— Нужно срочно пристать к берегу.

— Проверить, не выжила ли ящерица? — спросила я. — Думаю, вряд ли. У нее же не хвост, а голова оторвалась.

— Н-нет, — отчего-то смутившись, пробормотал Пувилон. — Проверить, нет ли в других кустах других драконов. Надо очень быстро пристать и очень тщательно п-проверить.

Я все поняла. Наверное потому, что и сама вдруг очень захотела проверить кусты. Желательно, ближайšie. И да — как можно скорее.

Лодочник приналег на весла так, что мы наверняка побили мировой рекорд по гребле. Едва нос лодки зашуршал о прибрежный песок, великан выпрыгнул прямо в воду и понесся по направлению к зарослям. Я взяла левее, велев ежику сторожить наше судно. В конце концов он мог, если захочет, проверять драконов прямо здесь, возле лодки. Сколько он там напроверяет.

Когда мы все проверили драконов — как маленьких, так и больших — и вновь сели в лодку, Пувилон сказал мне:

— Вот видишь, всем спать нельзя. Нужно за небом следить. И как только еще вдалеке появится дракон — нужно приставать к берегу и бежать в кусты.

— Проверять драконов?

— Прятаться. Вдруг не заметит. Хотя, наверное, все равно заметит. Но может не всех сразу.

— Какой тогда смысл прятаться, если все равно заметит? — спросила я. — В этот-то раз пронесло.

— Пронесло уже потом... А, ты про то, что дракон нас не съел? Ну так это нам просто повезло, что он вдохнул не вовремя.

— Что ты имеешь в виду? — и правда не поняла я, о каком вдохе говорит лодочник.

— Как что? Ты разве не видела, из-за чего погиб дракон?

«Из-за ежика», — хотела сказать я, но удержалась, помотала головой.

— Ты наверное, зажмурилась в тот момент от страха. Слушай тогда. Я очень метко двинул дракона по лбу. Он выплюнул в меня пламя, но ему было так больно, и он так боялся, как бы я его снова не стукнул, что он вдохнул, чтобы заорать: «Не бей меня!», но нечаянно проглотил и свое пламя, которое еще было рядом. Оно залетело дракону в горло — тут ему и конец пришел.

— Вот, значит, как ты это интерпретировал, — пробормотала я.

— А как еще-то? Не твой же колючий укрунтит в него огненный шар запустил! — захохотал Пувилон.

— Фыр! — презрительно бросил «укрунтит», который пока еще не отправился спать. А потом уже другим, встревоженным тоном, зафыркал: — Фыр-фыр-фыр! Фыр фыр-фыр!

Интонационно это звучало примерно как: «Ну-ка тихо! Там опасность!» Да и смотрел Болтун куда-то на берег. Я смутно помнила, что вроде как у ежей со зрением не очень, но наш, возможно, был исключением из правил, или подлечился с помощью магии.

Я проследила за его взглядом и тоже заметила на левом, ближнем к нам берегу что-то темное. Точнее, кого-то, потому что оно шевелилось. Света луны было достаточно, чтобы понять: это не дракон. А если дракон, то небольшой, без хвоста и без крыльев. И с короткой шеей. И с руками, которыми он размахивал над головой. Все это я смогла рассмотреть, потому что мы не стояли на месте, а подплывали к темной фигуре все ближе и ближе. А мне становилось все тревожней и тревожней.

Я вообще стала замечать за собой, что сильно изменилась, попав в этот мир. Нервничаю, дергаюсь, суечусь, много болтаю. То-то бы Валера удивился! Что вдруг случилось с тихой, замкнутой молчуньей? Глядишь, и назад бы ко мне вернулся. Только

Валера мне больше на фиг не нужен, это раз, а попади он сам в чужой мир, да стань при этом ведьмаком, пусть и частично, — я бы еще посмотрела, как бы он сам изменился, это два. А то и три-четыре. Вздох глубокий, ноги шире. В смысле, руки. Но если честно, в эти самые руки себя все-таки пора брать. Понервничала, хватить. Цель — спасение Гоши. Остальное — пустое. Еще Болтун не пустой, он хороший. Нужно его домой вернуть. Кстати, раз уж он Болтун, то пусть за двоих и отдувается. А я снова стану молчуньей. В меру, конечно, но тем не менее. Хотя внутренний монолог у меня все равно получился болтливый. Ну так закон же сохранения энергии никто не отменял: если где-то убыло, значит, где-то прибыло.

Короче говоря, я взяла себя в руки, успокоилась и спокойненько сказала Пувилону:

— Попутчиков берем?

— Ты про того на берегу? — насупился лодочник. — Нет, конечно.

— Почему? — помня, что снова молчунья, лаконично отреагировала я.

— Потому что ночью в глухомани добрые люди редко встречаются. А зачем нам недобрый попутчик? Тем более, откуда ты знаешь, что он попутчик? Может, ему в другую сторону?

Я не стала отвечать. Потому что и правда не знала. И потому что я же молчунья.

Но тут закричал сам незнакомец. Мы были к нему уже достаточно близко, чтобы хорошо расслышать каждое слово:

— Помогите, добрые люди! Я убегал от дракона и сбился с пути! Не бойтесь меня, я безоружен и безопасен.

— Откуда нам знать, что ты безоружен? — возразил Пувилон. — Может, у тебя под плащом меч, а то и пицаль!

— У меня под плащом вообще ничего! Могу показать!

— Не надо, — шепнула я «жениху». — Знаем мы, что он покажет.

— Лава говорит, не надо показывать, она уже это видела! — прокричал лодочник, которого мне снова захотелось убить. Тот, кто сочинил эту песню, знал свое дело.

— Твоя женщина не могла это видеть, мы с ней незнакомы! — откликнулся извращенец.

— Фыр-р! — сказала я, а потом добавила: — Чмук!

И Болтун, и Пувилон с одинаковым выражением на мордах-лицах уставились на меня. Хотя у ежика в глазах еще блеснула обида. Я его поняла: мол, мне нельзя, а сама...

— Так что, не будем смотреть? — поинтересовался лодочник. — В смысле, помогать несчастному путнику?

— Нет, — ответила я.

— Нет... Да... Нет... Да... — забеспокоился ежик.

— Хочешь, чтобы мы ему помогли? — подкорректировала я вопрос.

— Да.

Я была уверена, что он сказал это мне назло. Из-за «чмука». Хотя... Болтун не идиот, чтобы рисковать нашими жизнями ради ущемленного самолюбия. Вероятно, как-то уже понял, что путник-беспутник и впрямь безопасен. Ну да, он же теперь ведьмак, пусть и с урезанным функционалом. Увидел как-то, что оружия нет. А насчет того, что незнакомец может показать, просто не понял — вряд ли среди ежей распространен эксгибиционизм, они и так голые.

Впрочем, неправильно понять этого дядьку в плаще могла и я. Что-то уж слишком

сомнительно, чтобы извращенцы отлавливали жертв в таком месте. Так скорее дракона дождешься, чем зрителей, а показывать свои прелести дракону — это уже не извращение, а очень редкий диагноз.

Может под «вообще ничего» путник имел в виду отсутствие оружия и прочих опасных предметов, а не одежду? А ну-ка... Я призвала на помощь ведьминскую силу и попробовала «заглянуть» под плащ незнакомца. Не зрением, чтобы и впрямь не увидеть, на что смотреть не хотелось, а как бы сверхвидением, как я это для себя назвала.

Я слегка перестаралась. Передо мной возникло что-то вроде рентгеновского снимка: кости скелета, череп, очертания внутренних органов... Но кое-какая польза от такого «рентгена» все же вышла: во-первых, я убедилась, что никакого оружия у путника нет. А во-вторых, у него не было и хрундюка. Так что бояться его и правда не стоило. А начнет чудить — река за бортом.

И я скупно бросила Пувилону:

— Тормози.

Подобранный нами заблудившийся путник сначала показался мне и впрямь совершенно безобидным. Самое главное, я действительно ошиблась насчет отсутствия у него нижней одежды. Разумеется, я не стала просить распахивать плащ, чтобы убедиться в этом, но как минимум сразу увидела, что на мужчине штаны, так что вряд ли он собирался нам показывать что-то непотребное. Еще на нем была шляпа с узкими полями, формой напоминающая котелок и высокие, наподобие ботфорт сапоги. Выглядел он лет на тридцать, но возможно, его молодило отсутствие растительности на лице и не особо яркий лунный свет, скрывающий изъяны кожи. А еще у него был совсем крохотный носик, что придавало лицу наивной детскости.

— Премного вам благодарен, — сказал он, когда наша лодка пристала к берегу. — Надеюсь, вы будете не против, если я взойду на борт?

Вот тут я немного насторожилась снова: слишком спокойно и слишком уж вычурно он говорил для заблудившегося в ночи бедолаги, за которым гонялся дракон. С другой стороны, может, он так воспитан и с незнакомыми людьми, пришедшими к нему на выручку, говорить по-иному посчитал невежливым. Независимо от драконов и времени суток.

— Входи, — сказал Пувилон. — Но мы плывем к Похгоболе только, не к морю.

— Мне к морю ни к чему, — скупой улыбнулся путник. — Похгобола меня вполне устроит.

И он перешагнул через борт лодки. Тут же увидел Болтуна и поморщился:

— На вашем судне завелся какой-то уродец. Выбросьте его в реку!

Бедный ежик от возмущения впал в ступор и даже не фыркнул, хотя в данном случае я не стала бы его ругать и за «чмук». И за него фыркнула я:

— Вас спасли, а вы раскомандовались! Если что-то не нравится — сами пожалуйста в реку. Или назад на берег, пока мы не уплыли.

— Простите, — приподнял мужчина шляпу. — Но укрупнил в вашей лодке определенно болен. Он может заразить всех нас. А то и покусать.

— Если будете его обзывать укрупнилом, непременно покусает. Еще и уколёт. Но не всех нас, а только своих обидчиков. Так что будьте с ним вежливым. Ради своего же блага. Никакой это не укрупнил, а еж. Его зовут Болтун.

— Простите, — глядя теперь на ежика, снова приподнял шляпу незнакомец. — Я не знал.

— Фыр, — наконец-то выдавил Болтун. То ли прощая обидчика, то ли просто не находя других слов.

— Тебя-то как звать? — оттолкнувшись шестом от берега и усевшись за весла, спросил лодочник. — Я вот Пувилон, это Лава.

— Надо же, как совпало! — всплеснул руками спасенный. — А я — Лапутун. По слогу от каждого из ваших имен! — И он церемонно поклонился: — Лапутун Рекбер к вашим услугам.

— Да какие от тебя услуги? — хмыкнул лодочник. — Ты же грести все равно не будешь.

— Не приучен, — подтвердил его слова Лапутун. — Но я могу помочь уже тем, что не стану мешать. Отправлюсь, пожалуй, спать. Вижу, в носовом отсеке у вас достаточно для этого места.

— Для этого, — ткнула я на него пальцем, — недостаточно. Это наша с Болтуном каюта.

— Позвольте, а как же я? — развел руками несостоявшийся извращенец.

— Вон там тулуп, — кивнул в сторону кормы лодочник. — Мягкий. Можешь спать на нем. Мне все равно ложиться нельзя — драконы.

Лапутун Рекбер перешел на корму, собрался сесть на тулуп, но подпрыгнул вдруг, едва не свалившись в реку:

— Это невообразимо! Ваш тулуп ужасно пахнет!

— А я и не говорил, что он вкусно пахнет, — спокойно отреагировал Пувилон. — Я сказал, что он мягкий.

— Но мне это не подходит! Меня это даже оскорбляет! Я, знаете ли, не простолюдин какой-нибудь, я высокородного происхождения.

— Не ври! — не выдержала я, от возмущения перейдя на «ты». — У тебя хрундюка нет.

Я прикусила язык, коря себя на чем свет стоит. Ведь зарекалась же болтать, и вот — сболтнула лишнего! Как я теперь объясню этому лживому наглецу свое всевидение? Но тот упустил этот момент из внимания и стал возмущаться:

— У меня есть хрундюк! Конечно же, есть! Мой папа — барон второго ранга! Только он маленький.

— Папа?

— Хрундюк. Потому не выпирает под плащом. Я бы его показал, но не собираюсь раздеваться перед простолюдинами.

— А ведь пока мы тебя не спасли — собирался, — вздохнула я и сказала лодочнику: — Пувилон, пристань снова к берегу.

— Зачем?

— Тут один баран с хрундюком хочет сойти.

— Барон! — возмутился Лапутун. — И не я, а папа. Я его внебрачный сын.

— Я и сказала не «барон», а «баран», потому что ты, а не папа. Но это уже неважно. Пувилон, причаливай.

— Нет-нет, не нужно! — заволновался внебрачный баран. — Я не хочу сходить! Зачем?

— Затем, что простолюдины не собираются плыть с тобой в одной лодке. Считаю собаку. В смысле, ежа.

— Простите, я погорячился, — быстро проговорил Лапутун. — Просто тулуп и впрямь ужасно пахнет.

— Запах в голову ударил? — прищурилась я. — Или сразу в хрундюк?

— Вероятно, — пробормотал наш подобралец. — И туда, и туда. Простите. Не высаживайте меня, я драконов боюсь.

— Ну ладно, — сделала я знак лодочнику, чтобы не приставал, а плыл дальше. — Мы пока не высадим тебя, но лишь с тремя условиями. Первое: ты больше нам не дерзишь. Второе: будешь сидеть там, где скажут. Третье: объясни-ка, что ты делал ночью в этой глухомани?

— О! — воодушевился Лапутун. — Куда мне можно сесть? Только не на тулуп, умоляю вас! Я помню про второе условие, но просто лишусь от этого запаха чувств и ничего не смогу рассказать.

— Вон на ту скамью садись, — кивнул Пувилон на доску между бортами позади себя.

— Там же твердо! То есть, я хотел сказать, там мне будет сидеть очень надежно и

уверенно. Не твердо, а прочно.

— Это уж точно, — в рифму поддакнул сидящий за веслами поэт.

Лапутун пробрался к скамье, пристроился и сказал:

— Я ехал издалека. В карете, запряженной двумя лошадьми. Там дорога. Там, дальше, если идти туда, откуда я пришел. То есть прибежал. А бежал я от дракона. От большого страшного дракона! О! Вам трудно представить, что это был за дракон! Он проглотил моих лошадей, не жуя. Одну за другой! А потом хотел съесть меня. Хорошо, что я быстро бегаю. И я убежал. Но заблудился. Вот и вся моя история.

Я сразу поняла, что Лапутун врет. Для этого даже не нужно было расходовать ведьминскую силу. Я узнала о том, что он лжец уже после вранья о хрундюке — за версту разящий ложью рассказ о проглоченных драконом лошадях стал всего лишь подтверждением этому. А еще я поняла, что никакой он не Лапутун — сочинил себе имя, услышав наши имена и взяв от них по слогу. И Рекбер — это «река» и «берег», первое, что пришло ему в голову, то есть то, что было перед глазами. Он не умел врать, но делал это с упоением. Скорее всего, он не сказал нам вообще ни слова правда. Кроме того, что тулуп ужасно пахнет — тут я была с ним полностью солидарна.

Подумав, я решила не заводить ненужных споров, чтобы вывести лгуна на чистую воду. Что изменится от того, что он сознается и скажет, что никакой его папа не барон, а к примеру, печник? И что сам он, украв где-то плащ и шляпу, решил сбежать из отцовского дома в столицу, чтобы начать там новую жизнь. Городских словечек поднахватался, пыжиться научился — и в путь. Сколько я таких историй дома, на родной складке, слышала! И далеко не все они счастливо заканчивались. Тем более вранье-то уж точно ни к чему хорошему не приведет, особенно такое неумелое. Но уж учить врать нашего подбиранца я точно не собиралась. Жизнь научит. Или наоборот, отучит. А я вообще собиралась возвращаться к молчаливому образу жизни. И решила отправиться спать — во сне много не наболтаешь.

Но тут подал вдруг голос Пувилон, который хмыкнул и сказал:

— Хорошая сказка.

— Почему же вдруг сказка? — обиженным тоном поинтересовался Лапутун, или как там его звали на самом деле.

— Потому что неправда. Дракон лошадь не проглотит — у него рот меньше. И горло узкое.

— А если огромный дракон?! На мою карету напал огромный-преогромный дракон! В его горло и карета бы влезла, но драконы ими не питаются.

— Такой огромный-преогромный дракон не смог бы летать, — категорично заявил лодочник.

— Почему это?! — взвился подбиранец.

— Потому что был бы очень тяжелым.

— А у него и крылья огромные-преогромные!

— Значит, тоже тяжелые. Он бы такими быстро устал махать.

Я невольно заслушалась. Надо же! Мой «женишок»-то — прям теоретик авиационного драконостроения. Несмотря на то что поэт. А Пувилон словно подслушал мои мысли.

— Хочешь, — сказал он лгунишке, — я про тебя стишок расскажу? У меня сочинилось.

— Не надо мне никаких стихов. Я спать буду. Сидя. Раз мне никто не верит.

— Так под стихи знаешь как хорошо засыпается! Слушай...

И Пувилон в своей поэтической манере, с подвываниями, выдал:

— Ты, Рекбер, не сын барона —

Прячешь ты в штанах корону,

Скрыл ее от наших глаз,

Будто ты один из нас.

Ты еще едок хороший —

Сам свою ты скушал лошадь

И каретой закусил,

А вторую отпустил,

Чтоб дракона приманить,

Чтоб потом его словить,

Оседлать и полетать,

За страной понаблюдать.

Полетал, пришел сюда...

Я ведь прав, врунишка?

— Да!!! — вскочил со скамьи Лапутун. — То есть нет, конечно же, нет!!! Ни на каком драконе я не летал! Кто тебе позволил издеваться над высокородным человеком, лодочник?! Я покидаю твою вонючую лоханку! Немедленно причаливай к берегу!

— Не надо, — шепнула я Пувилону, — его же драконы съедят.

— Да вообще-то уже светает, — глянул на небо лодочник. — Не съедят, думаю.

— Что вы там шепчетесь?! — продолжал горячиться подобралец. — И как вы смее сидеть, когда перед вами стоит сын барона?!

— Если я встану, — сказал Пувилон, — ты причалишь к берегу разве что сам, если плавать умеешь.

— А я вообще дама, — фыркнула я, — и может, еще повысокородней тебя.

— Королева, что ли? — скривился неблагодарный хам.

— И как ты догадался? — всплеснула я руками.

— Да ты вообще ведьма, — процедил Лапутун. — Рыжая нечисть со своим колючим прихвостнем!

— Ты сейчас точно вплавь причаливать будешь, — встала я, закатывая рукава платья. Это вышло у меня как-то само собой, от страха, наверное, что меня раскусили. А еще от обиды за Болтуна. Он ничем не заслужил, чтобы его то и дело обзывали.

— Причаливай! Причаливай! — завопил испуганный негодяй Пувилону.

Лодочник повернул наше суденышко к берегу. Хамовитый лгун в плаще выпрыгнул из лодки, когда до суши оставалось еще метра полтора. Впрочем, он был в сапогах, не промок. Отбежал подальше, подождал, пока мы отплывем от берега, и погрозил кулаком:

— Попадётся вы мне еще!

— Как бы ты нам не попался, — буркнула я, с трудом удерживаясь, чтобы не наколдовать этому нехорошему человеку чего-нибудь тоже нехорошего. Например, чтобы ему сильно захотелось попроверить, нет ли драконов в кустах. Но это было бы низко, я бы потом стыдилась. К тому же, могла бы случайно напортчить, и не он бы проверял драконов, а они его.

Кстати, а почему его в стишке Пувилона так задел именно дракон? Почему он завопил, что не летал на нем? Потому что все остальное было правдой? Да ну, не мог же он правда съесть лошадь! Хотя почему не мог? Конина вполне съедобна, особенно если хорошо

приготовить. А вот насчет кареты — явный перебор. Ее хоть жарь, хоть отваривай — много не откусишь. Зато с короной в штанах наш поэт весело придумал. Это же он намекнул, что врунишка слишком низко прицелился — подумает, незаконный сын барона! Уж врать так врать, не барон, а сам король, который, переодевшись, пошел в народ. Ну а что, такие случаи в литературе не раз описывались, даже и в кино сюжеты были.

Между прочим, тогда бы вполне логичным выглядело его поведение: эта велеречивая спесь, пренебрежительный выпендрей... И тут меня словно током шандарахнуло: а что если и правда? Что если я проворонила того, к кому как раз и направлялась?

— Пувилон! — обернулась я к лодочнику. — Причаль еще раз к берегу! Срочно! Пожалуйста! Догадку одну проверить надо.

— Не причалю, — проворчал тот, не поднимая на меня взгляда. Вот те раз! А что случилось? Я повторила это вслух и услышала:

— Случилось то, что ты ведьма.

— Что?! — ахнула я. — Ты поверил этому вруну? Но ты же сам сочинил про него стих, кто он есть на самом деле... Хотя, может, это и есть на самом деле. Погоди, а ты знаешь, какой у короля нос?

— Я королям носы не меряю, я лодочник. А вот ты...

— Так, — остановила я его, решительно вытянув руку. — Не продолжай, ты уже сказал, кем меня считаешь. Но если это даже так, то все, любовь прошла, козявочки завяли?

— Да я что, — заерзал на скамье Пувилон. — Но вот мама...

— Эх, ты, — сказала я. — Высаживай меня, жених, да к мамочке скорей возвращайся.

— Уже доплыли почти, — пропыхтел лодочник. — Вон она, столица-то.

Я посмотрела вперед. Лучи восходящего солнца как раз осветили видневшуюся вдалеке стену большого города. Нужно было решать, что делать: высаживаться здесь или плыть до столицы? Какова вероятность того, что Лапутун — это переодетый король? Странно появился, не менее странно себя вел, сошел вот... Между прочим, если это и правда король, чего бы ему выходить, не доехав до конечной станции совсем немного? Может, как раз затем, чтобы не проколотся — привратники-то его наверняка бы узнали. А здесь его могли поджидать заранее оставленные люди. И лошади с каретой. Он даже свое возмущение мог специально разыграть, чтобы сойти именно здесь, не вызвав у нас подозрений. Ну так что — и мне сойти здесь? С другой стороны, он же все равно вернется сейчас во дворец, так что поеду-ка я до самого города, раз уж обиженный «женишок» не отказывается довезти. И между прочим, я ведь и правда его обманула. То есть сразу не сказала, кто я такая. Побоялась, что откажется везти. А он вот все равно везет. Стыдно.

— Эй, Пувилон, — негромко позвала я.

— Не буду причаливать! Обещал к Похгоболе отвезти, туда и отвезу.

— Да я не причаливать. Я это... Ты прости меня, а? Я и правда ведьма. Не совсем, но почти. Я боялась сознаться. Простишь?

— Не совсем? — поднял голову лодочник. — Тогда, может, ничего еще? Можно мамке и не сказывать.

Я многозначительно промолчала. Да и что я могла сказать? Что не собираюсь знакомиться с его мамой ни при каких обстоятельствах? Он и так не в себе после событий минувшей ночи, зачем дополнительно расстраивать? Я прекрасно знала, что в некоторых ситуациях лучше ничего не предпринимать, в надежде, что само рассосется, и надеялась, что этот случай как раз из таких. Не в том смысле, что рассосется мама Пувилона, а в том, что

поэт-лодочник сам передумает нас знакомить.

Вообще-то это хорошо, что мое ведьмовство раскрылось. Я уже говорила, что не люблю врать, а тут еще и польза — могу избавиться от лишнего жениха. Между прочим, умей я врать, легко могла бы убедить наивного великана, что никакая я не ведьма — у меня же нет хрундюка. Баба Гроха, правда, сказала, что я вся хрундюк, но Пувилон до такого вряд ли додумался бы.

Тут до меня наконец дошло, что я совершенно правильно поступила, не погнавшись за сошедшим на берег лгуном Лапутуном. Кстати, «лгун Лапутун» неплохая рифма, напрасно ее лодочник не использовал... Но я вернула убежавшую мысль на место и додумала ее до конца: Лапутун не мог быть королем, потому что у него нет хрундюка! Даже у королевского сына, моего любимого Гошеньки, гребень на полспины, а у папы вообще нет? Не может такого быть. Кстати, по возрасту Лапутун тоже не мог быть Гошиным папой, это бы я могла и сразу сообразить. Впрочем, тут возможны варианты: король мог каким-нибудь способом омолаживаться. Кто их, королей, да еще в магическом королевстве, знает! А вот хрундюк так просто не спрячешь — я ведь лгунишку, считай, рентгеном просветила — чисто.

Мысль о нашем временном попугайке заскользила было дальше: кто же он тогда такой на самом деле, но тут лодка ткнулась носом в берег, и Пувилон провозгласил хладнокровным тоном поездного диктора:

— Мы прибыли к реке Похгоболе. По нашему уговору, дальше я не поплыву.

— А дальше и не надо, — широко улыбнулась я, чтобы хоть как-то поднять лодочнику настроение. — Спасибо тебе вот такущее! — раскинула в стороны руки.

— Ты Похгоболу с лодки посмотришь, или будешь выходить? — задал Пувилон вопрос, из которого следовало, что назад меня везти он все-таки не передумал.

— Я сойду. Вообще-то, я тебе уже говорила, что и столицу хочу посмотреть.

— А я тебе говорил, что меня туда не пустят. А теперь и тебя тоже.

— Чего это вдруг? — удивилась я. — Законы поменялись? А как ты узнал?

— Ты поменялась. Я узнал, что ты ведьма. А их в столицу кто же пустит? Вдруг порчу на короля наведут.

— Но я же все-таки не совсем ведьма, — с надеждой сказала я, поскольку новость лодочника меня никак не устраивала.

— Привратники сразу увидят, совсем или не совсем. Только думаю, что им и «не совсем» хватит, чтобы тебя не пустить. И Болтуна твоего не пустят.

— Потому что он тоже... — чуть не проговорила я, что ежик тоже ведьмак, пусть и не совсем. К счастью, Пувилон договорил за меня:

— Потому что он зверь. Нечего зверью в столице делать.

— Фыр-р! — возмущенно вставил Болтун, и я поняла, что он хотел сказать, потому что вспомнила слова Грохломы:

— Зверью нельзя во дворец, а в сам город можно, не выдумывай. А во дворец мы и... не того... Чего мы там забыли? — и хихикнула, чтобы лодочник ничего не заподозрил: — Порчу на короля наводить?

— Ну пусть ежа твоего в столицу и пустят, — сказал Пувилон. — Одного. Пойдет он туда один-то?

— Нет, — ответил Болтун.

— Что ему там одному делать? — добавила я.

— Вот и я о том. Так что посмотри еще на Похгоболу, да назад поедем — против

течения мне грести придется, больше времени уйдет.

Разумеется, ни о каком возвращении не могло быть и речи — я и так уже устала гнать от себя черные мысли, что опоздаю спасти моего любимого, если уже не опоздала. Но и сказать Пувилону правду не могла. Поэтому стала выкручиваться:

— Если мы все равно уже здесь, давай мы с ежиком попробуем зайти? А ты подожди нас чуток... Или не чуток — вдруг все-таки пустят. Надеюсь, они меня на костер не потащат, если решат, что я действительно ведьма?

— Я ведь не привратник, не знаю их порядков, — пожал широкими плечами лодочник. — Но если бы я был привратником, то не стал бы тебя тащить на костер.

— Потому что я тебе нравлюсь? — кокетливо улыбнулась я.

— Потому что нельзя оставлять пост. А сжигать ведьм прямо у городских ворот нехорошо — дым в столицу пойдет, запах дурной.

«Сам ты дурной», — чуть не лягнула я, но снова сказала с улыбкой:

— Вот видишь, шанс попасть на костер у меня невелик, так что я все же рискну. А тебе как раз лучше не рисковать, а подождать нас в лодке. Потому что ведьма — это одно, а тот, кто привез ведьму в столицу — это уже другое. Могут посчитать тебя террористом и сразу же, на месте, прикончить.

Если бы я знала, что лодочник из тех, кого чем больше запугиваешь, тем он смелее становится, я бы, конечно, промолчала. Да и вообще, собиралась же меньше болтать — да что-то никак не получается, беда просто! Точно здесь с воздухом что-то...

В общем, в ответ на мои страшилки Пувилон решительно заявил:

— Это неправда! Я хороший человек. Я никогда не задумывал ничего дурного, особенно против короля. Поэтому я пойду с тобой.

— Ты ведь сам говорил, что деревенщину в столицу не пускают...

— Мне и не надо в столицу. А тебя до привратников провожу. И назад тоже, чтобы они чего плохого моей невесте не сделали. Сжигать удумают — в охалку тебя схвачу и бегом к лодке. Я быстро бегаю, не смотри, что тяжелый.

Эх, все-таки он вернулся к мысли о женитьбе на мне. Ну ладно, пусть прогуляется, его помощь может и в самом деле пригодиться. Кто их, привратников, знает? Сжечь не сожгут, а начнут саблями махать да пиками тыкать, чтобы от ворот отогнать, а у меня и без того дырок на платье хватает.

Мы сошли на берег, Пувилон вытащил из воды лодку, пробормотав: «Теперь не украдут», а я посмотрела, как лучше пройти к городу и поняла, что никак. Прибрежная полоса, к которой мы пристали, была пологой и узкой, а дальше вздымался крутой глинистый откос в три моих роста.

— Ты зря вытащил лодку, — сказала я Пувилону. — Давай или немного вернемся, или проплывем чуточку дальше.

— Чуточку дальше — Похгобола, — помотал головой лодочник, — а позади такой же берег далеко тянется. Мы же плыли, разве не видела?

— Я задумалась. А вернуться все же придется. Ничего, прогуляемся слегка дальше.

— Не очень-то слегка. Далеконько! Давай я тебя лучше здесь наверх закину, — посмотрел на откос великан. — А Болтуна ты сама — он колется.

— А тебя кто закинет? — хмыкнула я. — И вообще, не люблю, когда мной бросаются вслепую. А вдруг там наверху арматурина торчит или бутылку кто-то разбил? Кстати, а где Болтун?

Я завертела головой и быстро его нашла. Ежик стоял чуть поодаль, пристально глядя на кручу, и подозрительно топорщил иголки.

Я не успела. Чуть-чуть, но все-таки не успела... Метнулась к ежику с криком: «Болтун! Стоп!!!», но глиняный откос дрогнул и поехал. Пусть и не весь, участок шириной метров пять, но как раз перед нами.

Зато я успела схватить Болтуна, не думая о том, что могу уколоться. И укололась, конечно, но в тот момент этого даже не заметила — нужно было спасать ежика, на которого стремительного надвигалась огромная масса глины. Откровенно говоря, не на него одного — на нас с ним вместе. Еще секунда-другая, и мой подвиг пропал бы впустую. Даже посмертный, он не имел бы смысла, потому что Болтун бы тоже погиб. Оставалось одно: быстренько что-то наколдо...

Меня так сильно и больно стиснуло сзади за бока, что я была стопроцентно уверена: вот и пришла моя смертушка, а я ни поколдовать, ни помолиться не успела. Правда, второго и не умела, да и первое не являлось пока предметом моей профессиональной гордости. Единственное, что меня немного смутило, откуда глина взялась позади, ведь там же река... А потом я взлетела вверх и в сторону, успев заметить, что туда, где только что стояла, уже рухнул злосчастный откос.

А мой полет все еще продолжался. Какой-то слишком теперь уже медленный. И бокам было по-прежнему больно. Я опустила глаза и увидела, что меня сжимают две широченные ладони.

— Пувилон, мне больно, — сказала я. — Все, ты спас меня, можешь поставить.

Когда лодочник сделал это, я повернулась к нему, посмотрела в глаза и очень серьезно произнесла:

— Спасибо, Пув, ты настоящий друг. Никогда не забуду, что обязана тебе жизнью. Буду должна.

— Да ну, — замахал огромными лапищами лодочник. — Чего уж так-то! Ничего ты не должна. Как бы я тебя не спас? Ты, вон, тоже укрунтила спасла.

Только теперь я ощутила в ладонях боль от уколов и поняла, что все еще сжимаю в них Болтуна. У того уже закатились глазки, и он даже не отреагировал на «укрунтила».

— Ой, — сказала я. — По-моему, я его очень сильно спасла.

Присев, я опустила ежика на землю. Но он так и остался лежать без движения.

— Что ж, похороним, — вздохнул Пувилон, а потом вдруг тоненько, по-девичьи, пискнул: — Ай! Моя лодка!

Я поначалу не придавала значению этому странному писку, так оглушили его слова о похоронах. Что? Хоронить моего славного ежичка?.. Да как же... да нет же!

Слезы так и брызнули из глаз, закапали прямо на колючее тельце. И оно вздрогнуло вдруг и тихо, но отчетливо сказало:

— Чмук.

— Чмук! Чмук! Чмук!!! — запрыгала я. Хотела схватить Болтуна, но к счастью, передумала, а то бы точно додавила.

А потом я услышала, как горестно плачет... Пувилон.

— Не плачь! — метнулась я к нему. — Все хорошо! Он жив.

— Кто-о-о?!.. — взвыл, сотрясаясь в рыданиях, лодочник.

— Болтун... — неуверенно ответила я. — А что, еще кто-то умер?

— Ло... ло... ло... — вытянул он дрожащую руку.

Я посмотрела в указанном направлении, но не увидела ничего, кроме глины, большущим красным языком сползшей с берега до самой воды. Да, именно под этой тяжелой массой лежали бы мы сейчас с ежиком, если бы не Пувилон. Но мы ведь не лежали... Я вообще стояла. Да и Болтун уже поднялся на лапки, хотя его еще и покачивало. Но это, может, после плавания в ло...

— Что? — ахнула я. — Где? Ты хочешь сказать, наша лодка...

— Моя! Моя ло-одка-а!!! — взыв пуще прежнего, заколотил по груди кулаком лодочник.

— Да ладно, не убивайся ты так из-за какой-то деревяшки, — аккуратно похлопала я его по спине. — Главное, люди живы. И звери.

— Это не деревяшка, — трясущимися губами выдавил Пувилон. — Ее папа сделал.

— Ну, еще сделает, — ляпнула я.

— Папа утону-у-ул!.. — разрыдался лодочник по новой.

— Тогда ты сам сделаешь! — притопнула я. — Вон ты какой сильный и умный. И даже... практически... нет, теоретически... довольно красивый. — И очень тихо добавила себе под нос: — На чей-нибудь вкус.

— Я-то сделаю, — как-то уж слишком внезапно перестал рыдать Пувилон. И прищурившись, уставился на меня: — А вот кто сделал это? — Его палец вытянулся к глиняной лодочной могиле.

— Так оно... это... само, — сглотнула я, бросив испуганный взгляд на ежика. Неужели ему все-таки канты? Я не задавила, так Пувилон пристукнет, даже на иголки не посмотрит.

— Само? — продолжал щуриться лодочник. — А кто не хотел, чтобы я ее наверх забрасывал? И кто при этом умеет колдовать? Может быть, я? Или, скажи еще, твой ежик?

Я едва сдержала вздох облегчения: Болтуна Пувилон не заподозрил. Ну а сама-то уж как-нибудь...

И я, приложив к сердцу правую руку, торжественно заявила:

— Я этого не делала. Мамой своей клянусь!

— Что мне твоя мама... — буркнул Пувилон.

— Хорошо. Я твоей мамой клянусь, что не делала этого.

— Ну а как же тогда? — заморгав, повел руками лодочник. — Само-то как? И прямо на лодку...

— Вообще-то, прямо на нас с Болтуном, — уточнила я. — И между прочим, я что, ненормальная, сама себя хоронить заживо? Да еще с ежиком. Ты подумай своей головой-то.

— Дык вот... — поскреб Пувилон в затылке. — Так-то да... Не стала бы ты себя гробить.

— Значит, вопрос исчерпан. И между прочим это сразу снимает два других вопроса.

— Что нам покушать и на чем это поджарить?

— Нет. А что, эти вопросы тоже актуальны?

— Мне, когда грустно, очень кушать хочется, — признался лодочник.

Прислушавшись к своему организму, я должна была признать, что мне кушать хочется независимо от настроения. И сейчас как раз захотелось. Лучше бы Пув не вспоминал про еду. Да, между прочим...

— Ты не против если я буду звать тебя Пувом? — спросила я.

— Звала уже, — отмахнулся он. — Зови теперь как хочешь.

— Да с чего такой траур-то? Никто не умер, это главное. И говорю же, на две проблемы стало меньше. Во-первых, не нужно сомневаться, плыть назад или нет, а во-вторых, не надо переживать, что кто-то может украсть лодку. Ты ведь переживал?

— Ну, переживал, — кивнул лодочник.

— Вот. А теперь не надо. И чуть не забыла, разрешился и третий вопрос — как забираться на берег.

— Испачкаем ноги в этой глине проклятой, — пробурчал Пувилон.

— Лучше испачкать, чем сбить от долгой ходьбы, — заметила я.

— А еды-то все равно нет!

— В городе она имеется точно. Вот и еще один стимул туда попасть.

— А первый какой? — насупился Пув.

— Первый?.. Так этот... туризм. Я ж говорила, мне интересно. В конце концов, не напрасно же лодка погибла.

И мы стали взбираться по глинистому склону — не крутому теперь, зато и в самом деле липкому и вязкому. Когда я оказалась наверху, мои ноги были уже не в самодельных лаптях из коры, а в огромных глиняных сапогах — наверное, по пуду каждый. А Болтун, категоричным фырканьем отказавшись идти ко мне на руки, превратился в какого-то жуткого монстрика из фильма ужасов.

— Помыться бы, — критически осмотрел свои ставшие толще раза в два ноги лодочник.

— Ага, — хмыкнув, кивнула я. — Вот же река, давай спустимся. — А потом сказала: — Все замрите и закройте глаза.

Не знаю, зачем я попросила всех закрыть глаза — наверное, потому что еще стеснялась колдовать в открытую. Даже сама зажмурилась. И представила наши с Пувом ноги такими же чистыми, как до восхождения, а Болтуна — чистенького целиком.

Как ни странно, у меня все получилось. Ежик, судя по выражению мордочки, этому удивился, Пувилон — нет.

— А теперь — в путь, — сказала я.

Идти пришлось совсем недалеко — городская стена была от реки метрах в пятистах. Отсюда не было видно, но скорее всего она доходила до другой реки — то самой Похгоболы, которую, якобы, я мечтала посмотреть. А с учетом того, что Похгобола впадает в Кыргрыбское море, было вполне вероятно, что на той реке имелся в городе порт. Об этом я подумала так, на всякий случай — вдруг пригодится. Например, если нас не пустят в город, можно будет попробовать как раз и зайти с реки через порт.

Нас и не пустили. Точнее, не пустила. Привратницей была женщина. Всего одна, зато какая! Огромная — что ввысь, что вширь, — в кожаной юбке до колен с красноватыми, вероятно, медными, накладками, в такой же безрукавке, оставляющей на виду мощные мускулистые ручищи — мои ноги были тоньше. Кстати, о ногах — они у привратницы выглядели и вовсе монолитными. Обутые в короткие, тоже кожаные, сапожки ноги так уверенно уперлись в землю, что сдвинуть женщину с места можно было даже не пытаться. Даже без учета того, что она держала в одной руке казавшийся игрушечным топор, а в другой пику с острым металлическим наконечником — не зря я опасалась получить новые дырки на платье. Лицом привратница была сурова, но не безобразна, а вот волосы у нее отсутствовали, чтобы не мешали, наверное, и поверх внушительного черепа темнел лишь короткий ежик.

Кого-то мне эта великанша сразу напомнила... Вероятно, я бы и сама догадалась, кого, но когда услышала восторженно-умилительный вздох Пувилона, поняла сразу две вещи: что

эта женщина как раз и похожа на безлошадного лодочника, и что он в нее с первого же взгляда втюрился. Меня это с одной стороны обрадовало, а с другой насторожило: влюбленные люди ведут себя не всегда адекватно, по себе знаю.

— Ведьме нельзя, укрунтилу нельзя, тебе можно, — ткнула поочередно на меня, Болтуна и Пувилона привратница.

— Он не укрунтил, — сказала я.

— А мне не надо, — широко улыбнулся Пув. — Я лучше тут подожду.

— Кого? — одарила его равнодушным взглядом великанша. Или не совсем равнодушным? Да, что-то в нем, вроде бы, мелькнуло и помимо профессионального безразличия.

— Их, — кивнул на нас с ежиком лодочник.

— Так им же нельзя.

— А мне-то можно, — еще сильнее расцвел улыбкой Пувилон.

— Тебе можно, — уже не столь уверенно произнесла привратница.

— Вот я и подожду.

Повисла минута молчания. Даже, пожалуй, две. Наконец великанша сказала:

— Хорошо, жди. А они пусть уходят.

— Идите, идите, — стал подталкивать меня в спину лодочник.

Я и пошла. Прямо к воротам. Болтун молча потопал за мной.

— Не туда, — преградила нам дорогу пикой привратница.

— Почему? — спросила я. — Он же не укрунтил. И он не во дворец, просто на экскурсию. А я его сопровождаю.

— Ты — ведьма, ведьмам вход запрещен, — продолжала держать пику строгая великанша. — И укрунтил тоже ве...

— ...сь колючий-преколючий! — затараторила я, окончательно поняв, что нас не пустят. — И может случайно поколоть народ. Я все поняла! Простите за беспокойство, мы уже уходим. Пув, пошли.

— Вообще-то меня зовут Пувилон, — обращаясь явно не ко мне, радостно объявил лодочник.

— Кунтура, — сказала в ответ привратница. — Кунтура Грокн.

— О! А я Гудоронк! Наши прозвища очень похожи!

— Да вообще один в один, — сказала я, пихнув Пува в бок: — Идем!

— Вы идите, я вас тут подожду, — не глядя на меня, сказал Пувилон. — Мне Кунтура разрешила.

— Ладно, жди, — пожала я плечами. — Но если не дождешься, то...

— О! Ничего-ничего! Я дождусь. Иди, иди!

— Похоже, ты уже дождался, — усмехнулась я. Негромко, он не слышал. А вот Кунтура ухом профессионала все уловила, прожгла меня взглядом и поиграла в ладони топориком, на что я быстро сказала: — Ухожу, ухожу. Болтун, пошли, нам тут не рады.

И мы с ежиком отошли от городской стены метров на двести, а потом я стала слегка забираться в сторону, с расчетом пойти дальше вдоль стены, когда привратнице будет нас уже не видно. Почему я так прицепилась к этой стене? Во-первых, надеялась найти какое-нибудь место пониже, где эту стену можно перелезть. Наколдовать лестницу — и вперед. Ну и пусть она растворится через пару минут — нам этого хватит. А во-вторых, если вдруг с лестницей не выйдет, я надеялась, как и думала ранее, дойти вдоль стены до большой реки и добраться

до городского порта. Ну не может такого быть, чтобы находясь на водной транспортной артерии, столичный город не пользовался своим положением. Не дурак же король! Иначе и Гоша дурачком мог родиться, а он у меня умненький.

Вспомнив про Гошу, я невольно ускорила шаг. Нет-нет, я о нем никогда и не забывала, но в основном держала эту мысль слегка взаперти, чтобы эмоции не мешали действовать. Но сейчас мысль даже помогла, мы быстро удалились из поля зрения привратницы и снова приблизились к стене.

Я сделала очередную ошибку. Пока шли, мне нужно было поделиться с Болтуном своими соображениями, рассказать, что я собираюсь делать. А так я строила в голове свои планы, а ежик, как оказалось, свои. И только мы подошли к городской стене, как я, задрав голову, чтобы определить ее примерную высоту, потеряла Болтуна из вида. А он в этот миг, вероятно, встопорщил иголки, потому что в следующий миг прямо мне под ноги посыпались кирпичи.

К счастью, я успела отскочить. Засыпать бы меня не засыпало, стена обвалилась не вся, в ней образовалось лишь неровное отверстие диаметром в метр, но синяков бы мои ножки заработали, а то и сломалась бы какая-нибудь косточка.

Я обернулась к ежику. Он выглядел очень гордым и определенно ждал похвалы.

— Молодец, — сказала я. — Но предупреждать же надо. Раздробило бы мне кирпичом ступню — ты бы меня понес?

— Нет, — честно ответил ежик.

— Вот то-то и оно. И ты, я смотрю, любишь все крушить: деревья жечь, драконов взрывать, берега со стенами обрушивать. Ты прям маленький Халк — Разрушитель миров. Скоро начну тебя бояться.

— Нет, — с отчетливой обидой сказал Болтун.

— Да шучу я, шучу. Куда до тебя какому-то Халку! Ладно, хватит лирики, лезем!

Я аккуратно, чтобы не порвать платье, протиснулась в пролом.

— Фыр! Фыр-фыр! — слышалось сзади.

Ах, да, дырка в стене получилась на высоте около полуметра от земли, ежику было до нее не допрыгнуть. Что же он так наведьмачил-то? Хотя, наверное, ради меня постарался, чтобы мне не карачках ползти не пришлось. Хороший мой, а я на него ворчу.

Я вернулась и протянула ладони:

— Хотя ты и опасаяешься теперь идти ко мне на руки, но другого варианта нет. И я обещаю тебя сильно не сдавливать.

— Фыр, — обреченно произнес Болтун и забрался на ладони.

Я пролезла в пролом снова и увидела, что нам очень повезло: поблизости не было больших строений и улиц, откуда могли бы заметить наше незаконное вторжение. Опустив на землю ежика, я отряхнула и поправила платье и стала осматриваться. Слева возле стены росли два больших дерева, справа тянулись кусты. Впереди был неширокий пустырь, а вот потом уже виднелись и небольшие, одно- и двухэтажные здания, слышался отдаленный шум города.

Перед тем как идти к цивилизации, я решила пройтись вдоль кустов, чтобы подальше удалиться от пролома, а то скажут еще, что это мы стену сломали! Да, это мы и сделали, но всем-то знать об этом ни к чему. И теперь, наученная горьким опытом, я решила озвучить план своих действий ежику.

— Идем вдоль кустов, — сказала я, — как будто мы просто гуляем. На дырку не

оглядывайся, это сделали не мы. Даже если спросят — не мы, и все. Понял?

Но ответить Болтун не успел. Из кустов вдруг высунулась девичья мордашка и тонким детским голоском спросила:

— А с кем это ты разговариваешь?

— Разве прилично обращаться к взрослым на «ты»? — растерявшись, пролепетала я.

— Я принцесса, мне можно.

— Не настоящая же, — возразила я, — поэтому нельзя.

— А какая? — спросила мордашка.

— Вымышленная, придуманная. Вы же играете, правильно?

— Кто — «мы»? Во что играем?

— Ну, я не знаю, кто именно. Твои друзья — другие девочки и мальчики. А играете, похоже, в прятки.

— У меня нет друзей, — печально вздохнула девочка. — И я не играю, а по-настоящему прячусь. Я сбежала из дворца, и за мной гонятся стражники, они только что тут пробежали.

Новость о стражниках мне не понравилась. Я завертела головой.

— Не видно? — спросила маленькая выдумщица.

— Не видно, — сказала я. — Наверное, охраняют настоящую принцессу.

— Я у папы единственная, нет больше никаких принцесс, — снова вздохнула мордашка. — И принцев тоже нет. А как было бы здорово иметь сестричку или хотя бы братика!

— Вот я тебя и поймала на вранье, — строго направила я на обманщицу палец. — Потому что бра...

— Я не вру! — возмущенно перебила меня девочка. — И вообще не умею врать. Я же из королевской семьи.

Где-то я уже это слышала, совсем недавно. Причем слово в слово.

— Вот что, вылезай-ка! Принцессам в кустах сидеть не полагается. И уж тем более им неприлично беседовать из кустов.

Маленькая фантазерка неохотно выбралась из-за веток и тоже принялась оглядываться. Она оказалась невысокой и шупленькой, одетой почему-то как мальчик — в темные брючки и синюю рубаху. Волосы тоже были по-мальчишечьи короткими, подстриженными очень неровно — скорее всего, девочка сделала это сама.

— Почему у тебя такой вид? — спросила я. — Тоже для вашей игры? — Сказала, и сама засомневалась: ладно одежда, но волосы стричь ради прятков вряд ли кто-то стал бы, особенно девочка.

— Я ведь тебе объяснила: я не играю... Ой! Укрунтит! — заметила она Болтуна. — Это ты с ним разговаривала? А почему он в иголках? Ему же больно, давай выдернем!

Она быстро присела, вытянув к ежику руки. Болтун испуганно фыркнул и спрятался за меня.

— Это не укрунтит, — сказала я. — Это еж. Иголки в него никто не втыкал, они выросли сами и нужны ему для защиты. И — да, я разговаривала с ним. Его зовут Болтун. А тебя как?

— Первой должна представиться ты, — поднялась на ноги девочка. — Я же принцесса.

— Меня зовут Лава. Лава Мирос. Но мне уже надоела твоя игра. Давай нормально поговорим. Ты знаешь, где находится королевский дворец?

— Еще бы! Ведь я... — тут она перехватила мой недовольный взгляд и сердито топнула:

— Я принцесса! Хватит мне возражать!

— Допустим, — усмехнулась я. — Но если это так, как ты могла забыть, что у тебя есть брат?

— Ты такая странная, — насупив бровки, посмотрела на меня «принцесса». — Уши, вроде бы, есть, голова тоже, а ты как будто или не слышишь, или не понимаешь, что тебе говорят. Давай я повторю, только ты соберись как следует. Готова? Слушай: у... меня... нет... братьев... и... сестер.

— Ну вот что, — начала сердиться и я. — Это уже выходит за рамки приличия. Я не хочу больше разговаривать с такими невоспитанными детьми. Болтун, пошли!

— Да погоди ты! — снова топнула девочка. — Я ведь тебе еще не представилась, а это и в самом деле очень неприлично. Меня зовут Пиктигаула Энатакор. Я дочь его величества Ромалауши Величайшего Из Рода Энатакоров, Могущественных Правителей От Сотворения Мира И До Конца Его Дней.

— Пикти... гаула?... — сглотнула я. — Изде... ваешься?

— Не имею привычки. Разве что изредка. Но не теперь. Издеваться с именем короля на устах вообще преступление, знаешь ли.

— Знаю, — присела я на корточки, потому что вдруг задрожали колени. — Но знаю еще и то, что у его величества короля помимо дочки есть сын — Пиктигоуша Энатакор. Вот почему я бы и рада поверить тебе, но не могу.

— Никакого Пиктигоуши нет, не выдумывай. Есть только я, одинокая принцесса.

Теперь, присев и оказавшись почти одного роста с девочкой, я смогла внимательней рассмотреть ее лицо. И почувствовала, как по коже побежали мурашки: это было Гошино лицо! Побрить моего любимого, растрепать, омолодить лет на пятнадцать — и вот он, передо мной. Наваждение? Или...

— Ты на самом деле принцесса? — сипло выдавила я.

— Лава, ты меня удивляешь. Наверное, твой еж и то уже давно это понял.

— Нет, — сказал все еще скрывающийся за мной Болтун.

— Вот видишь, — сказала я, хотя уже осознала, что на сей раз мой суперъежик ошибся.

Не знаю, подключилась ли в помощь забуксовавшему мозгу ведьминская сила, или просто холодная логика победила наконец упрямую надежду, но мне стало ясно: я попала не в ту складку. Вернее, меня отправили не в ту складку — цвет клубящегося тумана, в который я ринулась вслед за похищенным Гошей, не просто так сменился с зеленого на оранжевый — это подлая акутура «перевела стрелки».

— Давайте спрячемся в кусты, ваше высочество, — пробормотала я. — Мне нужно подумать, что делать дальше.

— А вот теперь ты стала издеваться, — обиженно произнесла одинокая принцесса.

— Отнюдь, — ответила я. — Просто наконец поверила вам. Простите, что не сразу.

— Прощаю, — удивленно выгнув брови, сказала Пиктигаула. — Но мне интересно, почему ты поверила? И еще... Не надо меня на «вы» — продолжай, как уже начала.

— Поверила, потому что дошло наконец. Как до жирафа. Хотя они у вас, наверное, не водятся. Но давайте... давай все-таки спрячемся в кусты, мне бы тоже не хотелось встретиться со стражниками.

— А разве ты не можешь использовать какое-нибудь заклинание, чтобы нас не увидели?

— Ты знаешь, что я ведьма? — ахнула я.

— Конечно. У меня же хрундюк. Придворные маги напичкали его всякими штучками, а

распознавать ведьм и прочую нечисть для личной безопасности очень важно. — Принцесса явно повторяла сейчас чьи-то слова, тех самых магов, скорее всего, а потом сказала: — Вот только они что-то неправильно намагичили: я и в твоём еже увидела ведьминскую силу.

— Все они правильно намагичили, — вздохнула я, — потом расскажу, как это с ним получилось. А чтобы нас не увидели... Сейчас попробую сделать.

Я закрыла глаза и представила, что нас троих со стороны не видно.

— Ой! — пискнула принцесса. — А где вы? — Ее я, кстати, открыв глаза, тоже не обнаружила. Как и ежика.

— Я сделала, чтобы нас не видели. Но перестаралась, теперь мы и сами друг друга не видим. Это пройдет. Наверное. Я стала ведьмой совсем недавно и еще не привыкла. К тому же так вышло, что я умею не все. И даже не знаю, что умею, а чего нет. А Болтун как раз наоборот.

— Наоборот, знает?

— Нет. Умеет то, чего не умею я. Но мы оба не знаем, чего именно.

— А с тобой весело, — сказала Пиктигаула. — И с ежом тоже. Болтун, ты меня не бойся, я не стану выдергивать твои иголки, обещаю. Ау! Ты здесь?

— Да, — откликнулся невидимый ежик.

— Не будешь меня бояться?

— Нет.

— Замечательно. Тогда вы мне как раз и поможете.

— В чем? — спросила я.

— Сбежать, я уже говорила.

— Но зачем? Тебя что, обижают?

— Кто меня может обидеть? Я ведь принцесса. Только не хочу быть королевой, а меня как раз к этому и готовят.

Я поняла как минимум одну вещь: акутуру на Гошу натравила, скорее всего, не сестра. В смысле, не наняла для этого мага. И дело даже не в том, что ей всего восемь лет, принцесса оказалась весьма смышленной, а в том, что ей это было не выгодно. Если, конечно, принцессы в той и этой складках мыслят одинаково. И если эта принцесса мне не врет. Но зачем врать какой-то посторонней тетке, что не хочешь быть королевой — глупо же. Короче говоря, я взяла этот момент на заметку. И спросила у Пиктигаулы:

— А почему ты не хочешь быть королевой? Это же хорошо — все тебе подчиняются, что хочешь, то и делай.

— Наоборот. Ничего нельзя, что тебе хочется, — только то, что для пользы королевства. Даже замуж самой не выйти — тебе мужа найдут, который подходит, а не который нравится. Хотя я замуж вообще не хочу, целоваться будет нужно, а это — бе-е-ээ!

— И куда ты собираешься бежать? Ведь ты... — я хотела сказать «еще маленькая» но побоялась обидеть принцессу. — Тебя же все знают, расскажут отцу — и привет.

— Не привет. Меня знают только в столице, да и то не все. Я же не король, мои портреты на монетах не чеканят и на домах по праздникам не развешивают. Я хотела пробраться в порт, спрятаться на каком-нибудь корабле и уплыть в дальние страны, где меня уж точно никто не узнает.

— И что ты там станешь делать? О чем вообще мечтаешь?

— О дальних странах и мечтаю, — вздохнула принцесса. — Но не только. Еще сильнее я мечтаю... — Она оборвала себя и спросила: — Смеяться не будешь?

— Нет, — помотала я головой, хотя при невидимости это и было бессмысленным.

— А ты, Болтун, не будешь?

— Нет, — ответил ежик.

— Ладно, скажу, — снова вздохнула Пиктигаула. — Я мечтаю о звездах.

— В каком смысле? — удивилась я.

— Я хочу к ним полететь. Ну или хотя бы на Луну.

— Но ведь на Луне живут драконы! — воскликнула я.

— Вот на драконе и хочу полететь. Сначала к Луне, а потом к звездам. Если дракон долетит до звезд. Ведь они вроде совсем близко, но придворный звездочет говорит, что на самом деле звезды огромные и очень далеко. Это странно. А я люблю странное.

— Да, звезды на самом деле очень далеко, — сказала я, — дракон не долетит точно.

— Откуда знаешь? — тут же спросила принцесса.

Вот опять мой язык сработал быстрее мысли! И что теперь делать? Выкручиваться, врать? А зачем, собственно? И я решила рассказать правду.

— Пикти... Пикта... — начала я, от волнения споткнувшись на имени.

— Пиктигаула, — подсказала принцесса.

— Да, — невидимо кивнула я и спросила: — Слушай, а можно я тебя сокращу для удобства?

— Физически?

— Лингвистически. В смысле, имя тебе сделаю покороче, а то мне непривычно выговаривать.

— Я поняла, просто пошутила. Сокращай, если непривычно. Ты не отсюда? Поэтому

знаешь про звезды?

— Да, поэтому. И я на самом деле не отсюда, это и хочу тебе рассказать. А насчет твоего имени... Пиктя... Тига... Гаула... О! А если Галя? Так можно?

— Галя? — попробовала на слух новое имя принцесса. — Странное имя. Но я говорила, что люблю странное, поэтому можно.

— Тогда слушай, Галя...

И рассказала. От и до. С того момента, как нашла в земном лесу Гошу и до того, как обнаружила в здешних кустах его сестру Галю, которая оказалась не сестрой, а просто одинокой принцессой.

Одинокая принцесса долго молчала. Я уже было подумала, не ушла ли она потихоньку, устав слушать такой бред. Но Галя вдруг шумно вздохнула, почти всхлипнула:

— Жалко Гошу... И ту меня тоже жалко.

— Но ведь та принцесса жива-здоровая, — напомнила я.

— Да, но если ее брат умер, ей придется стать королевой.

— Типун тебе на язык! — брякнула я.

— У нас говорят: вырви язык, отдай укрунтилу, — невесело хмыкнула умная девочка.

— Фыр! — обиженно высказался Болтун.

— Ты же не укрунтил, — возразила Галя. И сказала уже, скорее, мне. Или нам обоим: — Но я и правда говорю глупости. Пиктигоуша жив! В нем течет королевская кровь, с ним так просто не справиться.

— Но ведь там акутура!

— И что? Какая-то глупая сущность. А мой брат — будущий король! Ну, той меня брат, счастливой.

— И ты обязательно станешь счастливой. Ведь в тебе тоже течет королевская кровь, — подбодрила я принцессу. — А вот что теперь делать мне?

— Спасать Гошу. Он ведь все-таки еще не король...

— Я и хочу его спасти! Но как мне переместиться на ту складку, где он?

— Нужен маг, — по-деловому ответила Галя. — Но не любой.

— Да у меня и любого нет! Мы с Болтуном сами, вроде бы, немного маги, но перемещаться точно не умеем. Хотя... мы и не пробовали, — задумалась я над внезапной мыслью.

— И не пробуйте. Вы не маги, вы ведьмы...

— Фыр-р! — возмущенно выдал Болтун.

— Прости, ты ведьмак. Да и то не совсем. Как и Лава не совсем ведьма. Вам и на этой складке никуда не переместиться, куда уж там на другую.

Я могла бы, конечно, обидеться на язвительную принцессу, но не стала. Во-первых, на принцесс не обижаются. Во-вторых, по сути она была права. И вообще, обижаться на человека, который тебе сочувствует и даже хотел бы хоть как-то помочь, глупо и непорядочно. Пусть этот человек — всего лишь восьмилетний ребенок, от которого реальной помощи не стоит ждать в принципе. А вот обижаться на ребенка непорядочно вдвойне. И я как можно более миролюбиво сказала:

— Собственно, как и тебе. Я даже посоветую тебе не перемещаться и на кораблях, все равно найдут, обидно будет. Или в неприятность попадешь — потом ведь капитана этого корабля могут и наказать.

— Если я умру — голову отрубят, если выживу — в каземат на всю жизнь посадят, —

подтвердила Галя.

— Вот видишь! Зачем людей подставлять? Возвращайся к папе. Все равно еще долго не быть королевой.

— Откуда ты знаешь? Может, папа завтра умрет.

— Да что у тебя все умирают?! Или папа болеет?

— Чего ему болеть? Он же король — у него лекарей и магов больше, чем у меня кукол. Ну, некоторые наши общие.

— Куклы? — попыталась пошутить я. Не вышло.

— Папа в куклы не играет, только если в солдатиков. В настоящих. Он же король, он на войне должен ими командовать. И вот как раз на войне его и могут убить. Или смертельно ранить. Он умрет, а я стану королевой. И большой привет моим куклам.

— А что, идет война? — насторожилась я.

— Нет, но долго ли ей начаться? В прошлый раз какой-то мальчишка из рогатки в иностранного герцога выстрелил — сразу война.

— Первая мировая? — вырвалось у меня.

— Девятьсот четырнадцатая, — буркнула принцесса. — Вот еще поэтому я не хочу быть королевой — не люблю воевать. А куда денешься!

— Ну ладно, — сказала я, — давай, наверное, прощаться. Сейчас я верну всем нам видимость, и пойдем.

— А почему прощаться? — спросила Галя.

— Потому что пойдем в разные стороны. Ты — домой, мы... — Я запнулась и замолчала.

— Вот видишь. Без меня вам некуда идти. И Гоша умрет.

— А с тобой — что, есть куда? — проворчала я. — Попроберемся вместе на корабль и отправимся в дальние страны — вдруг Гоша там? А если и не там, так хоть прокатимся.

— Не смешно, — сказала принцесса, лицо которой начало вдруг проявляться в воздухе, словно летающая живая маска. — У меня хотя бы есть знакомый маг, который учил меня магии перемещения.

— Что?! Маг? — вскрикнула я. — А чего же ты молчала?

— Я ведь не могу сказать все сразу, — проявилась полностью Галя, хотя мы с Болтуном все еще оставались невидимыми. — Да, у меня есть знакомый маг, мой бывший учитель. Королевских особ ведь тоже учат магии — может пригодиться. Меня несколько магов учили.

Я хмыкнула, собираясь сострить по этому поводу, но пронцательная девочка перехватила на лету мою мысль:

— Нет, их было несколько не потому что я такая глупая, а потому, что маги не могут все делать одинаково хорошо — кто-то лучше перемещается, кто-то читает мысли...

— И ты сейчас прочитала мою мысль? — нахмурилась я.

— Нет. Я этого не умею. У меня хрундюк совсем маленький, туда много умений не помещается, только самые нужные, в основном для защиты.

— Ладно, — махнула я рукой и увидела, что та стала чуточку видимой, прозрачной, как у привидения. Все-таки мое колдовство не особо долговечное, плоховастенькая из меня ведьма получилась. — Расскажи подробнее про того, кто умеет перемещаться по складкам.

— Его зовут Лепектон, — отчего-то засмушалась вдруг Галя. — Хороший, добрый. Много всего интересного рассказывал. Он даже сказал: когда я немного подрасту, мы слетаем с ним на драконе на Луну.

«Негодяй, — подумала я, — вешал девчонке лапшу на уши, лишь бы понравиться». То что сказала принцесса дальше, лишь подтвердило мою догадку:

— А еще он сказал... Только никому не говорите, это секрет!.. Так вот, — понизила девочка голос, — еще он сказал, что женился бы на мне, если бы я была старше. Но он сказал, что подождет. Это не очень долго, всего-то семь лет.

— Но ведь тебе только восемь! — воскликнула я.

— Ну да. А замуж можно в пятнадцать. Ты что, не умеешь считать? А, наверное, на вашей складке по-другому...

— Да, у нас по-другому. И у нас учителя не зовут маленьких девочек замуж. А если вдруг позовут, то ждать уже придется не им, а их. Возможно, тоже семь лет — не знаю точно, сколько по этой статье дают. Но и в пятнадцать лет замуж, это, знаешь ли...

— Да какая разница! — топнула ножкой принцесса. — Я ведь говорила уже, что мне не выйти замуж за того, за кого я хочу. Но если по правде, я и за Лепектона не хочу, он старый уже, ему тридцать три года, а через семь лет вообще будет старикашкой. Если бы и пошла за него — только чтобы на Луну слетать.

— Не надо с ним никуда летать! А то залетишь... не туда, — злая на этого мерзкого, гнусного Лепектона сказала я. — В общем, он нам не подходит.

— Почему? — развела руками принцесса. — Тебе ведь не замуж за него выходить, а всего лишь переместиться на складку, где сейчас Пиктигоуша!

— Я думаю, не умеет этот старикашка никуда перемещаться.

— Еще как умеет! Папа ведь сначала проверяет тех, кто меня будет учить. Да мы ведь с Лепектоном и перемещались несколько раз, когда он меня учил. Правда, не по складкам, а тут, неподалеку.

— Вдвоем?! — ахнула я. — И что он с тобой делал?!

— Чего ты так испугалась? — удивленно вздернула бровки Галя. — Он наполнил мой хрундюк магией перемещения и показывал, как этим пользоваться. Это совсем не больно.

— Ты хочешь сказать, что можешь сейчас переместиться? — обалдела я.

— Да, но не по складкам, а только здесь.

— Почему же ты собиралась плыть в дальние страны на корабле, а не переместилась туда?

— Потому что на дальние страны моей магии не хватило бы — говорю же, у меня хрундюк маленький. И не спрашивай, почему я не переместилась на корабль — нужно ведь сначала узнать, какой куда поплывет, а потом еще посмотреть, где лучше спрятаться, чтобы не нашли. И вообще, давай не будем об этом! Я уже не собираюсь плыть в дальние страны, нужно моего брата спасать. А то у меня его и так не было, а теперь и этот умрет.

— Ну хорошо, — все еще сомневаясь, выдавила я. — Допустим, этот пожилой Лепектон и смог бы нам помочь. Но как к нему попасть? Ты знаешь, где он живет?

Принцесса посмотрела на меня с подозрением.

— А если скажу, домой меня не отправишь?

— Конечно, отправлю, — сказала я. — Мы же договорились, что ты вернешься.

— Я тебе этого не обещала. Я сказала, что не поплыву в дальние страны. А спасать Гошу я тоже хочу.

— Спасать людей от акутуры — дело взрослых. А ты еще...

— А я принцесса! — провозгласила Галя таким тоном, что мне захотелось присесть в книксене. — Я второе лицо в стране после папы. Лучше не спорь со мной, а то я и одна

сейчас перемещусь к магу Лепектону.

— Одной нельзя, что ты! — испугалась я, чувствуя уже некую ответственность за эту маленькую непослушку.

— Тебя я все равно не смогу переместить, — покачала головой принцесса. — Если только Болтуна.

— Нет, — сказал тот. Его, между прочим, до сих пор не было видно, хотя я уже вслед за Галей проявилась полностью.

— Нет-нет, — поддержала его я. — Тандем, конечно, был бы интересный, но Баба-Яга против. В смысле, ведьма. То есть я. Хотя бы уже потому, что нам еще одного товарища нужно забрать, а его ты уж точно не переместишь, он большой и тяжелый. Давай договоримся так. Ты нам говоришь, где живет маг, мы с ежиком и Пувилонем сходим к нему... погоди, а до него можно дойти пешком, или придется искать еще одного мага, чтобы переместил нас к тому?

— Не скажу, — прищурилась Галя. — Или идете со мной, или я перемещаюсь одна.

— Принцессы не должны быть такими вредными, — нахмурилась я.

— О! Как раз должны. Меня этому тоже учили. Покладистый правитель — это беда для страны. Правда, недолгая, потому что его быстро скинут или убьют, королевство захватят враги, людей поработят, зверей зажарят. Правитель должен быть настойчивым, целеустремленным, строгим...

— ...но справедливым! — быстро вставила я. — А ты поступаешь с нами нечестно.

— Для меня теперь главная справедливость — спасти брата. Прощай, Лава! Пока, Болтун.

— Нет! — даже подпрыгнул тот.

— А вот, мой хороший, — сказала я ему. — Видишь, какая растет славная смена здешнему королю? Что ей какие-то ежики и прочий народ? Она сказала — и точка. Пойдем-ка мы тогда с тобой во дворец, похвалим папу за воспитание дочурки.

— Папа вас казнит, — насупившись, проворчала Галя. — Да вас к нему и не пустят. Ведьмам во дворец нельзя. Зверям тоже. И вообще... Это вы вредные, а не я. Мой брат может, сейчас погибает от клыков акутуры, а вы...

Вообще-то она была права. И хоть у рыжей обнаженной акутуры торчали не клыки, а кое-что чуть ниже, менее опасной она от этого быть не переставала. А принцесса...

— погоди, — пришла мне в голову логичная мысль. — Тебя ведь будут продолжать искать, папа все королевство на уши поставит! И я готова поспорить, что найдут тебя очень быстро. То есть всех нас с тобой вместе. И что они с нами сделают, посчитав за твоих похитителей?

— Убьют, конечно. Только меня не будут искать. Я сделала пруклу.

— Что ты сделала?

— Пруклу. Принцессу-куклу. Есть такая магия — делать своих двойников. Ну, чтобы вводить врага в заблуждение. У меня пока получается не очень, моя прукла через два-три дня развалится, да и соображает плохо, зато послушная. Папа вряд ли сразу насторожится, он и так со мной мало общается, весь в делах, а учителям и нянькам только в радость, что я стала послушной. Прукла вообще будет всем говорить: «Я утомилась» и будет много спать. А за два дня мы с акутурой всяко ведь справимся.

— Почему же за тобой гнались охранники, если ты оставила пруклу?

— Они гнались не за мной, то есть не за мной как принцессой, а за мальчиком, который

бежал от дворца — у меня не получилось незаметно выскользнуть. Подумали, что воришка, а может и шпион. Но если бы меня схватили, то, конечно бы, узнали, вот я и спряталась.

— А это не обман? Ведь особы королевских кровей никогда не врут.

— Это военная хитрость. Любой правитель должен ею владеть, иначе...

— ...его быстро скинут или убьют, — подняла я руки, сдаваясь. — Ладно, пойдешь с нами.

— Нет, — вздернула носик принцесса. — Это вы пойдете со мной.

— Слушаюсь, ваше высочество, — все-таки сделал я книксен, а ежик сказал:

— Да.

И мы пошли — к проделанной ежиком дырке в стене. Увидев ее, Галя посмотрела на нас с осуждением.

— Стену построили для защиты от врагов. А вы... Папа узнает — точно казнит.

— А что еще оставалось делать? — сказала я. — Привратница нас через ворота не пустила.

— Фыр, — взъерошил ежик иголки.

Что он опять задумал? Я уже стала побаиваться его экспромтов. А потом до меня дошло: он решил восстановить стену! Наверное, испугался, бедолага, что и правда казнят.

— Болтун, подожди! — крикнула я. — Не вздумай заделывать дырку, пока мы через нее не выбрались.

— Фыр... — сказал Болтун, как мне показалось, смущенно.

Зато когда мы оказались по ту сторону стены, он в ту же минуту ее восстановил — все кирпичи легли на свои места. Вот только я была почти уверена, что они теперь ничем не скреплялись — толкни в этом месте стену, и кирпичи снова вывалятся. Но я свою догадку озвучивать не стала, вдруг это нам еще пригодится. Принцесса успокоилась — и ладно. А враги все равно не знают, где нужно толкать.

— Ты так и не сказала, далеко ли идти до твоего супермага? — вернулась я к более важным проблемам, когда мы тронулись в путь.

— Он не мой, и я не знаю, что такое супер. Это когда у мага нет хрундюка?

— А у него нет хрундюка? — удивилась я. — Как же он магичит?

— Лепектон сказал, что он весь как хрундюк.

Я хмыкнула. То же самое говорила обо мне баба Гроха. Но я — понятно, я не отсюда. А этот Лепектон... Стоп! А что, если он тоже не отсюда? И даже не обязательно с другой складки, а например... с Луны! Потому и предлагал Гале прокатиться туда на драконе. Звучит бредово, но кто его знает. С другой стороны, не все ли мне равно? Лишь бы переместил нас с Болтуном к Гоше. О том, чтобы брать на бой с акутурой принцессу, и речи быть не могло, но я ей об этом, понятно, говорить раньше времени не собиралась. А она продолжила отвечать на мой вопрос:

— Где он точно живет, я не знаю, но он говорил, что его замок в той стороне, — махнула она рукой туда, откуда мы приплыли, — на этом берегу реки. И что до него недалеко.

— Недалеко — понятие относительное, — сказала я. — До Луны тоже недалеко по сравнению со звездами.

— Его замок точно не на Луне, — засмеялась Галя, впервые с тех пор, как мы встретились. — Лепектон говорил, что иногда ходит к нам и от нас пешком, когда погода хорошая — ноги размять и свежим воздухом подышать.

— Ну ладно, — пожалала я плечами. — Будем надеяться, что дойдем. И что мимо не пройдем.

— Не пройдем. Это же замок, а не избушка, еще издалека увидим.

У меня вдруг так громко заурчало в животе, что даже Болтун остановился и сказал:

— Да.

— Как ты это сделала? — остановилась и принцесса. — Или ты так переговариваешься с Болтуном на тайном языке, чтобы я не поняла?

— Это мой желудок переговаривается со мной на очень понятном языке. Он сообщает, что его не мешало бы чем-то наполнить.

— Да! — уже более эмоционально поддакнул ежик.

— Болтун тоже проголодался, — перевела я.

— Что же вы молчите? Поешьте, я подожду.

— Мы бы и рады, но кроме тебя поблизости ничего съедобного нет.

— Я же вредная, — усмехнулась Галя. — Отравитесь.

— Тогда идем дальше. Может, твой маг нас покормит.

— Он не мой, я уже говорила. Но если и правда очень хотите кушать, я могу что-нибудь достать.

— Интересно, откуда? У тебя с собой рюкзачок-невидимка с колбасой и тараканами?

— Почему с тараканами? — заморгала принцесса.

— То есть колбаса все-таки имеется, — хихикнула я. — А таракашками любит похрустеть Болтун.

— Тараканов в королевском хранилище точно нет, за такое кладовщикам головы поотрубают. До колбасы же попробую дотянуться.

— Нет-нет! — замахала я руками. — Не надо из-за этого возвращаться, мы потерпим. Да еще тянуться потом тем более. Свалишь себе на голову какие-нибудь ящики, останется королевство без наследницы престола. Из-за какой-то колбасы! Обидно же.

— Я не буду возвращаться, — посмотрела на меня, как на ляпнувшую явную глупость, принцесса.

— Ну да, конечно, — закивала я. — У тебя же руки выдвижные, как я могла забыть? Ты и отсюда до вашего хранилища дотянешься.

— Да, отсюда, — по-прежнему обескураженно смотрела на меня Галя. — Но руки у меня обычные, на посмотри, — показала она свои тоненькие ручонки. — Просто я сделаю гурумлаз. Только не говори, что ты сама не умеешь — даже слабым магам это под силу.

— Я не маг, а ведьма, — буркнула я. — К тому же неполноценная. И может, я и умею делать этот твой гурумлаз, только не знаю об этом, потому что и слово такое слышу впервые.

— Да ты что? А где же тогда твои вещи?

— У меня из вещей только дырявое платье и самодельные лапти. Ежик, если что, не вещь, а разумное животное.

— Бедняжка, — погрустнела Галя.

— Не знаю, по-моему разумным быть неплохо.

— Ты бедняжка.

— Скажи еще: нищенка. Хотя, в принципе, так и есть. Но давай не будем меня жалеть? Рассказывай про свой волшебный лаз.

— Да никакой он не волшебный! Всего лишь магический. Обычная дырка в пространстве, куда можно просунуть руку. У меня дома есть места, где я храню разные

полезные вещи: спички, яд, нитки с иголками, кинжал, носовые платки и все такое. Не таскать же это все время с собой! Если нужно, я просто делаю в одно из этих мест гурумлаз, просовываю руку и беру нужную вещь.

— А яд зачем?

— А вдруг меня враги схватят? Я сделаю гурумлаз в пищевое хранилище, возьму пирожных, потом гурумлаз в свое место, возьму яд. У меня есть в порошке и есть жидкий. В пирожные удобней добавлять тот, что в порошке. Потом угощу отравленными пирожными врагов. Они поедят и умрут.

— Уже приходилось так делать? — настороженно спросила я.

— Пока нет, но нужно быть всегда начеку. Так что, доставать колбасу? Или, может, пирожных?

— Нет-нет, ты знаешь, я уже расхотела. Тем более у тебя все равно нет тараканов для Болтуна, что же я, одна буду трескать, а ежик слюнки глотать? И Пувилон тоже голодным останется. Если уж кушать, то с ним вместе. Давайте уже пойдем, он там и правда заждался.

Когда мы дошли до того места, где стена поворачивала к городским воротам, Галя сказала:

— Сходи за своим другом одна, я здесь, за углом подожду. Невидимость у тебя получается недолгой, а видеть меня привратникам не надо.

— Привратнице, — поправила я. — Но большой.

Однако Галя, пусть и случайно, оказалась права. У ворот стояли два мужчины-привратника. Ни Кунтуры, ни Пувилона там не было.

Я очень вежливо поздоровалась с привратниками и спросила:

— Вы не подскажете, а где Кунтура Грокн?

— Ведьмам нельзя, — лениво шевельнул в мою сторону пикой один из стражей ворот.

— Мне же не в город, мне только Кунтуру.

— Она тебя тоже туда не пустит, не думай. Еще и по шее надает.

— Да я не буду у нее проситься в город, мне только узнать кое-что, — начала я немного нервничать.

К счастью, к нашей содержательной беседе подключился и второй привратник. Он выглядел весьма меланхоличным и говорил очень тихо и грустно:

— Кунтура Грокн уже дома, мы ее сменили. Что ты хочешь узнать, ведьма?

— Где мой... друг. Точнее, знакомый, — сказала я, подумав, что если привратница ушла домой, то Пувилону-то идти некуда, он нас собирался дожидаться. — Вы его тут не видели?

— Видели, — печально произнес тот же привратник. — Но я не знаю, чей он знакомый.

— Это ты о ком? — посмотрел на меня первый страж. — Такой здоровенный великан, похожий на Кунтуру?

— Да-да, это он! — обрадованно завертела я головой. — Он где-то здесь?

— Он где-то там, — обреченно махнув рукой на стену, трагическим тоном поведал грустный привратник.

— В городе? — ахнула я.

— Что-то много ты задаешь вопросов, ведьма, — прищурился тот, что заговорил со мной первым. — Зачем тебе знать про город?

— Мне не про город, — едва не закрипела я зубами. — Мне про моего знакомого великана.

— У Кунтуры спрашивай, он с ней пошел.

— Как я у нее спрошу, если ее нет? — очень захотелось мне кого-нибудь стукнуть.

— Она будет. Но когда — не скажу. График караулов — государственная тайна. Если будешь продолжать ее у нас выпытывать, мы тебя арестуем!

— Да я еще и не начинала! — все же невольно повысила я голос. — Это во-первых. А во-вторых, как вы меня арестуете, если ведьмам в город нельзя?

— Мы тебя тут арестуем.

— У-уу! — тихонько завыла я и пошла к ежику с принцессой.

— Не хочу тебя расстраивать, — пожаловалась я, вернувшись, Гале, — но ворота вашей столицы охраняют очень странные люди. Один чуть не плачет, другой несет какую-то чушь.

— Но тебя ведь они в город не пустили? — спросила принцесса.

— Как видишь.

— Значит, службу несут хорошо. Только ты мне говорила, что там должна быть одна привратница. И где твой друг?

— Привратница сменилась. А Пувилон, похоже, отправился к ней в гости. Как же теперь быть?

Я с надеждой посмотрела на принцессу — в сложившейся ситуации помочь могла только она. Та все поняла по моему взгляду, но помотала головой:

— Я бы, конечно, могла приказать им привести твоего Пувилона, но тогда я выдам себя.

Хорошо бы принять облик начальника стражи, но у меня нет такого умения.

— Оно может быть у меня, — сказала я. — Можно бы было попробовать, вот только я не знаю, как выглядит начальник стражи.

— Это не проблема, — мотнула стриженной головой девочка. — Я его представлю и мысленно тебе покажу.

— Ты владеешь телепатией? — уважительно посмотрела я на нее. — Это круто. Вот только я-то ею не владею. Наверное.

— А тебе и не обязательно. Это ведь я буду представлять и показывать, тебе останется только смотреть. Я не знаю, что такое телепатия, но у меня есть магия, а ты почти ведьма, так что у нас должно получиться. Закрой глаза.

Я зажмурилась. И почти сразу перед моим мысленным взором предстал толстый усатый мужчина в ярко-зеленом мундире, красных штанах и желтой фуражке. Он был скорее похож то ли на швейцара, то ли на лифтера — да и то не настоящих, а будто персонажей кинокомедий.

— Ты уверена? — не открывая глаз, на всякий случай уточнила я.

— Я его вижу каждый день раз по сто, — фыркнула Галя. — Даже не сомневайся.

— А голос? — вспомнила я.

— Чего р-расселись, бездельники?! — басовито зарычал в моей голове начальник стражи. — Встать! Лечь! Кр-ругом, шагом мар-рш!

— Он мечтал стать военным, вот и строит из себя генерала, — пояснила принцесса. — Я подслушала однажды, как он жаловался нашей кухарке.

— Кухарке? — удивилась я. — Почему кухарке?

— Потому что он к ней все время ходит. Подозреваю, что она его тайно подкармливает.

«И не только», — хотела добавить я, но вспомнив, что Гале только восемь лет, промолчала. Вместо этого я стала представлять, что я — это начальник охраны. Не в смысле, когда он охраняет-охмуряет кухарку, а вообще, в принципе.

Я открыла глаза и вытянула руки. Зеленые рукава, короткие, толстые пальцы... Опустила глаза: красные штанины, начищенные до блеска сапоги. Поднесла к лицу ладонь и ойкнула, не нащупав усов. Правда, тут же сообразила, что их и не должно быть, ведь облик был только иллюзией, на самом деле я по-прежнему оставалась собой. Во всяком случае, очень на это надеялась.

Я увидела, как зафырчав, попятился от меня Болтун.

— Стоять! Р-раз-два! — басом рыкнула я. — Лечь! Встать! На пле-ечо!

Ежик спрятался за Галю.

— Очень похоже, — похвалила она. — Не забывай только, что твое колдовство короткое. Лучше не ежиков пугай, а иди скорее к привратникам.

И я опять зашагала к воротам. Когда до них осталось метров тридцать — перешла на строевой шаг. Привратники, увидев меня, вытаращили глаза и синхронно обернулись к закрытым воротам. Я поняла, что мы с принцессой не учли того факта, что наш начальник идет не с той стороны. Впрочем, я тут же подумала, что начальник может приходить с той стороны, с какой ему вздумается, и не должен отчитываться перед подчиненными.

— Стоять! Р-раз-два! — грозно рявкнула я, подойдя к привратникам, и сама же выполнила эту команду. А потом не менее грозно спросила: — Где Кунтур-ра Гр-рокн? Почему не пр-исутствует?!

— Изволит отдыхать после несения службы! — отрапортовал немеланхоличный

привратник. А меланхоличный обреченно кивнул на ворота:

— Там.

— Она нужна не там! — вздернула я подбородок. — И не тут! Для нее имеется срочное задание. Пусть идет вон туда! — показала я в ту сторону, куда мы направлялись с принцессой и ежиком. — Пусть пр-ройдет один километр-р, встанет и ждет!

— Пусть, — безысходно промолвил грустный страж.

— Так точно, пусть! — вытянулся в струнку другой.

Я нахмурилась. Привратники продолжали стоять.

— Почему стоим? — поинтересовалась я.

— Несем службу! — ответили они дружным дуэтом.

— Ты носи, — показала я на одного, — а ты, — ткнула пальцем на второго, — шагом мар-рш за Кунтур-рой! Отставить! Бегом мар-рш!

Привратник помчался к воротам. Я выполнила команду «кругом» и замаршировала обратно, к Болтуну и Гале.

— Все нормально? — спросила принцесса.

Я кивнула и рассказала, как сыграла роль начальника охраны — на мой взгляд, удачно. И добавила рычащим басом:

— Так что тепер-рь осталось дожидаться, когда выйдут Кунтур-ра и Пув.

Только тут до меня дошло, что я продолжаю играть эту роль, а ежик меня все еще опасается.

— Пр-ростите, — сказала я и поспешно приняла свой обычный облик.

— Фыр! — одобрительно сказал Болтун.

— А почему он говорит только «фыр», «да» и «нет»? — спросила вдруг Галя.

«Не только», — чуть не ляпнула я, но вспомнив о возрасте принцессы, промолчала и лишь пожала плечами.

— Болтун, ты умеешь еще что-нибудь говорить? — спросила она у ежа.

— Нет! — опередила я его с ответом. — Он еще чихает, кашляет, скулит, но это просто звуки, не слова.

— Может, ему просто нечего больше сказать? А, Болтун? — снова глянула девочка на ежика.

— Да... Нет... Да... Нет... — забормотал тот.

— Ему нужно задавать конкретные вопросы, — подсказала я.

— Ага! Так ты его просто избаловала! Так бы он, может, и разговаривал, но зачем напрягаться, если можно просто ответить «да» или «нет»? Пожалуй, пока есть время, я займусь твоим, Болтун, образованием. Будем учиться разговаривать. Понял?

— Нет, — спрятался за меня ежик.

— «Нет» в смысле не понял, или «нет» в смысле не будем? — нахмурилась принцесса. — Впрочем, и то, и другое — плохо. Вот давай-ка, сам скажи: «Пло-хо».

— Нет, — снова выдал Болтун.

— Ну пожалуйста, ты же такой хорошенький! — сменила тактику Галя. — Скажи: «Пло-хо».

И Болтун вдруг выдохнул:

— Пух-х!

— Вот, уже хорошо! — захлопала в ладошки принцесса и с осуждением посмотрела на меня: — Видишь! С ним нужно заниматься.

— Мне было некогда, — сказала я. — Вот спасем Гошу — тогда и будем тараторить с утра до вечера, а сейчас...

Я все это время то и дело выглядывала из-за угла, сделала это и теперь, и хоть самих ворот отсюда не было видно, слышала, как они открываются.

— Тс-сс! — обернувшись, приложила я палец к губам. — Вроде бы кто-то выходит. — И тут мне пришла в голову запоздавшая умная мысль: — А вот мы с вами непонятно, почему здесь торчим. Нам уже давно нужно было отправиться в ту сторону, куда пойдут Кунтура с Пувилонем. А теперь придется их догонять!

— Ничего, догоним, — отмахнулась Галя. — Ты же велела передать, чтобы привратница ждала в километре отсюда. Вот она и будет ждать — приказ начальника все-таки.

В этих словах определенно имелся резон, и я успокоилась. Километр — это ведь совсем немного. Правда, идти коротким путем мы не могли, принцессу бы заметили привратники. Пришлось сделать крюк, но и он был невелик, все равно мы довольно скоро увидели стоящую впереди парочку, которая даже издали производила впечатление: великан и великанша были словно созданы друг для друга. А они, похоже, это уже давно поняли — стояли, взявшись за руки и не отрывали друг от друга влюбленных взглядов. Лишь когда я, подойдя, негромко кашлянула, гигантские голубки с досадой повернули головы.

Кунтура Грокн увидела принцессу, тут же вырвала руку из ладони Пувилона и вытянулась в струнку. Ну... не то чтобы прямо уж в струнку, скорее, в бревнышко. В общем, встала по стойке «смирно» и отрапортовала:

— Ваше высочество! Привратница Кунтура Грокн прибыла к месту выполнения срочного задания по приказу начальника охраны!

— Вольно! — скомандовала Галя. — Это поручила передать тебе я. Ты выполнила задание, можешь идти домой. Только помни: поручение было чрезвычайно секретным, так что никому не говори ни про него, ни про меня. В смысле, что ты меня видела. Даже начальнику охраны не говори. Все ясно?

— Н-никак нет, — замялась привратница.

— Что тебе не ясно?

— А... какое было задание?

— Я же говорю: секретное! Очень-очень! Больше я даже тебе не могу сказать.

— А можно я спрошу? — как прилежный ученик, поднял руку Пувилон.

— Спрашивай, — царственно кивнула девочка.

— Если Кунтура выполнила задание, а нового пока нет, можно она не пойдет домой? То есть к себе домой не пойдет.

— А к кому пойдет? — стало интересно мне. Хотя я уже и догадывалась, каким будет ответ.

— Ну-у... — закатил Пув глаза к небу, а потом уткнул взгляд в землю и выпалил: — Ко мне!

— А она сама-то хочет? — спросила я, с трудом сдерживая улыбку.

— Конечно. Я ведь должен показать маме свою невесту. Если она маме понравится, мы вернемся сюда и поженимся. А потом я и маму сюда заберу.

— А как же я? — притворно возмущилась я.

Пувилон будто окаменел. Лишь часто-часто заморгал.

— Ладно, расслабься, — хмыкнула я. — Шучу. Лучше скажи, а что если она твоей маме

не понравится?

— Этого не может быть, — замотал головой бывший лодочник. — Она лучше всех на свете!

— Мама? — прищурилась я.

— Нет! То есть, — замялся Пувилон, — мама лучше всех как мама, а Кунтура как...

— ...Кунтура, — подсказала я.

— Да. Но не только. Она лучше тех, кто не мама, — сказал Пув, но тут же спохватился: — И кто не принцесса!

— А что думает сама Кунтура? — посмотрела на привратницу Галю.

— Думаю, что его мама в моем доме поместится, — четко ответила та. — У меня большая комната, чердак и погреб.

— Как раз на троих, — закивала я.

На меня с осуждением посмотрели все, даже ежик.

— Ну я же шучу! Разумеется, мама не полезет на чердак.

Моих шуток, похоже, так никто и не понял. Болтун вообще вынес вердикт:

— Пух!

Научила его принцесса на мою голову. Как бы потом переучивать не пришлось, как когда-то Гошу. Которого, между прочим, нужно спасать! О чем я и напомнила Болтуну с Галей. А Пувилон заинтересованно спросил:

— Кто такой Гоша?

Пришлось быстро рассказать суть моей проблемы и сознаться, что я наняла его вовсе не за тем, чтобы полюбоваться рекой, а чтобы встретиться с Гошиным отцом — королем и узнать, где мой любимый.

— Так ты узнала? — с неподдельным волнением спросил Пувилон. — Говорила с его папой?

— Я говорила с его сестренкой, — кивнула я на Галю. — Которая здесь ему не сестренка. Короче говоря, Пув, я выяснила: мы не там, где он.

— Дык... Можно было никуда и не плавать. Я бы тоже тебе мог это сказать.

— А я? — обиженно заморгала Кунтура. — Как бы я тогда без тебя?

— Тоже верно, — согласился лодочник. — Так бывает: ищешь одно, а находишь другое. Я однажды молоток потерял. Искал-искал, а нашел сдобную лепешку. Мне ее мама испекла, чтобы я перекусил за работой. Ну, я ее в лопух завернул и на полку в сарае прибрал до поры. И забыл. А потом вот нашел. Только ее есть уже нельзя было — стала будто камень, год ведь прошел.

— Это я — черствая лепешка? — буркнула Кунтура.

— Нет! Это я образно! — испугался Пувилон. — Ты как деревце в лесу!..

— Дальше не продолжай! — испугалась теперь я за него.

— Отставить! — раздраженно топнула принцесса. — Вы мне уже голову заморочили своими лепешками с деревцами! Идите уже к своей маме, а ты, Лава, помнится, собиралась спасти Гошу? Так идем скорей к магу, пока он не умер!

— Маг? — заморгал Пув.

— И маг тоже. Все умрут, пока вы болтаете.

— Я не о том, — замотал головой лодочник. — Что за маг? Зачем вам маг?

— Он перенесет меня... в смысле нас, — перехватила я возмущенный Галин взгляд, — к Гоше.

— А нас к маме! — обрадовался Пувилон.

— То есть уже не важно, согласна ли я взять вас с собой? — насупилась принцесса.

— А ты согласишься, — сказала я. — Ты знаешь, как далеко до их мамы? Мы на лодке и то всю ночь плыли.

— Пусть и теперь плывут на лодке, — не поддавалась на мои уговоры Галя.

— Лодки больше нет, — сказала я, невольно бросив взгляд на Болтуна.

— Да, — скромно вымолвил тот.

— И потом, мы ведь плыли по течению, а сейчас бы им пришлось грести против, — добавила я.

— Вполне достаточно первой причины, — строго заметила принцесса. И махнула влюбленной рукой: — Хорошо, я позволяю вам отправиться с нами. Но не просто так! Будете нашими охранниками. Кунтура — моей, Пувилон — Лавы и ежика.

— А можно Пувилон — только ежика? — стрельнув в меня недобрый взглядом, свела брови привратница.

— Я думаю, торг здесь неуместен, — вспомнив отличную киноцитату, ответила я за Галю.

— А я думаю, не надо делить, кто чей охранник, — глубокомысленно изрек Пув. — Все будем защищать всех.

— И мы вас? — сухим тоном спросила принцесса.

— Нет-нет! — поспешно поправился лодочник. — Все мы — всех вас.

— Это меняет дело, — усмехнулась я. — Но только и я вас буду защищать, если придется. Болтун, думаю, тоже.

— Да, — поддакнул ежик.

— Хотите сказать, я одна тут самая беспомощная и бесполезная? — подбоченилась Галя. — Да я вас так всех спасу, что навсегда запомните. И прекратить болтовню! Ступайте за мной!

Мы пошли следом за стремительно шагающей принцессой: я, рядом со мной Болтун, позади — взявшиеся за руки Пувилон и Кунтура. Идти было удобно, перед нами простирался поросший не очень высокий травой с вкраплением редких кустиков луг. Дальше виднелся кустарник погуще, за ним что-то вроде редкого леса, еще дальше — небольшой скалистый кряж. Вдалеке справа изредка поблескивала река, а вот ничего похожего на замок я вообще не наблюдала. Неужели он так далеко, что отсюда не видно? Может, его закрывают те скалы, что видны впереди? Но тогда этот замок совсем небольшой. Я хотела уже спросить об этом принцессу, но вспомнила, что Галя сама там ни разу не была, а выставлять ее перед будущими подданными незнайкой было бы некрасиво.

Но принцесса, словно прочитав мои мысли — неужели все-таки умеет? — сказала сама:

— Думаю, замок Лепектона вон за теми скалами, — вытянула она перед собой руку, — больше ему быть негде. Значит, идти осталось недолго.

— Устала? — сочувственно спросила я.

— Особы королевских кровей не знают усталости, — вздернула она подбородок.

Зато усталость определенно знал еж. Во всяком случае он не смог выдержать заданный Галей темп и начал помаленьку отставать.

— Иди на руки, — предложила я, и Болтун сразу согласился.

Я прикинула, что до скал километра три. То есть идти придется полчаса, максимум минут сорок. Пусть еще на их обход потребуется время, но все равно за час мы должны были

добраться до цели. И пусть есть уже хотелось довольно сильно, я решила не просить о привале — перекусим на месте. Тем более меня все сильнее и сильнее начала вдруг захлестывать тревога. Неужели с Гошей что-то случилось, и я это почувствовала своим ведьминским чутьем? Причем, гадать, что такое это «что-то», было вовсе не нужно. В итоге тревога стала перерастать в панику, и я сказала принцессе:

— Давай поднажмем!

И мы поднажали. Но недолго — до обширного кустарника, который оказался не просто густым, а практически непроходимым. Как назло, и тянулся он в обе стороны насколько хватало взгляда.

— Придется идти в обход, — нахмурилась Галя.

Я испугалась. Меня посетила абсолютная уверенность: пока мы обходим кусты, Гоша точно погибнет. Тут я вовремя вспомнила, что я ведьма. И сказала, стараясь, чтобы не задрожал голос:

— Нет, в обход — это долго. Сдайте немного назад, сейчас я выжгу проход. — Я опустила на землю ежика и слегка подтолкнула, чтобы и он отошел.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — исподлобья посмотрела на меня девочка.

— Я уверена, что в обход мы опоздаем, Гоша умрет.

— Тогда действуй! — повелела принцесса. — Чего же ты стоишь?

Я напряглась и представила, как впереди полыхает кустарник. Но не весь, а неширокой полоской, пожар мне не хотелось устраивать. Только у меня не вышло не то что пожара, но и небольшого костра. Ни одна веточка даже не задымилась. Что ж, это было очередным доказательством слов бабы Грохи о том, что мы с Болтуном поделили способности — что-то могу я, что-то он, и пиромания досталась как раз ежику. Кстати, он ее уже пару раз демонстрировал, так что мне можно было и не пытаться выжечь проход. Что ж, не смогла выжечь — значит, вырублю. Это я и объявила своим спутникам. И уже стала представлять огромный топор, как мой мыслительный процесс был прерван громким фырканием Болтуна.

— Ты чего? — раздраженно бросила я. — Ты мне мешаешь!

— Фыр-фыр пух! — тоже очень недовольно заговорил еж. — Фыр-фыр нет! Фыр-фыр фыр!

Почему-то я спонтанно «перевела» это как: «Ты придумала плохо! Не делай этого!», а вот концовку возмущенной тирады я понять не смогла.

— И что это значит? — всерьез начиная злиться, сдвинула я брови. — Нашел время бунтовать, прекрати!

— Нет! — громко сказал Болтун и встопорщил иголки.

— Нет! — эхом откликнулась я, не понимая, что задумал колючий бунтарь, но было уже поздно.

Кустарник вспыхнул весь, целиком. Во всяком случае та его часть, что была перед нами, дальше не было видно из-за дыма и пламени.

А потом я услышала вопль — истощный и до боли знакомый. Не именно вопль, а сам голос — даже не просто знакомый, а будто... родной. Подсознание уже наверняка все поняло, но до меня еще не успело донести свою догадку, когда из огня, словно ошипанный Феникс, вылетел мой любимый — голый и с дымящимся хрундюком.

— Ты правда живой? Ты правда живой? Ты правда живой?! — заладила я и никак не могла остановиться.

Другие слова будто напрочь забыла. При этом не забывала крепко прижимать к себе и гладить по голове, шее, плечам и по обгорелому хрундюку моего любимого. Потом я принялась его целовать. Гоша этого явно не ожидал, попытался даже отстраниться, бормоча по-русски: «Спокойствие, только спокойствие», но куда там! Я впилась ему в губы так страстно, что забыла в тот миг вообще все: где и почему нахожусь, кто еще с нами рядом, даже кто я такая сама. Для меня существовал только он — милый, любимый, родной и, самое главное, живой Пикти... Да какой там Пикти! Просто мой Гоша.

И он стал отвечать на мой поцелуй. Сначала робко, потом все смелее, и наконец дело у нас зашло столь далеко, что я словно сквозь вату услышала:

— Кошмар! Тут ребенок! Пувилон, разними их!

Разнимать не пришлось. Я наконец-то опомнилась. Не совсем, но достаточно для того, чтобы осознать: с нами действительно ребенок. К тому же девочка! А Гоша голый. А тут еще я вытворяю такое... И правда кошмар. Но что теперь делать?

— Дай ему, — услышала я детский голосок.

Что?! Я чуть не упала, прихватив заодно и возлюбленного. Это бы смотрелось вообще феерично. Кунтура бы меня, наверное, потом придушила за развратное поведение в присутствии детей и особ королевских кровей. Причем особ теперь было аж две штуки, одна из которых, правда, в этом псевдоразврате тоже приняла бы участие.

— Дай ему это! — повторила принцесса более строго, и я наконец посмотрела на нее.

Галя протягивала мужские штаны. Ярко-красные, как мои щеки — я чувствовала, как те запылали. Я быстро схватила желанный предмет одежды и сунула Гоше:

— Скорее надень!

Но тот во все глаза уставился на принцессу и меня уже не видел и не слышал.

— Пиктигаула! Что ты здесь делаешь?!

— Пиктигоуша Энатакор, — строго промолвила та, — наденьте штаны, не позорьте королевскую кровь!

Гоша, все еще обалдевший, наконец-то сообразил, в каком он виде. Выхватил у меня штаны и, вильнув головой... э-э... горелым хрундюком, скрылся в кустах. Точнее, в том, что от них осталось. Странно, что они уже не горели. И даже не дымились. Я посмотрела на ежика. Тот устало вымолвил:

— Да.

Какой он все-таки молодец, мой Болтун. Не то что я, безмозглая дура! Впрочем, я бы себя простила, ведь причиной безумия было не что-нибудь, а удивительное явление целого и почти невредимого Гошеньки. Между прочим, явление было и правда весьма удивительным. Как мой любимый оказался на этой складке вообще и в таких густых кустах в частности? В совсем еще недавно густых...

Гоша, уже в красных штанах, похожих на только что полыхавший огонь, как раз из них вышел. Но спросить я у него ничего не успела — Кунтура вдруг рухнула перед Галей на колени:

— Велите казнить меня, ваше высочество!

— Зачем? — нахмурилась Галя, переводя взгляд с привратницы на Гошу и обратно, видно было, как интересно ей поразглядывать нерожденного брата. Но это была настоящая принцесса: сначала подданные, любопытство потом.

— Чтобы отделить мою голову от тела, — пояснила Кунтура.

— Тогда ты умрешь. Плохая идея.

— Еще хуже то, что я осмелилась командовать в вашем присутствии и назвала вас ребенком.

— Я и есть ребенок, — буркнула Галя. — И ты правильно взяла на себя инициативу в нужный момент. Когда вернемся, попрошу папу назначить тебя помощницей начальника охраны.

— А казнить не будете?

— Зачем нам безголовый командир? Таких и без того хватает.

Я обрадовалась, что вопрос решился мирно и увидела, что Гоша, пораженный разыгравшейся сценой, застыл от нас шагах в десяти, из чего сделала вывод, что в его складке сестренка не столь самостоятельная. И пока он нас не слышал, быстро спросила у нее:

— Откуда штаны? Папины? Дотянулась?

— Дотянулась, — ворчливо ответила Галя, — но не до папиных, ты что? Узнает, на месяц запретит пользоваться гурумлазом. Я просто подумала, что на кухне всегда много тряпок, вот и...

— Эти штаны с кухни? — заморгала я. — Что они там делали?

— Сама не понимаю.

А я вдруг поняла, вспомнив, кто и зачем наведывается к придворной кухарке. Бедный начальник охраны! Как же он теперь? Ну да ладно, Галя ведь говорит, что на кухне много тряпок.

Между тем к нам подошел Гоша. Он продолжал сверлить недоуменным взглядом принцессу, явно собираясь засыпать ее вопросами, но инициативу перехватила я.

— Как ты здесь очутился? — схватила я любимого за руку, но тут же отпустила, чтобы опять не создать при ребенке эксцессов.

— Я еще не понял, что такое это «здесь», — начал отвечать не с той стороны Гоша, и я его развернула:

— Это потом. Сначала — как? И где акутура? Ты ее убил?

— Как же ее убьешь, да еще голыми руками? Нет, я просто сумел вырваться в момент перехода, отпрыгнул в сторону и у меня оказался один миг, чтобы использовать магию. Всего один, но я его не упустил.

— Магию, чтобы убить акутуру? — не удержалась от вопроса Галя.

— Говорю же, нет. На это моей магии не хватило бы.

— Помню-помню! — воскликнула я. — У тебя ее оставалось на единственный переход.

— Вот именно. И я переместился. Сначала хотел вернуться на вашу складку, но подумал, что будет надежней представить тебя, чтобы переместиться именно к тебе, где бы ты ни была.

— Хороший мой, — не сдержавшись, всхлипнула я. — Но почему же ты промахнулся?

— Как это промахнулся? — поднял брови Гоша. — Вот же ты, тут.

— Да, но сутки назад я была очень даже не тут.

— Сутки назад мы были в твоём мире, сидели у тебя дома, ели котлеты и учили язык.

Вот зачем он вспомнил про котлеты? Живот опять заурчал, но мне сейчас было не до него.

— Погоди, — подняла я руки. — Это было не сутки назад, а позавчера. Сутки назад тебя утащила акутура а меня...

— Да нет же! — взволнованно перебил меня любимый. — Акутура утащила меня только что. Ну, может, минут десять прошло.

— Это что же получается? — посмотрела я почему-то на Галю. — Складки бывают сдвинуты не только в пространстве, но и во времени?

— Как это? — нахмурилась принцесса.

— Не бери в голову, — сказала я. — Похоже, вопрос риторический. Но тогда... — Я встревоженно посмотрела на обгоревшие кусты. — Тогда акутура может появиться здесь прямо сейчас!

— Все может быть, — обернулся туда и мой принц, — если догадалась, что на сей раз я перемещался не «куда», а «к кому». Хотя она же не знает, что ты сейчас здесь. Кстати, ты так и не сказала, что такое это «здесь»? И почему с тобой моя сестра?

— Это не твоя сестра, — начала я отвечать с конца. — «Здесь» — это такая складка твоего мира, где ты вообще не родился.

— Мир-обманка! — воскликнул Гоша.

— Сам ты обманка, — буркнула Галя. — Теперь я даже рада, что тебя здесь нет.

— Погодите, ребята, не ссорьтесь, — подняла я руки. — Я еще не все сказала. Акутура еще как знает, что я на этой складке, ведь она меня сюда и отправила. И это очень плохая новость. Но есть и хорошая. Если у этих миров и правда сдвиг по времени, то акутура сейчас далеко отсюда.

— Мама! — ахнул Пувилон.

— Успокойся, — сказала я. — Твоя мама ей не нужна.

— Конечно, нужна! — не стала успокаиваться Пувилон. — Акутуре ведь нужно узнать, куда я поплыл.

— Откуда акутура вообще про тебя знает?

— Ну смотри, — стал объяснять Пув, — акутуре нужен твой... Гоуша...

— Гоша, — поправила я, заинтересовавшись, куда выведет великана логика. — И?..

— Она может догадаться, что он отправился к тебе, и как ты говоришь, это она забросила тебя сюда, то есть знает, куда именно. Тогда она переместилась в наш лес, увидела нашу деревню и пошла узнавать, не там ли ты. Тебя там нет, но нет и лодки... — тут голос Пувилона дрогнул. — Значит, ты уплыла на ней. Но без лодочника не поплыла бы. Значит, надо узнать, куда уплыл лодочник. Кто об этом знает? Мама. Мне очень быстро надо к маме! Я за нее боюсь.

Я мысленно отметила, что логика в выводах Пува действительно присутствует, хоть и не без грубых натяжек. Но слушая его рассуждения, подумала, что логика Гошиной преследовательницы может и отличаться от нашей, человеческой, то есть она как раз нечеловеческой по определению и является. А это значит... Дальше я озвучила свою мысль вслух:

— Акутура могла и не прийти в этот мир. Как уже правильно сказал Гоша, откуда ей знать, куда он мог переместиться — сам сказал, что сначала хотел отправиться на мою складку. И она наверняка не знала, что магии у него оставалось только на одно перемещение. Зато точно знала, что рано или поздно он вернется домой, на родную складку.

Посидит где-то, переждет и вернется. Так зачем за ним прыгать по мирам? Лучше тоже подождать.

— Все равно я не смогу быть спокоен, пока не увижу маму живой и невредимой, — мотнул головой Пув.

— Вы же и так к ней собирались, — сказала я. — Раньше, чем придем к магу, вам к твоей маме все равно не попасть.

— Что еще за маг? — вздернул брови Гоша. — Почему он должен отправить нас к чьей-то маме?

— Еще скажи «послать», — хмыкнула я. — И не нас, а их, — указала я на Пувилона с Кунтурой. — А мы отправимся искать теб... Ой! Я уже и не знаю, куда мы теперь отправимся. Можно пока вернуться на нашу складку, тем более что Болтуна туда точно нужно вернуть, он вообще тут случайно.

— Кто такой Болтун? — стал озираться Гоша. — Это и есть маг?

— Не совсем, — подмигнула я возмущенно завозившемуся ежику. — Это... — Я чуть было не сказала, что это частично ведьмак, но вспомнила, что я ведь тоже частично ведьма, и об этом мой любимый еще не знает. А что если он... И я пробормотала, так и не договорив про Болтуна: — Гоша, давай отойдем, я должна тебе что-то сказать.

Он внимательно посмотрел на меня и даже слегка побледнел, таким впечатляющим, видимо, стало выражение моего лица:

— Лава, ты чего?

Я неожиданно для себя разревелась. Мне стало по-настоящему страшно. Возможно, я видела своего любимого в последний раз. Нашла, чтобы проститься. И я ведь даже не смогу его ни в чем упрекнуть. Да и какие могут быть упреки, если мы не только не давали друг другу никаких обещаний, но даже не признавались в любви. Эх, будь что будет, слезами тут уж точно не поможешь — этот узел в наших отношениях нужно было решительно разрубать! Я, продолжая всхлипывать, схватила Гошу за руку и потащила все к тем же обугленным кустам. Остальные проводили нас встревоженными взглядами, и я махнула им: сейчас, подождите!

— Гоша, — сказала я, когда мы удалились достаточно, чтобы нас не слышали. — Я хочу признаться тебе кое в чем... Это случилось уже после того, как тебя утащила акутура, поэтому раньше я сказать не могла.

— Ты... кого-то встретила? — сглотнул мой славный, милый принц.

— Я встретила только их, — мотнула я головой в сторону наших спутников. — Еще одного выпендренного врунишку, двух привратников, дракона и... старую ведьму.

— Дракона?! — ужаснулся Гоша.

— Да, но дракон ерунда, его ежик взорвал. А вот ведьма... — И собравшись, я решительно выпалила: — Теперь и я стала ведьмой. Почти. Но все равно.

Любимый молчал, будто ждал, что я скажу что-то еще. Оказалось, и правда ждал.

— Так в чем ты мне хотела признаться? — спросил он наконец.

— Я уже призналась. В том, что я ведьма.

— И... что? Теперь ты... мы... — начал вдруг запинаться Гоша, словно это он был в чем-то виноват передо мной. — Теперь ты не захочешь... быть со мной? Ну... рядом... вместе...

— Погоди... А ты этого хочешь?

— Конечно. Ведь я... — Он снова запнулся, но взял себя в руки, заглянул мне в глаза и

проговорил, отчетливо и твердо: — Лава, я люблю тебя. Понял это еще там, на вашей складке, но теперь, когда мы снова встретились, убедился в этом твердо.

— Но я... но ведь я ведьма! Ты разве не понял?

— Да какая разница, кто ты! Я ведь тебя люблю, и мне все равно, королева ты, ведьма или привратница.

— Я не привратница, — пробормотала я, боясь поверить в услышанное — вдруг не так поняла? — И не королева...

— А хочешь ею стать? — стал совсем уже серьезным Гоша.

— Подожди, — выдохнула я. — Ты правда сказал, что меня любишь?

— Я не просто сказал, я на самом деле люблю! Прости, если это...

— Простить? — прервала я его и обняла, крепко прижавшись к обнаженной горячей груди. — За что же тебя прощать? За счастье это услышать? Ведь я тоже... Я тоже люблю тебя! И я так боялась... — Слезы снова покатались по щекам.

— Теперь уже не бойся ничего, я буду рядом. — Любимый нежно взял в ладони мое лицо, опустил к нему свое, и наши губы снова сомкнулись. Но если в первый раз это можно было списать на радость встречи, то теперь наш поцелуй был скреплен взаимным признанием в любви.

Но теперь и Пувилон был наготове, он не дал разгореться пламени нашей страсти.

— Лава! — крикнул Пув. — Идем скорей к магу! Мне нужно спасти маму!

Мой милый принц тряхнул головой и словно очухался:

— Так что все-таки за маг? Расскажи.

— Идем к остальным, — потянула я его за руку. — Сейчас мы все тебе расскажем.

Правда, сначала кое-что сказала принцесса. Внимательно, с ехидным прищуром, посмотрев на Гошу, она сказала:

— Ну что, братик, вижу у меня и сестричка появилась?

— Какая сестричка? — двинул бровями любимый. — Ты про ту Пиктигаулу, что на моей складке?

— Про эту Лаву Мирос, которую ты скоро в Энатакоры произведешь. Если папа разрешит, ведьма все-таки.

— При чем здесь папа?! — воскликнул принц.

— При чем здесь ведьма?! — синхронно с ним выдала я. Хотя да, король, в отличие от сына, наверняка будет против такого союза. Впрочем, какой союз? Мне пока никто предложение не делал.

— Зато моя мама при чем! — заломил руки бедняга Пув. — Идемте скорей, умоляю!

— Но мы еще не рассказали Гоше про мага, — напомнила я.

Тем не менее Пувилон настоял, чтобы мы все же пошли — мол, рассказывать можно и на ходу. Замечание было справедливым, хотя лично я, когда особо торопиться стало некуда, предпочла бы сначала перекусить, желудок выводил рулады. Но глаза великана были такими выразительно-умоляющими, что заикаться о еде не повернулся язык.

И мы двинулись было в дальнейший путь, но подойдя к остаткам недавнего пожара, Галя остановилась и поморщилась:

— Если мы пойдем через эту гарь, станем такими чумазыми, что Лепектон испугается и удерет от нас.

— Не переживай, — сказала я, вспомнив, как избавила наши с Пувом ноги от глины, — я всех почищу. Меня смущает другое... — Эта мысль посетила мне голову только что: — Ты

говорила, что маг иногда ходил от вас и к вам пешком. Как же он продирался сквозь кустарник?

Принцесса думала недолго.

— Он и не продирался, — сказала она. — Думаю, эти кусты он сам и намагичил. Что-то вроде забора, чтобы чужие не тревожили его по пустякам.

— Вот! А мы лезем.

— Мы же не по пустякам.

— Ну да, — закивала я, — у нас важное дело: нужно срочно отправить Пувилона к маме.

— А что, разве не важное? — начал возмущаться лодочник, но я остановила его жестом:

— Да шучу я, мог бы уже и привыкнуть. Тем более нас тоже без мага никто никуда не переместит. А сначала пусть вернет домой Галю.

— Я не хочу домой! — топнула принцесса. — Мы ведь договаривались!

— Мы договаривались спасти вместе Гошу, — возразила я. — Все, спасли, спасибо за помощь, пора тебе сменить на посту свою пруклу.

Гале нечего было на это сказать, и я зашагала дальше, пачкая свадебное платье Грохломы Укх сажей и пеплом. Следом двинулись и все остальные, а Пувилон, не выпуская руки своей новой невесты, вскоре даже вырвался вперед. Чистила я всех потом уже на ходу, чтобы не терять времени, иначе лодочник мог не удержаться и... пусть и не пристукнуть меня, но сочинить, например, стишок. Что-нибудь вроде того, что «снова остановка, а нос твой, как морковка». Или еще хуже.

Мы пересекли редкий лесок, дошли до скал, но так и не увидели никакого замка. Оставалось надеяться, что тот находится за скалами, но теперь, когда мы подошли вплотную, горный кряж не казался уже таким маленьким, как издали.

— И с какой стороны замок мага? — задала я вопрос, на который никто из нас не знал ответа. — Как нам лучше идти, чтобы было короче?

— Сейчас я заберусь наверх и посмотрю, — вызвался Пув.

Честно говоря, я сомневалась, что такой грузный товарищ сможет быстро забраться на весьма крутой склон, но сказать ничего не успела — лодочник уже карабкался на гору, и делал это так легко и ловко, что мои сомнения мигом развеялись.

Спустился он еще быстрее — почти кубарем. И дрожащим голосом сообщил:

— Там нет никакого замка! Только деревья, кусты и трава.

— Со всех сторон? — спросила я.

— Со всех. Кроме той, где река. Там, — махнул он рукой, — отсюда не увидишь. Как раз то место, где сошел на берег врун Лапутун.

— Зачем же он здесь сошел? — пробормотала я. — Точно нет никаких строений? Может, хотя бы избушка какая?

— Нет здесь избушек, — совсем упав духом, тихо сказал Пув. — Бедная мама.

— Выходит, ты что-то перепутала, — повернулась я к Гале.

— Ничего я не путала! — вспыхнула девочка. — Что маг говорил, то я и сказала.

— Значит, он тоже врун, — сделала я вывод. Хотела пояснить Гоше насчет первого вруна, но обнаружила, что его с нами нет. Я испугалась так, что задрожали колени. — А где мой принц?!

— Отошел вон за те кустики, — показала Галя. — Ты что, не видела? Он не сказал, зачем, но я думаю...

— Не надо, — остановила ее я. От сердца немного отлегло. — Понятно и так.

— Нет, — подал вдруг голос Болтун.

— Я потом тебе объясню, когда будем одни.

— Фыр-фыр-фыр! — завозмушался вдруг ежик. Правда, смотрел при этом не на меня.

Ага, это он увидел выходящего из-за кустов Гошу! Так это же славно, что тот снова нашелся, чего он так возмущается? Или, может, что-то почуял? Меня вновь охватило беспокойство. Как оказалось, не зря.

— Вон там, за кустами, пещера, — сказал, подойдя, мой любимый. — Я не стал подходить, но интуиция подсказывает: там кто-то есть.

— Да! Да! Да! — взволнованно забегал кругами Болтун.

— Ты тоже это чувствуешь? — нахмурилась я, рассматривая кусты.

— Да! — остановился наконец ежик.

— Тогда нам лучше не шуметь и поскорей отсюда убраться, — перешла я на шепот.

— Ты думаешь, там кто-то злой? — тоже тихо спросила принцесса. — Может, мне достать яд? Или хотя бы кинжал?

Я помотала головой:

— Думаю, там может быть какой-нибудь опасный зверь. Пещерный медведь, например, а то и вовсе дракон. Их кинжалом не испугать, и яд принимать они тоже откажутся.

— Драконы живут на луне, — возразил Пувилон.

— А может, это вход в замок? — сказала вдруг Кунтура.

— Где же тогда сам замок?

— Вот, — показала на скалу привратница. — Хорошая маскировка от врагов.

— Разве тут есть враги? — развела я руками.

— Враги повсюду, — очень серьезно ответила великанша.

— Минуточку, — сказала я и посмотрела на ежика: — Болтун, ты чувствуешь там опасных зверей?

— Нет, — сказал еж.

— А неопасных? — уточнила привратница.

— Нет.

— Тогда это замок, — заявила великанша. — Больше ему быть негде.

— Тогда идемте! Идемте! — замахал руками Пувилон, не усомнившийся, похоже, ни на грамм в словах возлюбленной.

— Я первая, — шагнула вперед Кунтура, но тут же спохватилась: — Ваше высочество, позвольте сделать расстановку!

— Позволяю! — дуэтом ответили Гоша и Галя. Недовольно посмотрели друг на друга, потом принц склонил голову: — Прости, здесь командуешь ты.

А привратница уже всю распоряжалась нашим построением:

— Я иду впереди, за мной — Лава, за ней — ее высочество, за ней — Гоша, замыкает Пувилон.

— Гоша тоже высочество, — заметила я. — А еще ты забыла про Болтуна.

— Мне никто не представлял Гошу, как высочество. Укрупнил может идти, где хочет.

Болтун даже не стал на нее фыркать — понял, видимо, что бесполезно. Я подставила ему ладони, и он, пусть и без особой охоты, на них залез. Остальные наши спутники тоже зашевелились.

— Все построились? — хозяйским взглядом обвела нас привратница. — Тогда —

вперед, шагом марш!

Собственно, шагать нам пришлось недалеко и недолго — дыра в скале темнела метрах в двадцати от кустов. Когда Кунтура приблизилась к ней, скомандовала:

— На месте стой! Раз, два.

— А теперь я пойду первым! — быстро подошел к пещере Пув. — Кунтуша, охраняй остальных.

Но зайти лодочник никуда не успел — из темноты входа внезапно появилась фигура, поначалу показавшаяся мне продолжением пещерного мрака. И лишь когда человек сделал шаг к нам навстречу, я поняла, что он всего лишь закутан в темный плащ. В тот самый плащ, который я приняла когда-то за реквизит эксгибициониста.

— Маг Лепектон! — радостно воскликнула Галя.

— Лгун Лапутун! — ахнула я.

— Я же говорил, что вы мне еще попадетесь, — хищно осклабился тот.

Я уставилась на внебрачного сына барона второго ранга, пытаюсь сообразить, что к чему.

— Да кто ты на самом-то деле? — проговорила я вслух то, что думала.

— Это маг Лепектон, я ведь сказала, — недоуменно взглянула на меня, а потом и на лгунишку в плаще принцесса. — Правда же, Лепектон? Я к тебе людей привела. И одного зверя. Поможешь им?

— Не ожидал тебя тут увидеть, Пиктигаула, — помотал тот головой, будто не слышав, что сказала Галя. — Ты вся в маму.

А в следующий миг сын барона исчез, будто его тут и не было. Не скажу, что мы с моими спутниками впали от этого в панику, но все-таки заохали-заахали, замахали руками — короче говоря, эмоционально отреагировали на происшествие. Один только Гоша замер в неподвижности со странным выражением лица, будто он что-то понял или вспомнил, но сам себе пока не верил.

— Что такое, мой хороший? — положила я руку на обнаженное плечо.

— Голос... — неуверенно проговорил любимый. — Он так похож... Если бы не этот широченный нос, я бы решил, что это был наш придворный маг.

— Тот, который наполнял твой хрундюк магией перемещения?

— Да, — кивнул мой принц, — Липустин Вадмар.

— Звучит почти как лекарство, — наморщила я лоб, но вспомнить, какое именно, не смогла. — Но почему ты сказал, что у него широкий нос? Он же как кнопка.

— Как огромная кнопка.

— Пиктигоуша, у тебя что, плохо со зрением? — подключилась к разговору Галя. — У мага Лепектона очень маленький нос.

— У лгуна Лапутуна, — сказала я и тут меня осенило: — Пойдите-ка! Лепектон Лапутун, Липустин... То, что первые два — это один человек, я уже поняла. Но быть может, и третий — он же?

— Но ведь нос... — начал Гоша и тут же нахмурился. — Вы говорите, он маленький? У придворного мага Липустина тоже маленький нос. И голос — один в один. Но у этого нос был такой вот, — приложил он к лицу кулак.

— Нет, — заговорил и Болтун, который тоже нас внимательно слушал.

— Это был морок, — задумчиво сказала принцесса. — Специально для тебя, чтобы ты его не узнал.

Мой милый принц сказал по-русски: «Каналья! Тысяча чертей!» и серьезно задумался.

— Что-то мне все это очень не нравится, — проговорила я.

— Мне тоже, — сказал Пувилон. — Кто же нас теперь перенесет к маме?

— Вы и пешком дойдете, — сказала я. — А вот кто перенесет нас на родную складку?

— Подождите! — подняла руку принцессу. — Не мешайте мне думать.

— Я могу тебе помочь, — сказал Гоша. — Скорее всего, это двойник нашего придворного мага. Ты ведь тоже двойник моей сестры, почему бы и у Липустина не быть на этой складке двойнику?

— Это твоя сестра мой двойник, а не я ее, — буркнула Галя. — И никакой Лепектон не двойник. Почему он тогда не хотел, чтобы ты его узнал?

— Но зачем было магу,неважно, двойник тот или нет, врать, что он сын барона, ломать перед нами с Пувом комедию? — продолжала размышлять я. — Для чего вообще скрывать, что он маг? И если он умеет перемещаться, зачем было напрашиваться к нам в лодку?

— А меня интересует, — сказала вдруг принцесса странным тоном, словно собираясь заплакать, — почему он сказал про мою маму?

— А где твоя мама? — спросила я.

Галя сдавленным голосочком стала рассказывать, что ее маму, королеву Радомиулу Энатакор, похитил дракон и потом съел — так, что даже косточек не осталось. Причем это случилось в Галин день рождения три года назад, когда они с мамой и придворными дамами устроили пикник у реки. Королева спустилась к воде, чтобы вымыть руки — и тут... Подробности Галя не смогла рассказать, расплакалась. А Гоша, тоже слушавший этот рассказ, побледнел и, взяв меня за локоть, отвел в сторону:

— Насчет дракона — наверняка детские фантазии, — негромко сказал любимый. — На нашей складке мамы тоже не стало в день, когда моей сестре исполнилось пять лет, и тоже на пикнике. Но никакого дракона не было. Мама спустилась к реке вымыть руки и не вернулась. За праздничной суетой мы не сразу заметили, что она отсутствует слишком долго, но уж дракона мы бы точно не проглядели.

— Куда же она делась? — дрогнувшим голосом спросила я.

— Оступилась и упала в реку, — опустил голову Гоша. — Правда, тело так и не нашли, но там сильное течение...

— Сочувствую, — обняла я любимого. А потом вспомнила слова лживого мага и спросила: — Этот ваш придворный маг... Липастин...

— Липустин.

— Ну да. Он тогда уже был при дворе?

— Нет. Появился как раз после этого.

— Но как же тогда... Постой-ка, — отстранилась я от моего принца и вернулась к принцессе, которая уже не плакала, хотя личико ее и оставалось печальным: — Галчонок, миленький, а этот маг тебя уже тогда обучал?

— Папа нанял его чуть позже. Хотел, чтобы я отвлеклась от горя учебой.

— Откуда же он узнал, что ты вся в маму? — брякнула я.

Глазенки принцессы вспыхнули ярким огнем.

— Ты хочешь сказать, что мама жива?

Вот есть у меня хоть капелька ума? Надо ведь думать, что говорю, тем более не кому-нибудь, а ребенку, потерявшему мать! Впрочем, оказалось, что Галя и сама подумала примерно то же, что и я, поскольку тут же сказала:

— Потому что я тоже не пойму, зачем он про нее говорил, если никогда не видел?

— Он мог видеть ее на портретах, на каких-нибудь церемониях, — поспешно предположила я, хотя подумала еще, что лживый маг имел в виду не только внешность.

— Мог, — вздохнула принцесса. — Надо у папы спросить, он может помнить.

— Давайте вот что решим, — видя, что мы зашли в некий тупик, а Пувилон, тоже вспоминая маму, уже вытоптал траву в радиусе пяти метров, взяла я инициативу в свои руки. — Пувилону с Кунтурой придется идти пешком. Галя, ты же уладишь проблему, если девушка немного опоздает на службу? — Дождавшись кивка принцессы, я продолжила: — А мы вчетвером вернемся в столицу. Ведь у вас при дворе есть другой маг, который умеет перемещаться по складкам?

— Есть один, — подумав, сказала Галя. — Но это папин маг, он без его приказа и пальцем не шевельнет.

— Тогда мы придем к твоему папе, все ему расскажем и попросим помочь. Это единственный выход.

— Во-первых, тебя не пустят во дворец даже со мной. Во-вторых, если мы все расскажем папе, то он казнит тебя за то, что помогла мне сбежать. В-третьих, он казнит за побег меня. Голову, конечно, не отрубят, но мало мне не покажется.

— Ну, не такой уж папа самодур, — возразил Гоша. — С ним вполне можно договориться. Не думаю, что здешний сильно отличается от моего.

— Да? Вот иди тогда сам и договаривайся. А я зря, что ли, делала пруклу? Хоть два денечка на свободе побуду. Заодно посмотрю, как живут мои будущие подданные в глубинке.

— И в какую глубинку ты собралась? — нахмурилась я.

— В деревню к маме Пувилона.

— А мы?! — дуэтом воскликнули Пув и Кунтура.

— Разумеется, мы переместимся туда вместе.

— Так дело не пойдет, — замотала я головой. — Я не могу отпустить тебя одну.

— Ты что, не слышала? Я буду с ними, — показала на влюбленных великанов принцесса. — Уж они-то меня защитят.

— А вдруг Пув захочет остаться? Вдруг его мама на этом настаит? Даже не спорь, ты вернешься с нами.

— Нет! — топнула Галя и одновременно с ней это же произнес ежик.

— А тебя кто спрашивал? — строго посмотрела я на него.

— Фыр-фыр фыр фыр-фыр-фыр пух! — забегал кругами Болтун.

— Сам ты Пух, — сказала я. — Практически Винни, только с иголками вместо опилок, и не внутри, а снаружи. — А потом до меня вдруг дошло: — Погоди, уж не хочешь ли ты сказать, что собираешься охранять принцессу?

— Да, — успокоился еж.

— Очень интересная инициатива! — всплеснула я руками.

А потом решила: почему, собственно, нет? Галя хоть и маленькая, но соображает не хуже многих взрослых. Пувилон с Кунтурой ее в обиду точно не дадут, а если вдруг и правда решат остаться, то Болтун подстрахует. И сказала:

— Ну хорошо. Только не задерживайся там. Чтобы крайний срок завтра к ужину была дома!

— Слушаюсь, ваше ведьмичество! — исполнила дурашливый поклон принцесса.

А потом она взяла на руки Болтуна, который даже не подумал возражать, и подошла к влюбленным великанам.

— Встаньте от меня по разные стороны и возьмитесь за мои локти. Крепко, но аккуратно — не сломайте мне косточки!

Пувилон и Кунтура сделали, как им было велено. И уже через пару мгновений на том месте никого не осталось. Я повернулась к любимому:

— А мы пойдем пешком?

— Придется, — пожал Гоша плечами. — Мой хрундюк пуст.

— Гад все-таки этот твой маг, — сказала я. — Мутит явно что-то нехорошее. Нет бы тебя магией пополнить, ведь чуял же, что ты пустой. А он вместо этого на тебя морок

послал, а сам, небось, к твоему папе отправился, который наверняка уже всех на уши поставил из-за твоего исчезновения. И ведь тоже будет делать вид, что занят твоими поисками.

— Нет, он где-то здесь, — покачал головой мой принц. — Где-то на этой складке. Когда перемещаешься на другую — это видно.

— Цветной туман? — вспомнила я наше перемещение.

— Не обязательно туман. Иногда просто марево, иногда мерцание. Но что-нибудь все равно появляется, когда так глубоко протыкают ткань пространства. Но ты мне вот что скажи: почему ты назвала Липустина... если это, конечно, и правда был Липустин, лгуном Лапутуном?

Я уже собралась рассказывать, но тут мой желудок исполнил такую серенаду, что Гоша даже вздрогнул.

— Да, — вздохнула я. — Голодная, как серый волк. Мне срочно нужны три поросенка, желательно жареных, иначе я упаду в голодный обморок.

— Поросенок — это сын свиньи? — удивленно свел брови любимый. — Если этот мир копия моего, то свиньи здесь не водятся. Как быть?

— Придется съесть сына короля, — вздохнула я. Но не сдержалась и прыснула, увидев, как вытянулось Гошино лицо. — Не бойся, жарить не буду. — А потом невольно вновь стала серьезной: — Гоша, я правда очень хочу есть. Меня уже ноги не держат, не дойду до города. Сглупила я, нужно было попросить, чтобы Галя что-нибудь достала из своего гурумлаза, прежде чем ее отпускать... Погоди-ка, а у тебя такого гурумлаза нет?

— Сейчас нет, он между складками не работает. Да и магии даже на гурумлаз не осталось. Но знаешь что? Если Липустин, или кто он на самом деле, обитал в этой пещере, может, у него там еда осталась?

— Некоторые вообще считали, что у него тут замок, — усмехнулась я. — Но твоя мысль мне в любом случае нравится. Только погоди, я попробую включить свое ведьминское чутье и понюхаю, не пахнет ли в этом замке ловушками.

Я подошла к самому входу в пещеру и мысленно спросила сама у себя: «Там, внутри, безопасно?» Наверное, я просто нафантазировала, но мне вдруг представилось, как рядом со мной воздух сгустился в маленький, как от пинг-понга, шарик, который устремился в пещеру. И я каким-то непонятным чувством — шестым, седьмым или десятым — стала воспринимать некие сигналы: на меня будто повеяло пещерной прохладной. Но я, опять же непонятно почему и как, ощущала эту прохладу не с температурной точки зрения, а как знак безопасности, точнее, как отсутствие магической силы. Лишь в одном только месте стало немного теплее, и я откуда-то узнала, что там маг обычно спал, а сны даже у обычных людей несут оттенок магии, что уж говорить о профессионалах. В итоге, когда невидимый шарик завершил облет пещеры, я точно знала две вещи: никакой это не замок, а лишь и впрямь используемая под жилище пещера, а еще — что она совершенно для нас безопасна.

Я призывно махнула любимому и шагнула во тьму. Представила, что стены испускают свет, и те на самом деле стали светиться — совсем не ярко, но достаточно, чтобы не наткнуться на них и на немногочисленную мебель, которая оказалась в пещере. По крайней мере здесь имелись небольшой дощатый стол, грубый деревянный стул и широкая лежанка возле стены, тоже из досок. Весьма аскетично, что говорило или о том, что роскошь для загадочного мага не представляла интереса, или о том, что эта пещера была лишь временным пристанищем, чтобы не трогать магию на частое перемещение между

складками, когда нужно было чем-то заниматься именно здесь. Например, обучать принцессу. Или... следить за мной, как в этот раз.

Не знаю уж, сработала ли это обычная интуиция, или ей помогла моя ведьминская сила, только я поняла вдруг кое-что об обитателе этого места, чем и поделилась с Гошей:

— Это он натравил на тебя акутуру — там, на вашей складке. Потом узнал от нее, что ты сбежал, но неясно, куда, а еще то, что она отправила меня в этот мир. Тогда он тоже переместился сюда и нашел меня. Поэтому и подсел к нам в лодку... А, ты же не знаешь! Когда мы сюда плыли с Пувом, нас тормознул один мужик в плаще и попросил подвезти. Так вот, это тот самый маг и был, хотя нам наврал, что он сын барона Лапутун. И вероятно, он тогда и прицепил ко мне какой-то магический маячок, по которому за мной следил, думая, что я выведу на тебя.

— Он мог просто настроиться на твою ведьминскую силу, — сказал мой милый принц, — никакого маячка не надо.

— Ну вот, — развела я руками. — Я на тебя и вывела. Точнее, даже привела. Прости.

— Почему же он не попытался сейчас меня уничтожить?

— Значит, у него поменялись цели.

— Или я перестал ему мешать, — нахмурился Гоша. — Увидел, что я без магии, какой с меня прок?

— Но у нас-то цель осталась прежней — идти к здешнему королю и просить, чтобы он переместил нас... — Тут я схватилась за голову: — А Болтуна-то я отпустила с Галей! Без него я домой не вернусь.

— Ты ведь сказала Пиктигауле, чтобы они вернулись не позднее завтрашнего ужина. Думаю, папа... здешний папа разрешит тебе остаться до завтра. Только не выдавай принцессу, пусть считает, что она дома, придумай другую причину.

— Почему ты говоришь только обо мне? Может, вместе придумаем? Ведь мы же вместе с тобой будем ждать?

— Я не умею обманывать, тем более короля, — как-то странно отвел взгляд любимый.

— Хорошо, давай переночуем здесь, в пещере, а в столицу пойдем завтра.

— Видишь ли, Лава, — пробормотал Гоша. — Мне нужно скорее вернуться домой. К себе домой.

— Что? — ахнула я. — А как же я?

— Если ты права насчет Липустина, то маг настроен не против меня. Он просто хотел меня убрать, чтобы я не мешал. А теперь, когда не мешаю... Думаю, он что-то затеял против моего отца. Против короля!

— Но ты же сказал, что он переместился не между складками, — напомнила я. — Что он где-то здесь.

— А вдруг он уже совершил задуманное?! — схватился за голову Гоша. — Или просто замечает следы: сейчас переместился подальше отсюда, а там уже совершит переход к нам домой. Идем скорее к па... к здешнему королю! Я все ему расскажу, и он отправит меня домой, а тебя... тебя завтра на вашу складку вместе с ежиком.

— Вот как, — холодно произнесла я. — Спасибо, любимый. Твоя забота обо мне очень трогательна.

— Пожалуйста, Лава. Идем скорей!

— Я хочу есть! — выкрикнула я.

Из глаз брызнули слезы. Да, я понимала Гошино беспокойство за отца, но как он может

так спокойно говорить о нашем расставании? О расставании навеки! И к тому же я правда очень-очень хотела кушать.

— Прости, да, конечно, — забормотал бессердечный принц. — Может, сгодится кертука?

— Что-что? — быстро смахнула я слезы ладонью, не хотелось, чтобы Гоша увидел меня плачущей. — Можешь по-русски сказать?

— Но ты же... Да... ты же говоришь по-нашему! — только сейчас дошло до этого черствого не только душой, но и мозгами наследника престола.

— Говорю. Но слова «кертука» в моем лексиконе нет. Наверное, потому, что нет русского аналога, — сказала я сквозь стиснутые зубы. — Но тебе-то все равно. Тебе русский язык больше не понадобится.

— Примерный аналог — это ваша картошка, — залебезил Гоша. — Только у кертуки не кожура, а скорлупа, как у ореха. Но вот на столе и камень лежит, можно расколоть.

— На столе лежит шесть камней, — посмотрела туда я. — И куча осколков.

— Пять — это и есть кертуки. Наверное, Липустин как раз обедал, когда мы пришли. Теперь и ты можешь покушать. Правда, удачно вышло? А насчет русского языка...

Но я этого подлизу больше не слушала. Бросилась к столу, схватила камень и стала бить им по одной из кертукофелин так, словно это был череп врага. Внутри оказалась желтоватая мякоть, и правда похожая вкусом на вареную картошку. Соли бы еще! Но я и так схмячила все за милую душу — Гоша едва успевал разбивать скорлупу, он взял на себя эту обязанность, хотел, видать, меня задобрить. Впрочем, когда я, заморив червячка, откинулась на жесткую спинку стула, принц заявил:

— Лава, ты меня не дослушала. И по-моему, обиделась. Но я не хочу рисковать твоей жизнью, ведь я понятия не имею, что творится сейчас на моей складке. Только поэтому не беру тебя с собой. Но ведь я не бросаю тебя и вернусь за тобой в твой мир, так что русский язык мне еще может пригодиться.

У меня камень рухнул с сердца от этих слов. Действительно, поторопилась я с выводами. Но все равно оставались неясности.

— А может и не пригодиться, да? — прищурилась я. — Потому что дома тебя посадят в тюрьму или убьют?

— Вообще-то я имел в виду, что вернувшись в ваш мир, просто заберу тебя — и назад, в родное королевство. Наш язык ты теперь знаешь, а с кем мне еще там разговаривать? Но есть, конечно, вероятность, что и убьют.

— Спасибо, успокоил, — сказала я, поднимаясь. — Но сделаем мы по-другому. Сначала переместимся к нам — нужно вернуть Болтуна. А потом мы оба с тобой — к тебе. Если уж погибать, то вместе.

Гоша нежно меня обнял, поцеловал, прижал к себе — при других обстоятельствах я бы уже растаяла, но теперь удержалась — и сказал:

— Я очень ценю твой порыв, любимая. Но так не получится по двум причинам. Первое: кто же нас вернет из твоего мира к нам, ведь мой хрундюк пуст? И второе: я запрещаю тебе рисковать.

— Ты пока еще не имеешь права мне что-то запрещать! — оттолкнула я самоуверенного принца. — А твой хрундюк наполнит магией здешний придворный маг.

— Если еще согласится... — поник взором Гоша.

— Если ему король прикажет, — поправила я. — А это уже будет зависеть от твоего

красноречия. Так что давай сначала решим первую часть задачи: попадем во дворец к твоему здешнему папе.

— Это вторая часть, — поднял голову принц. — Первая — дойти до столицы.

— Тогда есть еще и нулевая, — усмехнулась я. — Нужно тебя во что-то одеть. Ты мне, конечно, и с обнаженным торсом нравишься, но король может не понять.

— Ты же ведьма, наколдуй мне рубаху, — улыбнулся в ответ Гоша. — Хотя я где-то слышал, что заколдованные вещи быстро исчезают.

— Ты правильно слышал. Нужно найти реальную одежду. Может, здесь у мага что-нибудь завалилось?

Напрасно я на это надеялась. Здесь и заваливаться-то чему-либо было негде — настоящая келья, а не жилище придворного мага. Сын барона, тоже мне! Наврал бы уж лучше, что сын монастырского настоятеля, если здесь такие вообще, конечно, водятся.

Я на всякий случай заглянула под стол и под лежанку. И там, и там было пусто. Зато на самой лежанке валялось серое с коричневыми ромбами покрывало.

— Вот, — показала я на него. — Сделать в центре дырку, получится накидка.

— Мне бы еще на ноги что-то, — сказал Гоша.

— Ау! Где тут у вас обувной отдел? — дурашливо завертела я головой. А потом сказала: — Единственный выход пока — отрезать от покрывала две полосы и обмотать ими ступни. Нити в этой ткани прочные, ими и завяжешь.

Любимый так и сделал, используя вместо ножа, как недавно и я, острый камень. В получившемся пончо и мокалинах принц стал похож на индейца. Недоставало головного убора с перьями и томагавка. А еще лошади — она бы нам сейчас не помешала.

Впрочем, и без лошади мы дошли до столицы легко и быстро, дорогу я знала, и вернуться не составило большого труда, с учетом что я, пусть и не в полной мере, но подкрепилась. Рисковать и соваться к главным воротам мы не стали — одна бы я могла опять притвориться начальником, и привратники бы меня пропустили, но с Гошей могла получиться накладка. Да и зачем лезть на рожон, если имелся запасной вход — заложённый кирпичами пролом в стене. К нему, совершив небольшой крюк, я и повела любимого. Да, я больше не сердилась на него, но твердо решила одного никуда не отпускать. Ему-то что, его там убьют да и все, а мне потом страдать всю жизнь.

Подойдя к стене в том месте, где был проделанный ежиком лаз, я попросила Гошу выдвинуть кирпичи — зачем расходовать по пустякам ведьминскую силу, когда простаивает дармовая мужская? Принц сначала удивился, думал, что я над ним издеваюсь, но когда пояснила, что кирпичи не скреплены раствором, он быстро освободил от них пробоину. Спросил лишь:

— Ты это ведьминским чутьем узнала?

— Это ежик постарался, — не стала я присваивать чужие лавры.

— Шутишь?

— Ничуть, — помотала я головой. — А! Ты же не знаешь, что ведьминская сила у нас с Болтуном напололам! Будет время, расскажу, как это вышло, а пока просто прими как данность.

Гоша помотал головой, но комментировать больше не стал — перебрался на другую сторону стены и подал мне оттуда руку. А когда пролезла и я, нас схватили стражники.

Их было пятеро — трое схватили Гошу, двое меня. Конечно, мы попробовали вырваться, но куда там! Стражники хорошо знали свое дело и держали нас крепко.

— Я же говорил! — радостно выдал кто-то из них. — Пролом в стене был заделан для вида, как будто все в порядке, а лазутчики собирались вернуться. Вот они и вернулись!

— И все-таки нужно было не хватать их сразу, а проследить, куда пойдут, — недовольно произнес другой. — Как мы теперь это узнаем?

— Ничего, сами расскажут, — осклабился один из тех, что держали меня. — В каземате языки быстро развязываются.

— Особенно, если помочь, — мерзко хохотнул еще один стражник.

— Ну так чего тогда стоим? — подал голос, вероятно, их старший. — Ведем лазутчиков в каземат! Только хорошенько держите, чтобы не сбежали.

— Лишь бы ведьма колдовать не начала, — с опаской произнес второй из моих стражников. — Может, ей рот кляпом заткнуть?

— Тронешь ее, я тебе такой кляп воткну! — начал дергаться Гоша. Разумеется, безуспешно.

А вот я была очень благодарна моему болтливому пленителю — напомнил, кто я такая, а то ведь и забыла уже от стресса.

— Всем замереть! — крикнула я, представив стражников неподвижными.

Ура! Незамысловатое колдовство сработало! Все пятеро наших обидчиков застыли на месте, словно восковые куклы. Нет, не все. У одного, как раз из тех, что держали меня, оказались незаколдованными ноги — наверное, моя мысленная картинка из-за спешки оказалась неполной. Но руки и все остальное у него не двигалось, так что я легко выскользнула из неприятных объятий, оставив стражника топтаться на месте. Помогла выбраться Гоше из тройного захвата и сказала ему:

— Бежим!

Мы рванули с места. Пробежав совсем немного, я услышала за спиной топот. Оглянулась: недоколдованный стражник бежал за нами. Руки его оставались в том же согнутом положении, в котором они держали меня, и сейчас казалось, что он приготовился опять нас схватить. Вряд ли у него в ближайшее время это получилось бы, но зачем нам такой хвост? И я крикнула любимому:

— Давай поднажмем! И бежим сразу к дворцу, пока колдовство действует.

— Я туда и бегу, — откликнулся мой сообразительный принц. — А сколько оно будет действовать?

— Понятия не имею. Так что лучше поспешить.

И мы помчались со всех ног. Гоша крикнул мне:

— Тут почти все как у нас, не заблудимся!

Это было здорово, а то прибежали бы, например, сами к тюрьме — вот было бы смеху! И поскольку любимый знал дорогу, я пропустила его вперед и пристроилась сразу за ним.

Бежали мы быстро, но временами Гоша нырял в подворотни — вероятно, сокращая путь, а заодно и отрываясь от преследования. Во всяком случае, топота полузамороженного охранника я больше не слышала. Но и не оглядывалась, чтобы не сбиться с темпа и не наткнуться на препятствие. Мы как раз пересекали небольшой рынок, и нужно было

смотреть под ноги, поскольку ринувшиеся от нас в стороны покупатели роняли свои корзинки, задевали прилавки, и на брусчатке перед нами катались фрукты, растекалось масло, трепыхалась еще живая рыба.

И хоть я внимательно смотрела под ноги, прозевала момент, когда одна из таких рыбин, величиной с мою руку, шлепнулась прямо передо мной и забилась в судорожном танце. Я подпрыгнула, но лапоть из коры скользнул по пролитому маслу, придав моему прыжку ускорение, вот только, увы, не совсем в нужную сторону. Взлетев над ближайшим прилавком, я затрепыхала руками, словно надеясь, что они превратятся в крылья, но сила притяжения, которая на этой складке не уступала нашей, безжалостно прервала мой полет. Прилавок я все-таки перелетела, но воткнулась головой в открытый бочонок с медом и уже захлебываясь, в ужасе подумала: «Если задерется платье, я пропала, ведь на мне же нет трусиков!»

То ли от этой убийственной мысли, то ли от избытка меда в организме, я на какое-то время выпала из действительности, а придя в себя, осознала, что снова лечу. Но как оказалась, уже не сама по себе — меня кто-то нес. Возникло чувство дежавю: не так давно я испытала подобный «полет», когда Пувилон выдернул меня из-под падающей глиняной массы. Но тогда все произошло быстро, а сейчас меня несли и несли, а кто и куда, я не могла разглядеть — веки слиплись от меда.

— Хватит уже! — взмолилась я. — Меня тошнит от качки!

Меня и в самом деле затошнило. Скорее, не столько от качки, сколько от уймы проглоченного меда, но мне в любом случае хотелось как можно скорей принять вертикальное положение.

— Сейчас, — раздался запыхавшийся голос любимого. — Нужно удрать от пасечника... И от торговца рыбой... И еще от кого-то...

Стиснув зубы, я приготовилась терпеть. Но лучший в мире принц превзошел сам себя. Он припустил еще сильнее — представляю, как трудно было это сделать со мной на руках! — и уже минут через пять, заложив крутой вираж, тяжело дыша остановился.

— Поднимите мне веки, — произнесла я знаменитую гоголевскую фразу, вкладывая в нее сугубо практический смысл, причем буквальный, сама я это сделать не могла даже руками, пальцы тоже склеились медом.

Гоша выполнил просьбу и разлепил мне глаза. Мой любимый был растрепанным и потным. Но все равно очень красивым, хотя он тоже перепачкался в меду.

— Оторвались? — закрутила я головой.

— Кажется, да.

А я увидела, что вокруг опять кусты. Что-то везет мне на них в последнее время! А теперь еще и с Гошей в кустах очутилась, словно мы с ним собрались... Тут я ахнула, вспомнив, как воткнулась вверх тормашками в бочонок с медом, и поспешно спросила:

— Когда я влетела головой в бочку, мое платье задралось? Ты увидел... ну-у... мой позор?

— Почему позор? — удивился Гоша. — У тебя там все в порядке.

— Пошлый вуайерист! — залепила я ему несильную пощечину, скорее, всего лишь погладила по щеке. Но не подумав о медовых последствиях, прилипла к любимому.

Это могло бы и впрямь иметь далеко идущие последствия, если бы не приведшие нас в кусты обстоятельства. Отклеившись от смущенного принца, я спросила:

— И долго нам тут сидеть? До дворца, вообще, далеко отсюда?

— Метров двести, — сказал Гоша. — Мы в дворцовом парке, охранник у входа отвлекся на шум погони за нами, и я сумел проскользнуть.

— Это просто замечательно! — воодушевилась я. — Идем же скорей к королю!

— В таком виде? — пробежал по мне критическим взглядом любимый.

— Ты и сам не особо чистый, — справедливо заметила я. — Но это мы сейчас исправим. И вообще, я знаешь, что подумала? Давай я наколдую нашей одежде более презентабельный вид. Ну и пусть она через полчаса станет прежней, но ведь встречают-то по одежке!

— Попробуй, — подумав совсем недолго, согласился принц. — Главное, чтобы нас пустили к отцу. Ну, к здешнему королю то есть. А за полчаса может много чего произойти. Он нас или выслушает, или выгонит, или даже казнит. Не сам, конечно, — чего ты так вздрогнула? — отдаст приказ палачу.

— Спасибо, успокоил, — кивнула я. И принялась колдовать.

О! У меня получилось совсем даже неплохо! Гоша теперь и правда стал похож на принца — из старого фильма «Золушка», почему-то во время колдовства мне вспомнился именно он. Себя я, разумеется, представила одетой, как героиня из того же кино. К счастью, туфельки догадалась сделать не хрустальными, а нормальными, кожаными — то-то бы я сейчас в хрустале шкандыбала. Моему любимому наше преобразование понравилось не особо.

— У нас так не одеваются, — сказал он. — Особенно принцы.

— Хорошо, — кивнула я. — Сейчас верну тебе красные штаны и дырявое покрывало.

— Не надо, — поднял Гоша руки, сдаваясь. — Может, так даже лучше. Представимся при входе иностранными гостями, иностранцев у нас уважают, и папа тоже. Если они не враги, конечно.

— Но ты же не умеешь врать!

— Мы ими лишь на входе представимся, — смутился принц. — Это будет военная хитрость. Только без войны. Хотя, быть может, война на моей складке уже идет. Поэтому точно не обман.

— Хорошо-хорошо, — успокоила я любимого. — Конечно, не обман. Ты, главное, не волнуйся.

И мы торжественно вышли из кустов. Разглядев Гошу во всей красе при хорошем освещении, я едва удержалась от смеха: эти его пышно-воздушные золотистые рукава в синюю полоску, складчатые и тоже весьма пышные синие шортики, а особенно коричневые колготки-лосины... На нашей складке ему в таком виде лучше было не появляться. Хотя... смотря где. В общем, я смеяться не стала — заставит еще переколдовывать, а вдруг я в следующий раз какой-нибудь ужастик вспомню?

Я взяла принца под руку — он прям расцвел от удовольствия, — и мы величественно, как и подобает иностранным гостям, но и не слишком медленно, чтобы наши наряды не превратились в тыкву, направились к парадному входу во дворец.

Два стражника в блестящих позолотой шлемах скрестили перед нами алебарды. Вперед вышел швейцар в зеленой ливрее.

— Что вам угодно? — смерил он нас профессионально-равнодушным взглядом.

— Ми есть зарубежни гость, — коверкая слова, проговорила я, решив взять вранье на себя. В смысле, военную хитрость. — Ми хотеть ваш король.

Но швейцар не обратил на мою изысканную речь никакого внимания, он выжидающе посмотрел на Гошу, и я поняла, что совершила глупость: первым, конечно, должен говорить

мужчина. Принц, это, разумеется, знал, а потому с достоинством произнес, тоже добавив в произношение «акцента», но не так грубо, как я:

— Мы прибыли в вашу страну с неофициальным визитом. Я, принц Анарктыды Пьингвин Императорский с супругой — Крачкой Полярной. Доложите королю.

За крачку мне ему, конечно, очень хотелось врезать. И где это он про животный мир Антарктиды успел насмотреться? Вот не надо мне было тогда включать ему телик! Но с другой стороны с текущей задачей он справился, швейцар отправился докладывать. К тому же, полярная крачка — птица красивая: большая, белая, с черной шапочкой и хвостом вилочкой. Желтоклювой шилохвостью не назвал — уже хорошо, а то бы я ему точно крякнула.

А еще мне было очень-очень приятно, что Гошенька назвал меня супругой. Пусть это и военная хитрость, а не правда, но до чего же хорошо звучит! Я стиснула локоть любимого еще сильнее — вложив в это столько любви, сколько смогла. Принц ойкнул в ответ — наверное, хотел сказать, что тоже меня любит.

Швейцар вскоре вернулся. Теперь в его взгляде, направленном по-прежнему исключительно на Гошу, проскальзывало смешанное с уважением любопытство.

— Господин Пингвин! Его величество Ромалауша Величайший Из Рода Энатакоров, Могущественных Правителей От Сотворения Мира И До Конца Его Дней примет вас. Даж несмотря на то, что ваша супруга ведьма. Но имейте в виду, охранная магия незамедлительно сработает, если вдруг что.

— Войны с Антарктидой хотите? — буркнула я под нос. — Ледышками закидаем.

— Что вы сказали? — надменно глянул на меня швейцар.

— Я говорить, красивый твой тужурка. Как у кузнечик. Чик-чирик! Хотеть тебя склевать.

У швейцара в тон ливрее позеленело лицо. Он быстро отпрыгнул в сторону и замахал стражникам: пустите их, пустите!

Во дворце нас сопровождал высокий и чрезвычайно тощий лакей, одетый во все оранжевое. Он сразу напомнил мне морковку, и мне снова захотелось есть. Неудивительно. Что я до это съела? Пять бронированных картофелин. Может, здешний король накормит? Все-таки нечасто к нему принцы из самой Антарктиды прибывают, да еще с крачками. Кстати, а на этой складке есть на южном полюсе материк? А то ведь засадят за обман короля в пингвинятник — чирикнуть не успеем. Хотя даже если и есть, вряд ли называется так же. Гоша у меня умный, жаль, врать не умеет. Эх, если бы я знала, чем все закончится, не кудахтала бы. Потому что накаркала. Ну, почти.

Впрочем, принял нас Ромалауша Величайший достойно. С трона, правда, вставать не стал, но кивнул по-доброму. Да и выглядел он отнюдь не злодеем — представительный такой седой дядечка в атласном синем халате. Он мне сразу же напомнил Деда Мороза — в короне вместо шапки. Ну и борода у короля была покороче, зато тоже белая. А еще он был очень похож на осветленного и сильно помятого Гошу. Нет, для своих лет Ромалауша выглядел неплохо, не стану наговаривать лишнего. Но он действительно годился моему любимому в отцы — как в переносном, так и в самом прямом смысле. А при быстром взгляде на Гошеньку я тут же поняла, что и он признал в короле папу — идентичность копии наверняка была очень высокой.

Ромалауша, как мне показалось, тоже что-то почувствовал. Или подсознательно увидел в госте себя молодого, только он, задумчиво прищурившись, спросил:

— Вы ведь не первый раз здесь, ваше высочество? Сдается мне, что мы уже встречались. Но я точно не был в Антарктиде. Где это? По ту сторону Кыргызского моря?

Мой любимый не стал терять времени на дурацкие легенды, а сразу взял быка за рога.

— Ваше величество, — без намека на акцент заговорил он, — нам нужна ваша помощь!

— Вот как? — нахмурился король. — На Антарктиду напали?

— Помощь нужна не Антарктиде, а... нам, — кивнул Гоша на меня. — Но еще более срочно — вам. Только другому.

— Как вас следует понимать? — еще сильнее помрачнел Ромалауша Величайший Из Рода Энатакоров и так далее.

— На другой складке вы — мой отец, — рубанул правду-матку любимый. — Я — наследник престола. Придворный маг избавился от меня, натравив акутуру, а теперь хочет убить вас. Или свергнуть. Или сначала свергнуть, а потом убить.

— Кто это меня хочет убить? — начал подниматься с трона король. — И чей я отец? А ну, повтори, подлый обманщик! Кому ты собрался запудрить мозги — мне, величайшему из рода Энатакоров? Ты набрался наглости назваться наследником престола? И привел с собой ведьму, чтобы я, поддавшись ее колдовству, отрекся в твою пользу от моего королевства?!

— Вы не так поняли! — выставил руки мой принц. — Это же все на другой складке, не на этой. Кроме ведьмы, но она тут вообще ни при чем.

— Как это ни при чем? — обиделась я.

Нашла тоже время, дурища. Король перевел на меня взгляд и сказал:

— Ну хоть один из лживой парочки решил сознаться. Тебя не казню, так и быть.

— Его тоже не надо! — попросила я. — Он хороший. И он вас не обманывает. Он сначала вообще попал на нашу складку — ну, там где есть Антарктида. Только он не ее принц, там настоящие пингвины царствуют, а такого же королевства, как и у вас. И папа его — тоже Ромалауша... Ой, сейчас, минуточку... Его величество Ромалауша Величайший Из Рода Энатакоров, Могущественных Правителей От Сотворения Мира И До Конца Его Дней Вот. Правильно?

— Неправильно! — гневно выкрикнул король. — Особы королевских кровей не умеют лгать, а он уже наплел тут с три короба.

— Я абсолютно честен с вами! — гордо вскинул голову принц Пиктигоуша Энатакор.

И тут его яркая киношная одежда превратилась в прежнее недоразумение. Вовремя, ничего не скажешь. Досадуя, что такой казус произошел с любимым — словно подтверждение слов короля о Гошиной лжи, — я не обратила внимание на то, что и мое платье снова стало дырявым, а туфельки из кожи превратились в лапти из коры. Быстро закончилась сказка, добрая фея к нам, увы, не прилетела.

Ромалауша Величайший брезгливо поморщился и хлопнул в ладоши:

— Стража! Взять их!

— Вы обещали ее не казнить, — порывисто обнял меня принц.

— Я обещал это до ее вранья, — буркнул король. — Не хватало оставлять в живых помогающую заговорщику ведьму.

— Не казните хотя бы самого заговорщика! — воскликнула я.

— С чего бы вдруг? — удивился Ромалауша.

— С того, что он не заговорщик. Правда-правда! Присмотритесь к нему лучше — у вас же одно лицо!

— Это говорит лишь о том, что он изменил внешность ради своего гнусного заговора.

— Да нет же! — едва не разрыдалась я, но больше ничего сказать не успела — в распахнувшие двери вбежали стражники и схватили нас с Гошей. И лишь когда нас потащили из тронного зала, я, спохватившись, выкрикнула: — Скажите, как умерла ваша жена Радомиула?

— Что?! — побагровел король. — Какое тебе дело? Или ты и к этому приложила свои поганые руки?! Казнить ее немедленно! Нет, обоих! Стража, передайте мой приказ палачу!

— Простите ваше величество, — сказал один из стражников, — но у палача сегодня выходной, он ушел на рыбалку.

— Значит, завтра! Да, лучше завтра, я тоже хочу присутствовать, как раз после обеда у меня окно между приемами. — Ромалауша повелительно взмахнул рукой: — А сейчас — в каземат их!

Понимая, что хуже все равно уже не будет, я выкрикнула:

— Ее съел дракон или она утонула?! И где ее мог увидеть маг Лепектон? Ответьте!

Сама не знаю, почему мне стало так важно услышать ответы на эти вопросы. Меня саму завтра казнят, а я беспокоюсь о давно уже мертвой королеве! Но, видимо, в такой вот момент, когда все ненужное осыпается как шелуха, остается лишь самое важное, и моя интуиция, а может, ведьминское чутье это важное сейчас и унюхали. Но король, конечно же, не пожелал со мной разговаривать. Лишь злобно бросил перед тем как захлопнулась дверь:

— Завтра встретишь ее в мире мертвых и спросишь!

Стражники повели нас к выходу из дворца, и один из них шепнул мне на ухо:

— Ее унес дракон, я сам видел, был в охране королевы на том пикнике.

Гоша это тоже услышал и возмутился:

— Зачем вы лжете? Моя мать утонула!

— Твоя пусть хоть кашей подавилась, а королеву схватил и унес дракон! — возмутился стражник. — Мне никто не верит, даже преступники!

— Разговорчики! — рявкнул еще один стражник, видимо, старший в этой команде. — В дорожный патруль разжалую!

— И все равно это был дракон, — себе под нос пробормотал говорливый стражник. Очень тихо, но я услышала. И опять не знаю почему, но я ему поверила.

Нас вывели на задний двор, где посадили в крытую повозку с зарешеченными окнами. Двое стражников пристроились на облучке, трое сели внутрь вместе с нами, и мы поехали. Но путешествие длилось недолго — вскоре лошади остановились, и нас вывели к трехэтажному мрачному зданию, тоже с решетками на окнах. Не нужно было даже обращаться к моему ведьминскому чутью, чтобы понять — это тюрьма.

Там нас встретила внутренняя охрана. Старший привезших нас стражников сказал им:

— Этих двоих — в подвальный каземат! Завтра их после обеда казнят, а до тех пор охраняйте как следует, иначе его величество с вас самих головы снимет.

— Что они натворили? — спросил старший местной команды. — Одеты как нищие... Покушались на казну?

— Бери выше — на корону! Короля хотели скинуть, да мы не дали.

— Ну времена, — покачал головой охранник. — Если босота на трон стала зариться — жди беды.

— Сам ты босота, — буркнула я и кивнула на сурово-печального Гошу: — Это, между прочим, принц.

— А ты принцесса! — заржали все, даже лошади подхватили.

— Нет, но скоро буду, — бросила я мимолетный взгляд на любимого. — А когда-нибудь, может, и вообще королевой.

Стражники вместе с охранниками от смеха посгибались пополам:

— А куда корону нацепишь? Головы-то завтра не станет!

Этого я действительно не учла. Сделалось очень обидно. Между тем дворцовые стражники и тюремные охранники отсмеялись, первые уехали, а вторые заковали нам за спинами руки не в наручники даже, а в широкие железные браслеты, соединенные короткой цепью, и двое тюремщиков повели нас в подвальный полумрак по узкой каменной лестнице с выщербленными ступенями.

Потом нас вели по дышащему могильной сыростью коридору, освещенному колеблющимся светом закрепленных на стенах редких факелов. Тюремщики то и дело открывали и закрывали следом перегораживающие проход решетки, сворачивали в коридорные ответвления, и все это так долго, что я совершенно потерялась — ни за что бы не нашла обратной дороги в этом подземном лабиринте.

В конце концов нас куда-то привели. Как и по всему пути до этого, в темных каменных стенах через каждые метра полтора темнели массивные даже на вид двери с малюсенькими окошечками — только чтобы можно было просунуть миску с похлебкой — на что я, откровенно говоря, очень надеялась. Хотя бы пока на это, потому что до казни были еще целый вечер, ночь и утро, а кушать хотелось уже сейчас, и очень сильно. Вот уж никогда не думала, что накануне собственной смерти буду мечтать о тюремной баланде. Как непредсказуема все-таки жизнь! Почему-то вспомнилась фраза из старого фильма: «Кому и кобыла невеста». Очень даже верно сказано. Кстати, кобылу бы я сейчас, наверное, целиком проглотила.

А потом нас с Гошей ждал приятный сюрприз. Да-да, они и в казематах бывают! Охранники отошли от нас шага на четыре, переглянулись и стали шептаться:

— Каждого в отдельную камеру?

— Да так-то надо бы. Но надо ли? На одну-то ночь.

— Ну да. И посмотреть тогда за двумя придется.

— А если в одну посадим — то за одной только.

— Можем по очереди: ты смотришь, я сплю, а потом поменяемся.

— Ну, давай так. Где тут с двумя лежанками?

— Вот эта. Отпирай!

Раздался звон ключей, лязг замка, скрип несмазанных петель. Один из охранников махнул нам:

— А ну, заходи!

Мы подошли. Перед нами была распахнутая во тьму дверь.

— Свет-то включите, — буркнула я. — В смысле, зажгите.

— А ты что, вышивать собралась? — загоготали тюремщики.

— Завещание писать. Кому из вас платье, а кому шузы оставить.

— Не разговаривай с ними, — процедил мой любимый. — Слишком много чести.

— Они-то тут ни при чем, — вздохнула я и шагнула во мрак последней в моей жизни обители.

Перед тем как нас запереть, наши руки освободили от браслетов с цепями, уже хорошо. Какое-то время мы сидели, обнявшись, в полном молчании — переваривали произошедшее. Затем Гоша сказал:

— Прости, что я тебя в это втянул.

— Никуда ты меня не втягивал, — еще сильнее прижалась я к любимому. — Нам бы все равно никто, кроме короля, не помог. Кто же знал, что он на этой складке не такой, как твой отец.

— Да в общем-то, такой же, — вздохнул мой милый принц. — Просто я привык, что он со мной по-другому общается, а оказалось, что когда я не его сын, а непонятно кто в странном наряде, то и отношение совсем иное. Я его даже понимаю: пришли два оборванца, один из которых говорит, что он где-то там его сын, а другая — вообще ведьма, и требуют перенести их на другую складку, где такого же короля кто-то собирается свергнуть, а то и убить. Вот ты, будь ты в здравом уме, поверила бы, услышав такое?

— Ты хочешь сказать, что сейчас я не в здравом уме? — разжав объятия, обиженно отодвинулась я от Гоши.

— Нет-нет! — нащупав в темноте мои руки, сжал он их в ладонях. — Я не это хотел сказать! Я имел в виду, будь ты на месте здравомыслящего короля.

— Я пол менять не собираюсь, чтобы быть на месте короля, — проворчала я, уже оттаивая. — А на месте королевы в такой ситуации я бы сначала попыталась во всем разобраться, а не рубила бы с плеча... Во всех, кстати, смыслах. Вот за что нам завтра головы отрубят? За то, что мы его же спасти хотели? Пусть не совсем его, но почти ведь. Да если бы даже не его... За попытку спасти чью-то жизнь — жизнью лишат нас. Где логика, где справедливость?

— Я говорил тебе, чтобы ты ничего не боялась, когда я рядом с тобой? — бережно взял в ладони мое лицо любимый. — Так вот, я рядом. Ничего не бойся!

Он приблизил свое лицо, я почувствовала на своем его горячее дыхание, а потом наши губы соприкоснулись, и мы слились в долгом, очень сладком поцелуе. А когда мы оторвались наконец друг от друга, я шепнула:

— Ты рядом, да. И оставшиеся несколько часов своей жизни я ничего не буду бояться. Особенно если ты постараешься меня хорошенько отвлечь.

Сказав это, я почувствовала, что жутко покраснела, и впервые порадовалась окружающей нас темноте.

— Тебе остались не часы, — судя по звуку, вскочил на ноги Гоша. — Ты проживешь еще долгие годы, я хорошо постараюсь!

— Хочешь сказать, эти часы мне покажутся годами? — печально улыбнулась я. — Хвастунишка.

— Нет, я выведу тебя из каземата! Я прекрасно запомнил все повороты, когда нас сюда вели. Если ты сможешь открыть замки и зачаровать охранников, то мы отсюда выберемся!

— Мне лестно, что ты считаешь меня медвежатницей, — хмыкнула я. — Вот только в самом-то деле я не большой спец по взлому замков.

— Я думал, для ведьм это — плевое дело.

— А, ты в этом смысле... Все время забываю, что я ведьма. Хорошо, я потом попробую.

— Когда потом?! — воскликнул Гоша. Но вспомнив, что нас могут услышать, убавил громкость: — Не потом, а прямо сейчас! Зачем терять время?

— Давай сначала дождемся, когда нас покормят, — жалобно сказала я. — Очень хочется кушать. Тебе разве нет?

Словно в ответ на мои слова наши желудки в унисон заурчали.

— Вот видишь, — сглотнула я слюнки. — Давай подождем? Все равно казнь только завтра. А устраивать побег вообще лучше ночью — когда все спят и вообще темно.

— Здесь и без того темно, — проворчал любимый. — Но ты права, поесть не мешало бы, силы нам понадобятся. — И он закричал: — Эй, вы там! Мы хотим есть! Даже приговоренных к смерти нельзя морить голодом! Его величество говорил, что будет присутствовать на казни, я ему на вас пожалуюсь!

— Я тоже! — крикнула я. — И пожалуюсь, и присутствовать буду! И даже участвовать, — добавила тише.

— Ни на кого не надо жаловаться, — послышался из-за двери голос. Не сказать, что сильно испуганный, но и не особо спокойный. — Чего расшумелись? Сейчас вам принесут еду.

Еду и правда вскоре принесли — и даже вполне приличную. Конечно, поговорка о том, что голод — лучший соус, права, но на ужин у нас и в самом деле была не какая-то баланда, а вполне себе наваристый суп — даже с не очень маленькими кусками мяса. И с картошкой. Или что там вместо нее плавало — эта... как ее?... кертука. На второе была жареная рыба. Очень вкусная. Жаль, что одна рыбешка всего. Но мой Гоша поделился со мной половинкой. Хороший мальчик. Не зря я его полюбила.

Я поела и сразу почувствовала себя лучше — во всех смыслах. Даже поверила, что Гоша меня спасет, с моей, разумеется, помощью. Правда, я не была еще уверена, что умею открывать замки, но ведь пока не попробуешь — не узнаешь. И когда охранник забрал у нас через окошечко в двери тарелки, я сказала любимому:

— Сейчас самое время. Пока один относит посуду, я обездвигу второго, и можно будет экспериментировать с замком.

— Ну давай, — сказал Гоша.

И вот тут у меня случилась заминка. Чтобы представить охранника обездвиженным, я должна была его видеть. Можно, конечно, было просто вспомнить его и представить, но беда заключалась в том, что я не знала, который именно из двух охранников остался.

— Придется замораживать обоих, — вздохнула я, вкратце объяснив причину.

— Тогда поспеши! — поторопил меня Гоша. — Будет очень неудачно, если тот, кто ушел, замрет где-нибудь на кухне.

Я закрыла глаза — скорее, по привычке, темней мне от этого все равно не стало — и представила обоих наших охранников замершими. Еще и проговорила для верности:

— Пусть наши тюремщики как можно дольше не сумеют шевельнуться! — и повернулась в Гошину сторону: — Как думаешь, сработало?

— Эй, ты! — крикнул Гоша. — Принеси мне вина!

— Нашел время, — проворчала я. — Может, сначала спасемся, а уже потом будем отмечать?

— Тс-с! — произнес любимый шепотом. — Это проверка.

Мне стало стыдно. Могла бы и сама догадаться, что Гошенька не пьянствовать собрался. И я подключилась:

— А мне сигару!

— Что это такое? — удивился мой принц.

— А что, у вас не курят? — удивилась я. — Какие вы молодцы. Еще бы казни запретили

— они, между прочим, тоже сильно вредят здоровью.

Как бы то ни было, на наши скромные просьбы так никто и не отреагировал. Это могло говорить как о том, что мое колдовство сработало, так и о том, что охранник просто очень крепко заснул. Но поскольку это было все равно никак не проверить, я решила рискнуть и представила, что замок нашей камеры открыт. Раздался металлический щелчок.

— Попробуй открыть дверь, — шепнула я Гоше.

Заскрипели несмазанные дверные петли. Если охранник все-таки спал, то сейчас неминуемо должен был проснуться. Мы замерли и прислушались. Ничего. Тишина, как в погребу. Гоша взял меня за руку и вышел из камеры.

Привыкшие к темноте глаза невольно зажмурились даже от света редких факелов на стенах. Но адаптация прошла быстро, и вскоре я уже смогла увидеть застывшего в нелепой позе охранника — он, видимо, собрался почесать спину. Впрочем, любоваться на это было некогда, нужно было пользоваться моментом, пока за нами не следили. И Гоша, не выпуская моей руки, быстро и уверенно пошел вперед. Мой любимый принц и правда хорошо запомнил все повороты этого подземного лабиринта — вел меня по нему, не задумываясь. Мне лишь оставалось открывать своей ведьминской силой замки встречающихся на пути к спасению решеток.

По моим ощущениям, мы прошли уже около половины, когда услышали далеко впереди топот — кто-то двигался навстречу к нам и похоже, бегом. Сомнений быть не могло — это тюремщики! Видимо, второй охранник успел все же подняться наверх, когда его настигло мое колдовство. А увидев такое, любой бы догадался, что дело нечисто. Зная же, что в подвальный каземат заточили ведьму, легко было сделать вывод, что это ее рук дело. Моих, в смысле. И вот результат — погоня. Или как это можно назвать, когда бегут не следом, а навстречу? Впрочем, нам было не до лингвистических тонкостей. Нужно было или прятаться, или возвращаться назад. Но спрятаться было особо негде — как назло, участок коридора, где мы сейчас шли, не имел ни одного ответвления. Оставалось одно: возвращаться. Пусть и не до самой камеры, но хотя бы до первой отворотки — пусть это был и совсем маленький шанс скрыться от преследователей, но похоже, единственный.

Однако Гоша спросил вдруг:

— А ты можешь и этих тоже обездвигить?

— Я ведь не знаю, как они выглядят, так что и представить их не могу, — ответила я. — Разве что подождать, пока добегут, но тогда может быть уже поздно.

— Тогда бежим назад и свернем в другой коридор, мы не так давно его проходили, — принял решение принц. — Только бежать нужно тихо, чтоб не слышали. Хорошо, что у нас подходящая обувь.

Мы, развернувшись, побежали и шагов через сто увидели уходящий влево отросток коридора — более узкий и освещенный гораздо хуже основного, что было нам только на руку. Правда, мы не знали, как далеко он тянется — спасительное ответвление вполне могло оказаться тупиком. Убегать по нему стало бы тогда смертельной ошибкой. И тут мне пришла в голову идея.

— Давай отбежим по этой ветке совсем чуть-чуть и ляжем, — сказала я. — Когда охранники будут пробегать по главному коридору, я их запомню и смогу «заморозить». А мы

опять рванем к выходу.

Гоша думал недолго.

— Давай так и сделаем, — кивнул он. — Другого пути я не вижу. Но если они тоже свернут...

— Если бы да кабы, то во рту б росли грибы, — не дала договорить ему я.

— От которых язык проглотишь? — вспомнил наш давний разговор любимый.

— В нашем случае могут и голову отрубить с языком вместе.

— Плохая шутка.

— Я искренне порадуюсь, если это окажется шуткой, — не покривила душой я. И сказала: — Пока мы болтаем, нас схватят! Вперед! Забегаем — и ложимся.

Мы залегли шагах в десяти от поворота. Очень хотелось убежать еще дальше, но при таком слабом освещении я бы не смогла рассмотреть тюремщиков как следует, у меня и без того было на каждого не больше секунды. Мы затаили дыхание, но мое сердце колотилось так громко, что я опасалась, как бы преследователи не услышали его стук.

Между тем их громкие шаги приближались. «Бух-бух-бух-бух!» — раздавалось по коридору совсем уже рядом. Я вытаращила глаза, опасаясь моргнуть в самый ответственный момент. И вот первая фигура показалась в проеме. Огромная, совсем как у Пувилона. И даже лицо как у него... А вот и второй тюремщик. Точнее, тюремщица — точь-в-точь Кунтура Грокн! Еще и одета так же: в кожаные юбку и безрукавку с медными накладками.

Странная парочка промчалась, даже не взглянув в нашу сторону. Что ж, отлично! Можно было колдовать, я этих типчиков превосходно запомнила, что было несложно, раз они оказались копиями наших друзей. Но я не успела ничего сделать, как вскочил на ноги Гоша:

— Бежим за ними! Их надо остановить!

— Тюремщиков? — удивилась я.

— Пувилона с Кунтурой!

— Но что бы им здесь делать? — задала я резонный вопрос. — С учетом, что они сейчас в десятках километров отсюда.

— Вот заодно и спросим, — потянул меня за руку принц. — Но это они! Ты что, не видела?

— Я видела двух человек, похожих на наших друзей, — поднялась я на ноги. — Но это никак не могут быть они сами. Думаю, нам лучше бежать в другую сторону, пока есть такая возможность.

— Лава, поверь мне, не может быть такого совпадения, чтобы сразу два охранника были так сильно похожи на двух неординарных людей. Еще и одетых так же. И с такими же прическами. Ты много видела так коротко подстриженных женщин?

— Не сильно много, но видела. Там, у нас, — махнула я рукой.

— А мы сейчас не у вас, — потащил меня за собой Гоша. — Пусть это и не моя складка, но такая же. И я за всю жизнь не видел ни одной женщины с подобной прической. То есть практически без нее.

Не скажу, что я безоговорочно приняла рассуждения любимого за истину, но логика в них безусловно присутствовала. Я решила, что если это все же окажется совпадением, то я успею заколдовать коварных двойников. И вырвав руку из Гошиной, припустила вслед за ними. Принц тут же догнал меня, а вот убежавших гигантов мы догнали лишь, когда те выламывали встретившуюся на пути решетку.

— Помочь? — спросила я.

— Да, Лава, хорошо бы, — обернулся Пувилон. — Крепкая, зараза.

Разумеется, я ничего подобного делать не стала. Сложила на груди руки и с улыбкой стала наблюдать, как пыжится, выгибая железные прутья, наш великан. Теперь-то уже и я не сомневалась, что это именно он — у настоящих тюремщиков были бы ключи.

Гигантская невеста Пува первой сообразила, что к чему, и уставившись на меня, отпустила решетку.

— Кунтуша, помогай, чего ты? — посмотрел на нее великан. — Нам же надо скорей их спасти, — кивнул он на нас с принцем. И лишь после этого, ойкнув, перестал заниматься глупостями.

— Вы как тут очутились? — спросила я.

— Так вся столица гудит — только и разговоров, что взяли вражеского лазутчика, которому помогала страшная ведьма, и которые сломали королевский трон и украли корону.

— Страшная?! — возмутилась я. — Это тем, кто распускает такие слухи, головы рубить надо. Или хотя бы языки.

— А трон-то вы зачем ломали? — спросил лодочник. — Так вы себя сразу и выдали.

— Не говори глупостей, — проворчала я. — Если бы мы ломали, то сделали бы это незаметно.

— И корону бы незаметно украли? С головы его величества?

— Да ничего мы не ломали и не крали! — топнула я. — И давайте побежим уже к выходу, пока настоящие охранники не очнулись.

— А! Так это и правда ты заморозила того, что застыл у входа в подвал? — воскликнул Пув. — Я так и подумал, потому мы сюда и ринулись.

Теперь вроде бы все прояснилось, но что-то мне все равно не давало покоя... Ах да, почему Пувилон с Кунтурой так быстро вернулись, и где в таком случае Галя с Болтуном? Последнее, как самое важное, я первым делом и спросила.

— Ты же сама велела ее высочеству вернуться на другой день к ужину, — вступила в разговор Кунтура. — Вот они с укрунтилом заночевали, еще денек с нами побыли, а к вечеру и переместились назад.

— Но это же будет только завтра! — выкрикнули мы с Гошей дуэтом.

— Это было позавчера, — нахмурился Пув. — Наверное, в каземате время быстро летит, вот ты и запуталась.

— В казематах оно наоборот тянется, — с видом профессионала возразила Кунтура.

— Стоп-стоп-стоп! — подняла я руки. — Ни в чем я не путалась. И в каземате мы побыли недолго, только покушать и успели. Так что давайте-ка разберемся.

— А может, давайте сначала выберемся? — сказал Гоша. — Разбираться в чем-либо удобней с головой на плечах.

Какой все-таки умный мой любимый! И не теряет голову в трудных ситуациях. В переносном, я имею в виду, смысле. В прямом-то завтра еще как потеряет, если мы и правда срочно отсюда не выберемся.

Возражать никто не стал, и мы побежали к выходу. К огромному счастью, успели еще до того, как разморозился тюремщик у входа. Кстати, тут нам тоже повезло: мое обездвиживающее колдовство сработало именно в тот момент, когда охранник только-только вышел из дверного проема. Посмотришь издали — стоит кто-то, охраняет вход, все в порядке. А замер бы он посреди тюремного двора? Тут бы нам с Гошенькой и крышка.

Впрочем, крышка могла наступить в любой момент, пока мы не удалились от тюрьмы как можно дальше. Но как удалиться, если нас точно увидят? Два великана и два чудика в шутовских одеждах — отличная маскировка, нечего сказать! И тут я вспомнила, как сделала невидимыми нас с Галей и ежиком. Что мне мешало повторить этот опыт? Да, действует колдовство не очень долго, но достаточно для того, чтобы удрать подальше.

— Внимание! — сказала я. — Сейчас я превращу всех нас в невидимок. Не пугайтесь, когда исчезнут все остальные, а также пропадут и ваши руки-ноги. Это не навсегда, уверяю вас. И на самом деле ничего никуда не исчезнет. Я уже так делала — и как видите, со мной все в порядке.

— Мы поняли, — увидев, как закивали великаны, сказал Гоша. — Колдуй скорей, пока нас не схватили!

И тут разморозился охранник. Он выпучил при виде нас глаза и разинул рот.

— Его тоже заколдуй, — увидел это принц.

Долго меня просить не надо — я заколдовала. Невидимыми сделались и мы, и тюремщик. И он-то как раз завопил:

— А-а!!! Заключенные сбежали! Заключенные пропали! А-а!!! Я тоже пропал! Но я не сбежал! Сюда! Все сюда! Ловите беглецов!

Ну, пусть ловят — флаг им, как говорится, в руки. Вот только нам и в самом деле пора было убежать. Жаль, мы не договорились, куда побежим, заранее. Теперь это услышит и охранник... Нужно было немедленно вспомнить такое место, о котором знал каждый из нас, и упомянуть его иносказательно. К огромной радости, я его вспомнила! И сказала:

— Бежим туда, где Пув влюбился!

— В тебя? — уточнил лодочник.

— Что?! — воскликнула Кунтура.

— В нее, — быстро ответила я. — Побежали!

Я очень надеялась, что все меня поняли, и побегут к главным городским воротам — причем, выйдут из них на другую сторону. А уж там добежим до ближайших кустов, и можно опять становиться видимыми. Но я все-таки нащупала для верности Гошину руку и не отпускала ее до тех пор, пока городская стена не осталась за нашими спинами. Топот шагов Пувилона с невестой говорили о том, что и они все поняли верно.

И лишь оказавшись в кустах, я расколдовала всех нас. Кунтура выглядела очень сердитой.

— Объяснись, — пронзила она грозным взглядом жениха. — В кого это ты еще влюбился?

— В Лаву, — ответил честный лодочник. — Но еще до тебя. Давно-давно! И совсем чуть-чуть.

— Подтверждаю, — кивнула я. — Он меня любил всего лишь как козявочку в носу. А вот насчет давно-давно... Давайте-ка вернемся к разговору об этом.

— Пусть сначала скажет, что только меня любит, — продолжала пыхтеть великанша.

И Пувилон, прижав руки к сердцу, вдохновенно продекламировал:

— Я люблю тебя одну!

Почему не веришь, ну?

Если я бы не любил,

В гости б к маме не водил.

Мама нам сказала «да»,

Значит, все не ерунда.

Я тебя одну люблю

И простить меня молю!

— Ну хорошо, — оттаяла Кунтура, — прощаю.

А я, наоборот, нахмурилась:

— Вы все же побывали у мамы Пувилона? Но когда успели? И объясните нормально, где сейчас принцесса и еж? О каком позавчера шла речь, если вы только сегодня переместились в деревню?

— Да почему сегодня-то? — уставилась на меня влюбленная парочка. — Мы тогда и переместились.

— Когда тогда?

— Когда лгун Лапутун сбежал, — стал объяснять Пув. — А мы все стояли возле пещеры. И я хотел к маме. И принцесса тоже захотела. И укрунтил.

— И я, — подсказала Кунтура.

— Это и было сегодня! — замахала я руками и добавила, взглянув на предзакатное небо: — Но скоро будет вчера.

— Подожди-ка, Лавушка, — ласково произнес Гоша, и я расцвела от такого обращения, раньше он меня так не называл.

— Жду-жду, мой хороший. Что случилось?

— Когда я переместился к тебе, ты ведь тоже сказала, что прошло много времени, а для меня всего миг пролетел. Может, и сейчас так? Скажите, — повернулся он к великанам, — как долго вы гостили у мамы?

— Гостили недолго, — вздохнул Пувилон, — больше лодку строили. Вся деревня помогала, а все равно без малого три дня ушло. Потом день почтиплыли.

— Три дня?! — воскликнула я. — А Галя с Болтуном?

— Тоже помогали строить. Ну, как помогали? Стояли и не мешали.

— Так сейчас-то они где?!

— Я уже говорила, — вновь вступила в разговор привратница, — сюда вернулись. Они первый день по деревне ходили, ее высочество с сельским бытом знакомилась и непосредственно с самими сельчанами. Между прочим, людям принцесса понравилась, сказали, что такую королеву хотят. Потом они заночевали у нашей мамы, укрунтил, правда, всем спать не давал, за печкой тараканов ловил. На другой день они нам с лодкой помогали, а к вечеру отправились домой. Позавчера это было.

— Для них позавчера, — пробормотала я, жалобно глянув на принца, — для нас завтра, а на самом деле когда? Что тут происходит с временем, Гошенька? Я очень боюсь за Галю и ежичка!

Пувилон не зря был поэтом, он умел представить непредставимое. После того, что он сказал, я зауважала его еще сильнее — очень-очень сильно! А сказал он, когда все замолчали, пытаясь осмыслить мои слова, следующее:

— Если в деревне позавчера, а тут завтра, то сегодня где-то посередке, — и сам же себя поправил: — Не, посередке было бы, если там вчера. А так выходит, сегодня сюда ближе.

— Пещера Лапутуна, — пробормотала я почти наугад, но уже зная, что права. Не в смысле, что там реально запряталось абстрактное «сегодня», а уверенная, что причина кроется там. Точнее, что виновник этого безобразия — непонятный маг с тройным именем.

Кунтура попыталась поспорить, что от пещеры до деревни расстояние больше, чем до столицы, не в два раза, а как бы не в десять, но я замотала головой:

— Это условности. Важен сам факт: время на этой складке сломано. И сломал его Лапутун. Хорошо, Липустин, — закивала я, видя, что Гоша хочет возразить. — Или Лепектон, не суть как его зовут на самом деле, не удивлюсь, если он вообще какой-нибудь Лопатин.

Сказала и сама испугалась: а вдруг он и правда из нашей складки? Да ну, не может быть! Откуда у нас магии? «А откуда у нас ведьмы?» — мысленно спросила у себя же, и решила, что невозможного с этим Лопатиным быть ничего не может.

— Ты, наверное, права, — подумав, сказал мой любимый. — Не зря он жил тут именно в пещере, а не в самой столице. Если это и правда он сделал что-то с временем, то жить в месте с неправильным временем было бы для него неудобно, а то и опасно. Вот он и выбрал эту пещеру в стороне от городов и сделал так, чтобы время в ней всегда текло нормально.

— Зачем ему это было надо?! — воскликнула я.

— Хотел, чтоб скорее, — сказал Пувилон.

— Скорее — что?

— Что-нибудь. Кертука скорее созрела, или деревце выросло.

Я уставилась на лодочника, чувствуя, что он сказал сейчас что-то очень важное. Но что? Какие у меня могли возникнуть ассоциации — пусть и на уровне подсознания? Выросло деревцо... Посадить дерево, вырастить сына... Чтобы кертука созрела... Чтобы сын созрел?..

И вот тогда меня наконец торкнуло: не сын, а дочь! И не просто дочь, а дочь короля — принцесса Пиктигаула. Ведь она сама мне говорила, что этот гад Лепектон впаривал ей, что женился бы, будь она старше. И собирался подождать семь лет. Но зачем ждать, если можно сделать время на этой складке пошустрее, а самому подождать в изолированной пещере. Или вообще на другой складке. Или... на Луне... Да нет, это у меня уже фантазия разыгралась!

И я высказала свою догадку остальным. Сначала мои спутники посмотрели на меня, как на спятившую. Потом рассудительный лодочник попытался разрушить мою теорию логичным, казалось бы, доводом:

— Ежели бы время тут быстрее побежало, а мы бы тут и были, то ничего бы не заметили. Это как в лодке на реке — если течением несет, и ты на воду сморишь, то вода как бы и не движется, ведь и лодка с такой же скоростью плывет. И пусть река станет хоть быстрее, хоть медленней, но и лодка будет плыть так же. А тут мы видим, что где-то быстро, где-то медленно. В деревне позавчера, тут завтра.

— Наверное, маг еще просто не умеет обращаться с временем, — сказала я. — Он еще

только экспериментирует, вот пока и получается не так, как хотелось бы.

— Я, кажется, кое-что понял, — очень тихо произнес резко побледневший Гоша.

Мы синхронно повернули к нему головы. Мой любимый принц увидел, что мы ждем продолжения, и сказал:

— Когда со временем у него стала получаться ерунда, маг испугался, что дальше оно вообще может пойти на этой складке вразнос, и решил оставить эту Пиктигаулу в покое — зачем ему становится королем в таком опасном месте?

— Королем?! — ахнули мы разом.

— А кем же еще? Если он женится на принцессе, а действующий король умрет, то престол достанется Пиктигауле. А там можно и уболтать женушку, что править страной не женское дело, что он возьмет на себя эту тяжкую ношу, а когда она согласится, то уговорить и в закон поправку внести, после чего стать уже не просто мужем королевы, а законным монархом.

— Не уболтал бы он здешнюю Пиктигаулу — где сел, там бы и слез, — усмехнулась я. — Она сама уболтает, кого ей будет надо. Вот уж кому и правда на роду написано быть королевой.

— Может быть, и это он тоже понял, — не поддержал моей веселости Гоша. — И тогда переключился... на мою сестру.

— Но ведь твоя сестра не наследница престола! — возразила я, но тут до меня дошло, что хотел сказать любимый, потому лишь ойкнула и заткнулась.

А принц, хоть и видел, что я догадалась, пояснил свою мысль остальным:

— Липустин потому и натравил на меня акутуру, чтобы уничтожить и тем самым отдать право наследования престола той, моей Пиктигауле. Придется, конечно, семь лет подождать, зато как раз будет время как следует втереться в доверие и к ней, и к королю. К нашему с ней отцу, в смысле. Но раз уж так вышло, что я застрял на этой складке, да еще и время тут стало перепутанным, то он решил, что меня даже и убивать теперь не надо.

— Это еще неизвестно, что он решил, — буркнула я. — Этот хитро... головной гад мог придумать для тебя что-нибудь еще интересненькое. Например, дал понять здешнему королю, что к тому может прийти самозванец, которого нужно непременно казнить.

— Когда бы он успел?

— Долго ли, умеючи? Мы ведь не знаем, куда он переместился из пещеры! Может, как раз в королевский дворец с докладом: ваше величество, мне было видение, к вам направляются пингвин с пингвинихой... в смысле, с крачкой, и они раздолбят клювами ваш трон и стырят корону.

— А еще и акутура не пойми где, — многозначительным тоном изрек Пувилон. — Я ведь в деревне-то всех порасспрашивал, не видел никто такой девахи. Да и вообще чужих не встречали. Так что она, может, уже тут где-то прячется.

Мы невольно стали озираться, но Гоша помотал головой:

— Акутура — не человек, это вызванная магом сущность. Она не может так долго находиться в мире людей без магической подпитки. И раз никто ее у вас не видел, то скорее всего, просто уже распалась.

— Эта распалась — он другую вызовет, — сказала я. — Или еще кого. Дракона, к примеру, найдет. Не зря же Галю обещал на Луну свозить на драконе...

Я опять поймала себя на том, что сказала нечто такое, что может быть не пустым звуком. Не в смысле того, что на Гошу и правда нападет дракон — хотя пуркуа бы и не па —

а вообще... Дракон, дракон... Где-то совсем недавно кто-то что-то про него говорил. Или мне еще «наш» не забылся, которого ежик подбил?

Но вспомнив про Галю, я вскоре стала думать уже только о ней. И не просто думать, а сильно тревожиться. Где же они все-таки с Болтуном? Неужто и впрямь их поглотила пучина взбесившегося времени? Я озвучила свою тревогу. Мой любимый тряхнул головой:

— Если они должны появиться здесь завтра, то не стоит накручивать себя раньше времени. Другое дело, если не появятся...

— Вот сейчас ты точно меня успокоил, — засопела я. — Спасибо, любимый.

— Так ведь он дело сказал, — заступилась за принца Кунтура. — Теперь даже я смекнула, что к чему.

— Дело-то дело, — проворчала я. — Но, во-первых, как мы завтра узнаем, что они появились, если нам путь в столицу закрыт, а во-вторых, до завтра еще надо дожить, я ведь с ума сойду! Вот где они сейчас, в эту самую минуту?

— Дык, это, — почесал в затылке Пувилон. — Выходит, что нигде. То бишь никогда.

Это звучало жутковато. Да что там, это ужасно звучало! Как это нигде? Как это никогда? А вдруг они там и останутся? Но поделаться сейчас мы все равно ничего не могли — оставалось лишь ждать. И тут возник новый вопрос: а где? В город нам было не вернуться, а сидеть всю ночь в кустах мне тоже совсем не хотелось.

Между тем уже начинался закат. Нужно было что-то решать, причем срочно. И я не смогла ничего лучше придумать, как:

— Давайте вернемся к пещере. Это и укрытие, и время там, скорее всего правильное.

— Только не пешком! — сказал Пувилон.

— Ну давайте полетим, — хмыкнула я. — Кто умеет?

— Лучше поплывем, — помотал головой лодочник.

— Ах, да, — вспомнила я, что говорили великаны. — У вас же новая лодка где-то рядом?

— Вон там, — ткнула Кунтура в сторону реки, что было чрезвычайно логично, я могла и не спрашивать. — Ее так и так здесь нельзя оставлять, украдут.

Говоря откровенно, когда мы подошли к реке — в том самом месте, где Болтун устроил спуск, завалив старую лодку, — я сильно засомневалась, что кто-то сумел бы украсть новое судно, потому что оно полностью было вытащено на берег, сил у наших влюбленных на это хватило. К тому же новая лодка была раза в два больше старой и, соответственно, тяжелее — человеку обычной комплекции, даже двоим, вряд ли удалось бы столкнуть ее на воду.

Я приготовилась к тому, что снова придется пачкаться в глине, но увидела, что спуск к реке тщательно выложен ветками кустарника — чувствовалась любящая порядок женская рука, и я бросила благодарный взгляд на Кунтуру. Та в ответ лишь кивнула: не за что, мол.

Потом великаны потащили лодку к воде — даже им пришлось для этого приложить заметные усилия. Когда судно закачалось на речной волне, мы все забрались в него, и Пувилон с Кунтурой сели за весла. У новой лодки уключин было не две, а четыре — попарно на каждом борту. Если грести собрался бы один человек, то он вставил бы весла в парные уключины возле своей скамьи, как это было, к примеру, на прежней лодке. Теперь же великаны сели на разные скамьи, и воткнули по веслу каждый в те уключины, что были с ними рядом, но на противоположных, разумеется, бортах. Таким образом сила гребли увеличивалась вдвое, что было очень кстати, ведь на сей раз плыть было нужно против течения, и гребцы не мешали друг другу — на одной доске им, конечно же, пришлось бы

тесно. Зато мы с Гошей превосходно устроились на еще одной скамье и обнялись — вечером на реке было довольно свежо. Да мы бы, думаю, и при жаре обнялись, тоже ведь любили друг друга.

Наши великаны сделали по паре гребков, развернули лодку в нужную сторону, и вскоре она набрала такую скорость, что я даже удивилась — думала, мы будем ползти еле-еле, течение все-таки было довольно сильным. Под скрип уключин и плеск весел, я, пригревшись рядом с любимым, стала подремывать. Возможно, даже заснула, потому что мне показалось, что не прошло и пяти минут, как дно лодки зашуршало о прибрежный песок.

А потом большие влюбленные преподнесли нам еще один сюрприз. Оказывается, когда они отправлялись из деревни назад, мама Пувилона дала им с собой столько еды, что за всю дорогу великаны не съели, если верить их словам, и четвертой части. Остальное так и лежало в двух мешках в закрытой дощатым настилом носу лодки. В одном мешке дожидались своих едоков три копченые курочки, копченая и вяленая рыба, и много кертуки. В другом была выпечка: пирожки и два каравая хлеба, а еще похожие на яблоки и груши фрукты — тоже очень много. Я шумно сглотнула и едва не бросилась в пляс при виде такого богатства, хватит и перед сном перекусить, и утром позавтракать. Правда, я не знала appetитов Пува и Кунтуры, вероятно, они у них тоже были великанскими, но все-таки я надеялась, что как минимум на ужин и нам с Гошей что-нибудь останется. Великаны взяли каждый по мешку, и в их огромных лапищах те сразу стали казаться чем-то совсем незначительным, на один зуб. В данном случае, на два. Не на зуба, конечно, а рта.

К пещере мы подошли уже почти в полной темноте. Зашли в келью мага и поняли, что вчетвером нам будет здесь тесно.

— Мы поспим на свежем воздухе! — дуэтом выдали великаны.

— Да ну, — нахмурилась я. — Где вы там будете спать?

— В кустиках, — быстро ответил Пувилон.

Кунтура тоненько хихикнула. Я впервые услышала ее смех, и даже не сразу поняла, что этот писк издала она. Поскольку я снова наколдовала, чтобы стены пещеры светились, мне удалось разглядеть, как густо покраснели влюбленные. Стало ясно, как они собрались спать в этих кустиках. Ну что ж, дело, как говорится, молодое. И великаны не стали ждать, я лишь успела сказать:

— Поешьте хоть!

— Некогда, — отмахнулся уже от выхода Пув.

— Потом, — сделала то же Кунтура.

— Возьмите что-нибудь с собой! — крикнула я, но меня уже никто из них не слышал.

Напрасно я опасалась за еду — у влюбленных оказались appetиты несколько иного направления.

Тут я подумала вдруг, что ведь и мы с Гошей влюбленные. И кроме как покушать, нам с ним тоже хотелось кое-чего другого. А поскольку мы остались на ночь вдвоем... Мой любимый, судя по заблестевшему взгляду, подумал о том же.

Гоша медленно приблизился ко мне, провел рукой по моим волосам, опустил ладонь ниже, еще ниже... Не помню, как я оказалась без платья. Успела заметить лишь, что серое с коричневыми ромбами покрывало мага, только что бывшее Гошиной одеждой, вновь оказалось на своем законном месте — на дощатой лежанке. А потом и мы с любимым там же.

Гошенька оказался хоть и очень горячим, но совсем неумелым, что меня ничуть не расстроило. Наоборот, мне страшно было бы представить его в чьих-то, помимо моих, объятиях. Хоть и говорят иногда: «Мне не важно, с кем ты был до меня», я так ни говорить, ни даже думать не собиралась. Я не хотела ни с кем делить моего любимого ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. А уж эта ночь была совершенно точно только нашей.

Мой милый принц целовал меня так, словно умирал от жажды в знойной пустыне, а я оказалась прохладным родником на пути. Его губы были такими сладкими, руки такими нежными, что я растаяла вмиг — словно мороженое в той же самой пустыне. Я тоже дала волю рукам: гладила сначала его мягкий пушистый гребень, потом твердые рельефные мышцы, потом... Потом я утонула в жарком море блаженства, которое пенилось волнами страсти и затягивало в пучину чувственного наслаждения. Мне не хотелось выныривать из этого моря никогда. Короче говоря, ужинать нам тоже оказалось некогда.

Ночью мне приснился странный сон: я летела на драконе. При этом мне совсем не было страшно, наоборот, от этого полета захватывало дух, я чувствовала себя свободной и сильной... Точнее, чувствовал, потому что во сне я была мужчиной. И даже не Гошей, что еще как-то было бы объяснимо, но нет, это был кто-то другой, я могла в этом поклясться, хоть и не видела, конечно же, лица. Но стоило мне попробовать порыться в «собственных» мыслях, как сон тут же прервался. То есть, он как бы продолжился, но теперь я — это была действительно я, а дракон обернулась Гошей. Я по-прежнему сидела на нем и... ой, уже не летела! То есть летела, но совсем в другом смысле. Скажем так, к вершинам любви и блаженства. Но и тут мне не дали как следует насладиться полетом — на сей раз помешал мой желудок. Он так громко заурчал, что я проснулась. Ну да, энергии — как физической, так и эмоциональной — я потратила много, а перед этим не поужинала. Вообще, конечно, у меня в этом мире аппетит стал поистине зверским, свежий воздух, что ли, так действовал? Ну да, он же тут не загрязнен автомобилями и промышленными выбросами.

Впрочем, наутро и у остальных прорезался такой аппетит, что мы слопали почти все запасы, кроме двух местных яблок — лилового цвета, и одной груши — оранжевой в зеленую крапинку. Выглядели что Гоша, что Пув с Кунтурой, одинаково — счастливыми, с улыбками до ушей. Я тоже чувствовала счастье, но тревога за Галю и Болтуна не позволяла улыбаться в полную силу. И я спросила у остальных:

— Так что мы все-таки будем делать? В столицу нам с Гошей нельзя, да и Пувилона с Кунтурой наверняка запомнил разморозившийся охранник.

— Ну и пусть запомнил, — возразил Пув. — Может, мы тоже вас ловили, а потом ты сделала всех невидимыми, но мы за вами по голосам и топоту погнались, да не догнали.

— А что, в казематы вы спускались незаметно? — недоверчиво спросила я.

— Если бы нас заметили, то сразу бы за нами туда бросились, — привела логичный аргумент Кунтура.

— И что ты предлагаешь? — пристально взглянула я на нее.

— Чтобы я вернулась в столицу и пошла на службу. А там уже все разузнала насчет ее высочества и рассказала вам.

— Это что же, мне еще день или сколько-то ждать? — испугалась я. — Нет, я не выдержу. Давай тогда ты в столицу вернешься, но на службу пока не пойдешь, а просто все разузнаешь, выйдешь за городские ворота и расскажешь нам.

— То есть мы сейчас поплывем назад? — уточнил Гоша.

— А какие еще варианты? Сесть на берегу реки и ждать, когда мимо проплывет труп

врага?

— И он проплывет?! — ахнул Пувилон.

— Если ты ему поможешь туда упасть, проплывет точно, — хмыкнула я. — А вообще это просто такая древняя мудрость, то ли китайская, то ли японская, а может, кто-то и потом сочинил. Ой, вы же не знаете про Китай... И про Японию тоже.

— А кто наш враг? — нахмурился Гоша.

— Да я же просто пошутила, — отмахнулась я. — Хотя... Не знаю, насколько лгун Лапутун нам враг, но то, что не друг — это точно.

Сказала, и отчетливо вдруг поняла, кем я была, летая во сне на драконе. Да, я каким-то образом очутилась в подсознании бывшего жильца этой пещеры. От этой сработавшей подобно холодному душу мысли я даже вскочила.

— Ты чего? — посмотрел на меня любимый.

— Я... ничего... погоди... — забормотала я, пытаюсь поймать еще одну мысль, которая мельтешила по закоулкам сознания, но ухватить которую пока не удавалось.

Я снова села на покрытую серой накидкой дощатую лежанку и вспомнила, что когда в прошлый раз проверяла ведьминским чутьем пещеру, именно от нее почувствовала остаточную магию. А еще я тогда неизвестно откуда узнала и кое-что еще о нашем странном маге. Может, это как-то связано? Ура! Я ухватила за хвост убегающую мысль! Лапутун провел много ночей на этих досках, и они, а также камень рядом с ними, могли впитать вместе с магией снов и сами сновидения, хотя бы их обрывки. И я попросила друзей:

— Пожалуйста, оставьте меня одну ненадолго.

Наверное, на моем лице было что-то слишком явно написано, потому что возражать или даже переспрашивать никто не стал — все молча вышли из пещеры. А я растянулась на лежанке, закрыла глаза и шепнула сама себе:

— Ты — ведьма. Включи свою силу и впитай сны и мысли того, кто спал здесь раньше!

Сначала ничего не происходило. Но потом я будто снова заснула, хотя и продолжала ощущать спиной твердость досок. И я увидела женское лицо. Очень красивое и... очень знакомое. Ну да, это было лицо принцессы Пиктигаулы, только уже взрослой, хотя еще и вполне молодой. На ее голове красовалась корона, но странная, полупрозрачная, словно из дымчатого хрусталя. Принцесса что-то говорила, властно сдвинув брови, но звуков в этом полусне-полувидении не было, так что я не понимала, о чем идет речь. Подумала лишь, что если увидела Галю взрослой, значит, с ней все в порядке, она жива. Впрочем, я ведь была теперь не только собой, и тот, кому предназначались слова принцессы, их понял. Да, это был маг, которого мы знали под тремя разными именами. Он кивнул, повернулся и... Видение скакнуло, и я снова летела на спине большого дракона. Вокруг сияли многочисленные, очень яркие звезды, а впереди... Сердце меня-Лавы забилося, затрепетало от увиденного, но и сердце меня-мага дрогнуло от восторга: перед нашим общим взором по черно-звездному покрывалу космоса проплывала Земля! Но нет, это была не та планета, фотографии которой я много раз видела, карту которой узнала бы с первого взгляда. Эта тоже была голубой, с белыми разводами облаком, зелеными островами лесов и желтыми пятнами пустынь. Вот только очертания океанов и материков отличались от знакомых мне с детства. Я оглянулась и снова мысленно ахнула. Позади висела еще одна планета, но вовсе не безжизненная, выщербленная кратерами Луна, которую я помнила из прежней реальности. Вокруг этой отчетливо виднелась дымка атмосферы, а ее поверхность была отнюдь не однотонно серой, а играла красками, в которых, правда, преобладал коричневый цвет. Но были видны и синие

разливы морей, и зеленые вкрапления растительности. Это была живая, обитаемая Луна! Именно с нее я и летела на драконе на Землю. На эту Землю, совсем не похожую на ту, что осталась в моей складке. Но что это? Земля, то есть ее здешнее подобие, раздвоилась вдруг передо мной. Мне захотелось протереть глаза, но сделать это в чужом видении было, конечно же, невозможно. Между тем вместо одной планеты я на самом деле видела теперь две — обе совершенно одинаковые, но обе словно не вполне реальные, похожие на полупрозрачные изображения, сквозь которые просвечивали особенно яркие звезды. И тогда летящий всадник направил дракона на ту, что была слева. А потом... Я испугалась, что умерла, потому что погасло все — и планеты, и звезды, и само сознание — как мое собственное, так и то, в чье я без спроса вторглась. Я даже перестала ощущать жесткие доски лежанки, перестала чувствовать вообще все. Как долго это длилось, я не знала, потому что времени там тоже не было. А затем перед глазами заблестела вода. Я летела над большой рекой, которую видела уже не из космоса, а всего лишь с высоты птичьего полета.

Я глубоко вдохнула — то ли от восторга, то ли от невольной радости, что все еще жива, — и пришла в себя. Я лежала на жестких досках в тесной пещере и снова была сама собой. И теперь мне предстояло осмыслить, что же я увидела.

Я справедливо решила, что нужно рассказать об увиденном и прочувствованном остальным. Все-таки одна голова — хорошо, а четыре — вообще замечательно. С учетом, что голова моего любимого принца стоила двух, а то и трех как минимум, получался вообще настоящий консилиум. И если честно, еще я хотела поделиться всем, потому что мне от этих видений стало неуютно и страшно. Разве что успокоилась тем, что Галя жива. Но и то, почему я ее увидела взрослой?

Находиться в пещере мне тоже больше не хотелось. Я вышла наружу и отозвала друзей на травянистую зеленую полянку между кустами.

— Я сейчас вам кое-что расскажу. Уверена, что это не бред и не галлюцинации, хоть и очень похоже. Пожалуйста, выслушайте не перебивая, иначе собьюсь и чего-нибудь упущу. Ну а потом устроим мозговой штурм.

— Это как? — поинтересовался Пувилон. — Будем бодаться, стукаться лбами? Можно, я Кунтуру бить не буду? И вам не дам.

— Будем стукаться мозгами, — улыбнулась я. — Но не друг с другом, а по тем фактам, что я расскажу. Вообще мозговой штурм — это когда команда единомышленников, решая какую-то задачу, набрасывает различные варианты решения, не особо задумываясь поначалу, насколько они реальные — просто все высказывают то, что приходит в голову. А уже потом, сообщая, из кучи идей выбираются наиболее логичные.

— Что приходит в голову? — обрадовался Пув. — Это я могу.

— Тогда слушайте.

И я рассказала, как была магом Лепектоном-Липустином, как видела взрослую Галю, как летела на драконе и все остальное. Когда я закончила, первым высказался Пув.

— Вот! — обрадовался он. — Я же говорил, что драконы живут на Луне, а ты не верила!

— Ну и как же они перелетают через космос? — спросила я, но тут же и задумалась. В моем видении мы сначала летели по лунному воздуху, правда, очень высоко, а потом для меня все погасло, а когда очнулась — летела уже над здешней рекой. То есть, получается...

— Твой дракон переместился через этот кускус, — выдала Кунтура.

— Через космос, — поправила я. Но идея великанши-привратницы мне понравилась, я как раз и сама подходила к той же идее.

— А почему я увидела две Земли?

— Потому что два больше одного! — тут же выкрикнул Пув, но поймав наши недоуменные взгляды, смутился: — Ты же сказала, что приходит в голову. Вот мне и пришло.

— Все правильно, так и нужно, спасибо тебе, — сказала я и выдала свою догадку: — О! Потому что две складки?

— Тогда и Луны было бы две, — сказал Гоша. — Но ты же видела позади себя одну?

— Одну, — кивнула я. И у меня сразу вырвалось: — А почему их должно быть две? Ты считаешь, что в каждой складке — целая уникальная Вселенная? Ну а если нет? Если в складках только Земли, а Луна и весь остальной космос — едины для всех?

— Не сходится, — помотал головой любимый. — Тогда бы ты видела не две Земли, а целую пачку. И потом, на вашей-то складке Луна совсем другая.

— Значит, складки как-то группируются. Например, наиболее похожие друг с другом,

но космос у них один. И я видела глазами мага твой мир и Галин.

— Тогда можно и не быть магом, чтобы переместиться на вторую складку, — глубокомысленно заявил Пувилон. — Нужно просто слетать на драконе на Луну, а вернуться уже туда.

— Ага, — кивнула я, хмыкнув. — Элементарно, Ватсон! Всего лишь слетать на драконе на Луну, фигня какая.

Но покрутив эту идею и так, и эдак, мы пришли к единодушному выводу: у этого мира и у Гошиного — одна и та же луна. И получается, что наш маг-обманщик и в самом деле зачем-то летал туда на драконе. А еще для чего-то баловался в этом мире с временем. Хотя мы еще раньше решили, что он хотел, чтобы Галя повзрослела в этом мире быстрее, чтобы скорее на ней жениться. Но у него не вышло, и тогда... Стоп! Мне стало плохо. Я почувствовала, как зашумело в ушах и перед глазами замелькали мушки. Галя!.. Маг хотел, чтобы она повзрослела — раз. Здесь она куда-то пропала — два. Я видела ее взрослой в видении — три! Так что же это, у него все-таки получилось, и он унес ее на драконе на Луну, как когда-то и обещал?!

Опасаясь, что и впрямь упаду от этой мысли в обморок, я выпалила все это вслух. И сквозь звон в ушах слышала Гошино:

— Лава, что с тобой? Ты так побледнела... Но ты сделала сейчас неправильный вывод. Это не может быть Пиктигаула. Ведь ты увидела старые сны Липустина, а тогда принцесса была еще точно здесь.

Я с шумом выдохнула. И правда! Какой все-таки умный мой Гоша. Хороший из него получится король. Но я вернулась к текущим задачам, и озвучила новый вопрос:

— Но если это была не Галя, то кто? Может, если это был всего лишь сон, Лапутун... или как его там на самом деле... просто увидел ее взрослой, потому что мечтал об этом?

— Может быть. Хотя вряд ли. Думаю, вымысел не задержался бы тут долго, или ты увидела бы его бледным, размытым. Но ты же видела ее четко?

— Да вот как тебя. У нее еще была интересная полупрозрачная корона из дымчатого хрусталя или чего-то подобного.

— Вот видишь, — кивнул принц, — такие подробности вряд ли задержались бы с остаточной магией. Но почему ты решила, что это была Пиктигаула, ведь ты не знаешь, как она будет выглядеть через годы?

— Да потому что эта женщина была очень на нее похожа!

— Ну, знаешь, моя сестра и на меня похожа. Хотя я больше все-таки похож на отца, а Пиктигаула на маму...

Гоша проговорил это и замолчал. Я открыла было рот, да тоже так с ним, открытым, и зависла. И в наступившей тишине слова Кунтуры прозвучали неестественно громко, словно великанша их не произнесла, а высекла в камне:

— Так значит, наша королева теперь на Луне?

Мы сразу очухались, причем я закивала, а мой принц, наоборот, замотал головой:

— Но нет же, нет! Как бы она там очутилась? Тем более, она утонула, я ведь рассказывал!

— Ее унес дракон, — проговорила я. — И унес на Луну. Вероятно, по приказу этого гада Лапутуна.

— Мама утонула, — упрямо повторил Гоша. — Во всяком случае, дракона не было точно, я там был, и его бы не просмотрел.

— Так ведь то твоя мама утонула, — негромко и словно стесняясь, произнес Пувилон. — А нашу королеву унес на Луну дракон.

— А то как бы они там сразу две-то? — словно извиняясь за слова жениха, добавила Кунтура.

— Ого... — пробормотала я, осененная новой идеей. — Может, твоя мама потому и пропала, что эта королева очутилась на Луне? Может... они объединились в единое целое?

— Если мама на Луне, это горестно вдвойне, — продекламировал Пув, и тут же смутился: — Простите.

После долгих споров, догадок и предположений у нас получилась в итоге версия, больше похожая на фэнтезийный роман, а то и вовсе на сказку. Мы это понимали, но по крайней мере придуманная история хоть как-то объясняла происходящее и связывала между собой обрывки информации, полученные, увы, зачастую из весьма недостоверных источников, как, например, легенды о том, что драконы живут на Луне. И — да, этот факт лег в основу нашей истории. Для себя я мысленно оформила ее как раз в виде небольшой сказочки, которую назвала «Лунный маг». Вот что у меня вышло...

Лунный маг

На Луне, которая освещала по ночам сразу две Земли из разных складок, жили драконы. А еще там жил лунный маг, который любил придумывать себе разные имена, но все они должны были начинаться с буквы «Л», как сама Луна: Лапутун, Лепектон, Липустин. Будем называть его Лунатик, чтобы не запутаться.

Хоть Луна и освещала сразу две Земли, с самой Луны та казалась одной планетой, потому что Луна как раз и связывала обе складки. Но до поры об этом никто не знал, даже сам маг Лунатик. Зато он очень любил летать на драконах, и облетел на них всю Луну. А когда неизведанных мест на той не осталось, ему стало скучно. И тогда он подумал: «А не полететь ли мне на Землю?» Но лететь на другую планету наугад было опасно: а вдруг там живут злые голодные чудовища, или такие сильные маги, от коварных чар которых не спасет его собственная магия? И тогда маг велел своему самому сильному и умному дракону слетать на Землю и принести оттуда на Луну разумное существо, чтобы узнать потом у него, как обстоят дела на той планете.

Дракон взлетел над Луной высоко-высоко, и когда воздух стал уже настолько разреженным, что крылья почти не держали, он увидел вместо одной Земли сразу две. Дракон нацелился на одну из них и что есть сил замахал крыльями. И вот, полагая уже, что до Земли долететь не получится, он словно провалился в пустую темноту. Но драконы храбрые существа, поэтому он даже не успел испугаться, и уже через несколько мгновений снова увидел свет. Только летел он уже не над Луной, а над Землей. Внизу среди зелени лесов и лугов серебрилась река. Дракон снизился и вскоре увидел на берегу небольшую группу существ, очень похожих на лунных жителей. Он решил схватить и принести магу Лунатику одного из них. Как раз один из людей Земли, одетый в красивое платье, отделился от общей группы и подошел к самой воде. Дракон сложил крылья и стрелой ринулся вниз, а над самой рекой расправил их и понесся к намеченной цели над самой речной гладью, так что кроме одного охранника его никто не заметил. А он между тем быстро, но аккуратно подхватил земного человека, который оказался красивой женщиной, и пролетев низко над рекой еще немного, взмыл свечой вверх.

Когда дракон с похищенной поднялся высоко-высоко над Землей, так что воздух едва удерживал его крылья, он на несколько мгновений очутился в темной пустоте, как это было

и при полете с Луны, только теперь мгновенный скачок через космическое пространство перенес его на родную планету. Оглянувшись, он снова увидел только одну Землю, как это было и раньше.

Дракон хоть и умное существо, но все-таки не настолько, чтобы рассуждать и делать выводы. Да и кто мог тогда знать, что Луна связывала собой две земные складки? Не мог дракон знать и того, что схватил не простого человека, а королеву Радомиулу Энатакор, мать принцессы Пиктигаулы, день рождения которой и отмечали на речном берегу. Но самым неожиданным стало то, что связывающая две складки Луна связала и оказавшуюся в поле ее тяготения — как гравитационного, так и магического — похищенную королеву с ее оставшимся на Земле из другой складки двойником, который словно исчез там для всех. Дракон в тот самый миг почувствовал, как женщина в его лапах судорожно дернулась и едва не выпала. Сжав ее чуточку крепче, он поспешил к магу Лунатику.

Лунатик, узнав, кого принес дракон, был поначалу обескуражен, но когда несчастная королева рассказала ему о ситуации на Земле, понял: ничто не мешает ему совершить туда свое путешествие, о котором он так мечтал. И даже не одно, поскольку Радомиула Энатакор поведала ему о положении дел сразу на двух Землях! Ведь в ее прекрасной голове помещались теперь сознания сразу двух ипостасей, у одной из которых дома остались дочь Пиктигаула и сын Пиктигоуша, а у второй только дочь. Сначала королева стала просить Лунатика вернуть ее на Землю, но когда осознала, что тогда придется выбирать лишь какую-то одну из двух складок, решила выждать. А потом, освоившись на Луне, поняла, что ей нравится жить на этой планете, где было много интересного и пока еще ею неизведанного. Местным жителям она тоже понравилась, и они в знак признательности, узнав о том, кем она была на Земле, подарили ей красивую корону из дымчатого лунного хрусталя.

Между тем маг Лунатик затеял недоброе. Узнав, что сразу на двух Землях осталась дочь королевы, он решил жениться на какой-нибудь из них, чтобы стать королем большой земной страны, а потом, собрав большое войско, замахнуться и на лунный трон. Дальше он даже боялся загадывать, ведь по сути он мог тогда собрать уже лунное войско и захватить всю Землю целиком. Король Земли и Луны — звучало очень здорово! И может быть, получилось бы после этого завоевать и Землю на второй складке. Тогда величественнее, чем он, вообще бы никого уже не было.

Но для начала следовало решить, с какой складки начать. Обе принцессы были слишком юными, чтобы жениться на любой из них, но одна из них еще и не являлась наследницей престола. Однако дальновидный Лунатик на всякий случай решил пристроиться поближе к принцессе и там, и там. На складке, где наследником был принц Пиктигоуша, удалось даже стать придворным магом. Зато на другой складке ему дозволили обучать саму принцессу. И Лунатик решил, что нужно более тщательно прорабатывать этот, не имеющий помехи в виде принца вариант.

Вот только самонадеянному магу не хватило терпения ждать целых семь лет до совершеннолетия Пиктигаулы, и он решил с помощью магии ускорить на той складке время. Увы, его магических способностей на это не хватило, он лишь сломал там ход времени, чего и сам испугался. Становиться на той складке королем он уже не хотел. И тогда он решил убрать с другой складки Пиктигоушу, уничтожить его, но так, чтобы никто не мог заподозрить в этом самого мага. Выход придумался быстро: акутура. С помощью этой смертоносной сущности удалось выгнать принца с родной складки, но убить его акутура не смогла. Впрочем, принца угораздило влюбиться в пришлицу совсем уж из далекой складки,

которую акутура забросила в складку со сломанным временем. И Пиктигоуша — вот радость-то! — сам прыгнул туда же. И поскольку магии для перемещения у него уже не осталось, принц оказался хоть и в объятиях любимой, но в ловушке без выхода.

А маг Лунатик, расхохотавшись им в лицо, отправился покорять сердце оставшейся без брата принцессы. Тут и сказке конец. Грустный и печальный.

Конечно же, я рассказала эту сказку друзьям. И хоть мы уже оговаривали все, что легло в ее сюжет, в обобщенном и олитературенном виде это прозвучало куда более правдоподобно. Во всяком случае теперь грустными и печальными стали все, особенно Гоша. Хотя он, пожалуй, больше все-таки злым, чем печальным.

— Я убью его! — взмахнул мой любимый руками. — Этот мерзкий Лунатик другой участи не заслуживает. Мне срочно нужно домой, моя сестра в опасности!

— Гошенька, милый, — обняла его я, — ты же видишь, как все обернулось. Сейчас все равно никак не попасть домой, ни к тебе, ни ко мне, так что не терзай себя понапрасну. Тем более у нас сейчас есть более насущная проблема. То есть более к нам на этот момент близкая. Меня очень беспокоит судьба твоей здешней сестры... Да, понимаю, Галя тебе, по сути, не сестра, но ведь она практически тот же человек, что и твоя Пиктигаула.

— Кем бы она ни была, — вставила свое слово Кунтура, — она человек, и это главное. К тому же ребенок. И моя будущая королева. Ее надо спасать, если она в беде. Или узнать, что не в беде, и успокоиться. Давайте уже поплывем в город!

— Мне нужно домой, — заупрямился вдруг принц.

Говоря откровенно, мне это не очень понравилось. Мало того, что ведет себя как маленький, так еще и дает понять, что на здешнюю Пиктигаулу ему наплевать. Может, я, конечно, и преувеличивала, но со стороны казалось именно так. И похоже, именно так подумали и Пувилон с Кунтурой. Особенно последняя, которая, живя в столице, больше своего жениха пропиталась духом патриотизма.

— Ну и шагай, кто тебя держит? — сверкнула она на Гошу сердитым взглядом. — Лава, ты с нами? Тогда идем к лодке!

Великанша схватила за руку Пува с явным намерением немедленно отправиться в обратный путь. А Гоша даже не шевельнулся. Да что же это за наказание на мою голову? Вот уж упрямая семейка! Для правителей, наверное, это полезное качество, а для меня как-то не очень.

— Подождите! — крикнула я великанам. — Давайте не будем пороть горячку. Сейчас во всем разберемся. — И я повернулась к любимому: — Гоша, ну ты чего? Я понимаю, что тебе хочется домой, что ты переживаешь за сестру, за отца, за судьбу королевства. Но как бы сильно ты ни хотел туда попасть, одного желания мало, ты и сам это знаешь. Магии у тебя нет, магов поблизости тоже, поэтому давай сначала решим проблему со здешней принцессой, а потом уже подумаем, как быть дальше. Между прочим, Галя тоже не пустое место, она может что-то посоветовать, а возможно, и помочь. А еще... Ты прости, но и Болтун для меня много значит. Вот так взять и бросить его на произвол судьбы я не могу. Поэтому очень тебя прошу: поехали!

— Я не маленький, чтобы меня уговаривать, — словно прочел мои недавние мысли Гоша. — И я все понимаю про здешнюю принцессу и Болтуна. Но они с огромной вероятностью в порядке, и скоро окажутся в столице. А моя сестра — тоже с огромной вероятностью — совсем не в порядке. Она в большой опасности! Твоя сказка хороша, но это все равно лишь только сказка. Никто из нас не знает, что на самом деле на уме у Лунатика.

Может, ему плевать на Землю и на земную корону. Может, ему нужна только Пиктигаула. И чтобы не ждать семь лет, он просто утащит ее на Луну, да и все. Если уже не утащил.

— Это вряд ли, — замотала я головой. — Ты просто себя накрутил. Ну не логично же захотеть утащить ее на Луну именно теперь! Почему он не сделал этого раньше, когда у него было полно возможностей? Здешнюю принцессу он вообще перемещал наедине — никто бы не помешал посадить ее на дракона — и ту-ту на Воркуту. На Луну, в смысле. А тебя на той складке зачем тогда было акутурой травить? Нет, дорогой мой, тут все дело в наследовании принцессой престола. Так что твоя сестра пока что в безопасности. С огромной, как ты говоришь, вероятностью.

— А ты говоришь, что логично и что нелогично. Но откуда мы знаем о логике лунных магов и вообще о том, как устроены мозги у жителей Луны? Или, может, он сразу не потащил принцессу к себе, потому что выбирал, какая из них лучше?

— Снова ошибка! — перебила я принца. — Какую бы он ни потащил, лунное притяжение слило бы обеих принцесс в одну.

— Это в твоей сказке слило бы! Как по мне — это полная ерунда. Я не верю, что моя мама сейчас на Луне, да еще слитая в одно целое с другой королевой.

— Ерунда?! — вспыхнула я. — Может, и я ерунда, если рассказала эту сказку? Может, мы все ерунда, если путем логических, кстати, рассуждений пришли к такому выводу? Но тогда и ты ерунда.

— Лично я про маму никаких выводов не делал, — проворчал Гоша. — И никто из нас не ерунда, я этого не говорил...

— Ладно! — сердито топнула я. — Пусть ты не веришь про лунное слияние, пусть опасаясь за сестру — это я прекрасно понимаю даже безо всяких сказок, — но ты все равно не можешь сейчас переместиться к себе, так о чем мы вообще спорим?

— Меня может переместить Липустин... Ну, Лунатик.

— Гошенька! — схватилась я за голову. — Ты здоров? — Если честно, я на самом деле испугалась за душевное здоровье любимого. — Где ты здесь видишь Лунатика? Он же сейчас, скорее всего, как раз на твоей складке! Ой, прости...

— Не извиняйся, — притянула вдруг меня к себе и обнял мой принц. — Это я должен перед тобой... перед всеми вами извиниться. Да, я в самом деле больше всего сейчас переживаю о сестре. Но я не сошел с ума от этого беспокойства. Просто единственная сейчас для меня возможность перемещения — с помощью умеющего это делать мага. Они есть в столице, но путь туда для меня закрыт. Остается только лунный маг.

— Которого, во-первых, здесь нет, и который, во-вторых, хотел от тебя избавиться, а не возвращать домой.

— Смотря для чего возвращать, — подозрительно спокойно сказал Гоша.

— Ну и для чего же? — чувствуя, как по коже побежали мурашки, спросила я.

— Чтобы я отрекся от права наследования престола в пользу моей сестры.

— И ты еще говоришь, что не сошел с ума?! — ахнула я.

— Надо его связать — и тащить в лодку, — шепнул Пув невесте, но от волнения переборщил с громкостью, его услышали все.

— Не надо меня вязать, я все равно не поплыву, — скривился в горькой ухмылке Гоша. — И с ума я тоже не сошел. Я не собираюсь отрекаться от права престолонаследования. Но это единственный повод, ради которого Липустин может согласиться меня вернуть — живого и невредимого.

— Называй его лучше Лунатиком, — сказала я. А потом замотала головой: — Ну хорошо, допустим, он клюнет на эту приманку. Правда, я не понимаю, что ты собираешься делать потом... Но даже это сейчас не главный вопрос. Больше всего меня интересует, как ты скажешь это Лунатику, если его здесь нет?

— Ты его позовешь, — опять же очень спокойно произнес мой любимый.

Мы уставились на принца с немым вопросом во взглядах. Да, это был один и тот же вопрос: «Парень, ты что, и правда спятил?» Правда, я еще и сильно испугалась за моего Гошеньку. Теперь я была уже почти уверена, что его психика не выдержала переживаний — за сестру, за отца, теперь еще, наверное, и за мать, и я очень надеялась, что за меня тоже. Вероятно, еще все-таки и за здешнюю принцессу. А последней каплей, может быть, и вовсе стал ежик. У моего любимого было доброе и сострадательное сердце, я это знала.

Но Гоша, прочитав наш безмолвный вопрос, ответил на него почти дословной цитатой из «Ивана Васильевича»:

— А что вы так на меня смотрите?.. На мне узоров нету, и цветы не растут.

Я прокашлялась и выдавила:

— Как, по-твоему, я должна его позвать? Заорать погромче, так, чтобы на твоей складке услышали?

— Ты же ведьма.

Хоть это, в общем-то, было частичной правдой, я почему-то обиделась:

— То есть ты предлагаешь мне сесть на метлу и слетать за Лунатиком?

— Просто поколдуй, — спокойно ответил принц.

— Просто! — воскликнула я. — Если это так для тебя просто, может, сам и поколдуешь?

— Я не умею. И чувствуя, что ты хочешь сказать, что тоже не умеешь колдовством вызывать магов, скажу: хотя бы попробуй. Это бывшее пристанище Лунатика, и ты говоришь, что здесь остались следы его магии, так может, это послужит ниточкой для связи с ним? Пожалуйста, Лава, попробайся это сделать. Если не выйдет двусторонней связи, тогда все равно передай, что Пиктигоуша ждет его в пещере с важным сообщением.

— Только уж не один Пиктигоуша ждет, — ворчливо откликнулась я, — а...

— Вот именно, что один, — прервал меня Гоша. — В этом и есть смысл. Я сдаюсь, капитулирую. Но если маг почувствует, что здесь не только я, подумает, что это ловушка.

— Он же знает, что ты не умеешь врать! — вспомнила я. — Между прочим, как ты сможешь сказать, что отказываешься от престолонаследования? Это ведь тоже обман.

— Это военная хитрость, — помотал головой принц. — Врать и дезинформировать врага — это разные вещи. Будь по-другому, короли бы сменялись чаще, чем времена года. И думаю, ты не станешь спорить, что Лунатик враг, и что он ведет сейчас тайную войну?

Спорить с этим я, конечно, не стала, а вот насчет того, чтобы оставить Гошу в пещере одного, соглашаться не хотела. Но пока решила не заострять на этом внимания и сказала:

— Ну хорошо, я попробую. Но никаких гарантий дать не могу. Отойдите на всякий случай от пещеры подальше, мало ли что я нечаянно наколдую.

— Так может, мы поплывем пока в город? — подхватился Пувилон.

Но Гоша, оказывается, все уже предусмотрел.

— Нет, — сказал он. — Подождите Лаву, поплывете с ней вместе.

— Вот уж... — возмущенно начала я, но любимый жестко меня оборвал:

— Да! Никаких возражений! На тебе сейчас — здешняя принцесса и еж. А я, когда закончу дела на моей складке, вернусь за тобой.

— А если... — сглотнула я, не в силах закончить страшную фразу.

— Тогда подумайте с Пиктигаулой, как вернуть тебя и Болтуна домой. Пусть попробует убедить отца, что ты не замышляла ничего против него. Или пусть напрямую обратится к придворному магу и пообещает за твое перемещение награду и привилегии в будущем, когда она станет королевой. Пиктигаула умная и настырная, она что-нибудь придумает.

— Да уж, настырности у нее не отнять, — согласилась я. — Как и ума, впрочем.

А потом я подумала, что все эти разговоры — лишь пустая трата времени, все равно ничего у меня не получится. Лучше и правда скорее попробовать да идти к реке. И я снова сказала:

— Отойдите все от пещеры.

Дождавшись, пока великаны с моим принцем отступили на пару десятков шагов, я вернулась в пещеру и опустилась на лежанку, где было больше всего остаточной магии. Как обычно при колдовстве, я закрыла глаза и попыталась настроиться на магические волны Лунатика. Сначала они появились перед моим мысленным взором в виде узких клубящихся полосок дыма. Я попыталась схватиться за них, но мои воображаемые пальцы прошли насквозь, как через настоящий дым. Тогда я представила, что они превращаются в осязаемые, хоть и все равно очень тонкие паутинки. Теперь я смогла ухватить их, но опасаясь порвать, не стала за них тянуть, а стала аккуратно собирать в пучок. И лишь когда ощутила в ладони уже что-то подобное швейной нити, осторожно потянула за нее, и, почувствовав где-то там, на другом ее неведомом конце сопротивление, отчетливо произнесла:

— Лунный маг!.. Не знаю, как тебя на самом деле зовут: Лепектон, Лапутун, Липустин... в общем, ты понял. Ты меня сейчас слышишь? Ау!

Я подождала, прислушиваясь, но в ответ не раздалось даже шепота. Хотя мне и показалось, что воображаемая нить в моей руке чуть сильнее натянулась. И я продолжила:

— Его высочество принц Пиктигоуша велел передать, что у него для тебя важное сообщение. Он будет ждать в твоей пещере. И не бойся, он будет один.

Насчет «не бойся», я, наверно, ляпнула зря, но вот не смогла удержаться. И выждав после своей речи минут пять, но так ничего и не дождавшись, я вышла из пещеры и дословно рассказала о моих «переговорах» друзьям.

— Спасибо, — сказал на это Гоша. — А теперь поскорей уходите.

— Ты уверен? — на всякий случай уточнила я, хотя была практически убеждена, что любимый прождет напрасно, а потому не очень за него и боялась. Даже мое ведьминское чутье ничего на сей раз не подсказывало, что еще больше убедило меня в том, что Лунатик ничего не услышал.

— Уверен, — кивнул принц. — Все, вам пора. Удачи!

— Взаимно, — сказала я, а потом крепко обняла его и поцеловала.

До реки мы дошли быстро — причем возглавила наш маленький отряд Кунтура, которая шагала столь целеустремленно и размашисто, что мне иногда даже приходилось бежать. Но я этому только радовалась, приятно было видеть, что привратница всерьез переживает за Галю. Можно, конечно, было предположить, что она преследует корыстные цели, ведь принцесса обещала сделать ее помощницей начальника охраны, но я была уверена, что Кунтура просто волнуется за девочку.

Лодку великаны сдернули с берега на воду в один присест, мы забрались в нее, расселись по местам и отправились к столице. Хоть теперь мы и плыли по течению, но Пувилон с Кунтурой все равно гребли, так что лодка неслась по реке, словно птица по небу.

Весла и правда были очень похожи на крылья, особенно в движении: взлет-размах-шлепок-гребок, взлет-размах-шлепок-гребок... Из-за этого шлепанья, скрипа уключин и громкого, ритмичного дыхания гребцов, я не сразу расслышала, что вдалеке кто-то кричит. Мне даже показалось, что прозвучало: «Стойте!» Первой мыслью было: это Гоша! Он понял, что маг не появится, и бросился нас догонять.

— Поднимите весла! — воскликнула я. — Не гребите! Кто-то нас зовет!

Пувилон с Кунтурой послушно замерли и затаили дыхание. И я снова услышала отдаленные выкрики: «Стойте! Погодите!» Но это был не голос моего любимого принца. Хотя расстояние вполне могло его исказить.

— Пристаньте, пожалуйста, к берегу, — попросила я великанов. — Мне кажется, это кричат нам.

— Тогда нужно, наоборот, подналечь на весла, — нахмурился Пув. — Вряд ли нас останавливают, чтобы сказать что-нибудь хорошее.

— А если это Гоша? — спросила я.

— Это не он, — продолжала напряженно вслушиваться Кунтура. — Это городская стража. Я узнала голоса.

Да, теперь и я слышала, что это был не один голос, а несколько. Но еще мне стало понятно, что кричат не нам — голоса удалялись в противоположную сторону. Стражники гнались за кем-то, кто направлялся к скалам. Или... к пещере?.. Но кто это мог быть? Неужели маг Лунатик? Точно! Он все-таки услышал мой призыв и отправился на встречу с принцем. Вот только почему не переместился сразу к пещере? Зачем было появляться в столице и привлекать внимание стражи?

И тут я подумала, что это могло быть той самой военной хитростью, к которой прибегал порой и мой любимый. Лунатик мог появиться даже не в самом городе, а возле него. Причем поскольку он сильный маг, наверняка мог принять и чужой облик. К примеру, как раз Гошин. Затем он сознательно попался на глаза привратникам, сделал вид, что прячется, а те, узнав беглого преступника, описание которого наверняка уже было доведено до всех, срочно вызвали стражников. И теперь Лунатик вел за собой преследователей точнехонько к пещере, где находился настоящий принц. Которого стражники, конечно же, схватят. А потом вернут в столицу, где его уже дожидается палач. Так лунный маг чужими руками избавится от мешающего его грязным планам принца. Моего любимого принца! Славного, милого Гошеньки!

Вот уж нет, не бывать этому! Я должна его предупредить. И я закричала Пувилону с Кунтурой:

— Гребите назад! Как можно быстрее!

Но потом я подумала, что пока мы плывем, пока я добегу от берега до скал, уйдет слишком много времени. Быстрее получится, если сразу помчусь к пещере. Даже если не буду успевать, заору во все горло, чтобы принц убежал, — пусть хватают меня, ради любимого я готова была пожертвовать собой.

— Пристаньте к берегу! — завопила я растерявшимся от моей непоследовательности великанам. — Пув! Я прошу! Пристань, ради мамы!

Пувилон хоть и не мог понять, при чем тут его мама, но рассчитала я верно — это сработало. Вскоре лодка ткнулась носом в прибрежный песок, и одновременно с этим из нее выпрыгнула я. И уже взбиралась на кручу — к счастью, обрыв здесь был невысоким, — когда великаны очухались.

— Ты куда?! — закричали они. — Тебя схватят!

— И пусть, — пыхтя и цепляясь за траву, вскарабкалась я на берег. — Но Гошу я им не отдам!

А в следующий миг крики впереди послышались снова. Но теперь они звучали странно, словно вопило сразу несколько человек. И они уже не призывали остановиться, а были, скорее, испуганными и сумбурными. Я ничего не смогла разобрать, кроме «ой!», «ай!» и подобных возгласов.

— Там что-то происходит! — обернулась я к великанам, но те уже и сами это услышали и теперь вытаскивали на берег лодку с явным намерением последовать за мной.

Разумеется, мы не поперли напролом, а побежали, пригнувшись, чуть правее криков. А когда те зазвучали совсем близко, хотя я по-прежнему не видела самих охранников, шепнула Пуву с Кунтурой:

— Ложитесь в траву и ждите. Я стану невидимой и схожу на разведку.

— Сделай и нас тоже невидимыми, — сказала Кунтура. — Не хватало еще валяться, когда ты будешь рисковать!

Говоря откровенно, мне было очень приятно такое услышать. Разумеется, мне и самой очень хотелось, чтобы великаны в трудный момент были рядом. Но я не считала себя вправе просить их снова идти на риск. И когда это предложила сама привратница, а Пувилон в поддержку ее слов активно закивал, я вздохнула с облегчением.

Наколдовав всем троим невидимость, я опять двинулась в сторону голосов. И примерно через сотню шагов увидела впереди не очень длинный, метров тридцати, но очень прямой ров, словно его прочертили в земле по огромной линейке. Подойдя к нему вплотную, я увидела, что ров не особенно узкий, как казалось издалека, — метра три между его краями было точно, а когда заглянула вниз, выяснила, что он и не сильно мелкий — земляные стенки уходили отвесно вниз как минимум на три человеческих роста. Внизу блестела вода. А из нее торчали головы троих стражников — одного я даже узнала, это был тот, который, не полностью обездвиженный моим колдовством, гнался за нами с Гошей в столице. Теперь бедолаги размахивали руками, поднимая мутную волну, и вопили:

— Спасите! Помогите! Тонем!!!

Моим первым желанием было наколдовать лестницу или хотя бы веревку, чтобы помочь несчастным, но я быстро поняла, что на самом деле никто не тонет, вода доходила стражникам только по грудь, и я отложила спасательную операцию, решив сначала разобраться, за кем эта тройца гналась и каким образом угодила в загадочный ров, не увидеть который мог бы только слепой. Вряд ли людей с проблемами зрения набирали в службу охраны, значит, дело тут было в чем-то другом. Или в ком. Я тут же вспомнила свою версию о том, что стражников заманивал за собой лунный маг, который наверняка мог намагичить подобный ров, но тут сразу возникал вопрос: зачем ему понадобилось останавливать погоню, если цель была совершенно в другом?

Тогда я повернулась в ту сторону, куда бежали стражники, надеясь увидеть Лунатика, но увидела там... принцессу Пиктигаулу!

Она стояла метрах в пятидесяти от рва, и весь ее вид говорил о том, что случившееся удивило и ее. Я подбежала и протянула к ней руки:

— Галчонок, миленький! Как я за тебя переживала!

Принцесса отпрянула и так побледнела, словно увидела привидение. Точнее, как раз не увидела — теперь и я осознала глупость своего поступка. Но и Галя, узнав мой голос, уже

обо всем догадалась.

— Лава? — забегали ее глаза, пытаясь увидеть невидимое. — Так это ты сделала?

— Нет, — послышалось из травы.

Я наклонилась. Возле ног принцессы сидел Болтун.

— Вот кто это сделал! — рассмеявшись, подхватила я его на руки и чмокнула в черный носик. Со стороны наверняка показалось, что ежик взлетел и завис в воздухе.

— Да, — подтвердил еж, вцепившись коготками в мои невидимые ладони — вероятно, ему тоже было неудобно ощущать себя в подвешенном состоянии. Я опустила его на землю и спросила у Гали: — А вы-то как здесь очутились? Я думала, только к вечеру в столицу прибудете.

— Вечером чего? — неожиданно рассердилась принцесса. — Вчера, сегодня или завтра? Что тут вообще происходит? Меня не было дома больше суток, а когда вернулась, оказалось, что еще и прошлый день не кончился. Я бы не сразу и догадалась, но когда убирала пружку, увидела, что та совсем свеженькая. Осторожно стала расспрашивать прислугу и поняла, что в столице не кончился прошлый день! А еще, что вас с Пиктигоушей собирались казнить за покушение на папу, но вы удрали. Ведь это неправда, что вы на него покушались?

— Конечно, неправда, — успокоила я девочку и вкратце рассказала, что с нами случилось, не сказав пока, правда, о том, где сейчас Гоша и почему.

— Вот, — закивала та. — Я так и поняла, что вы скрываетесь в пещере мага Лепектона. И подумала, что если все дни почему-то перемешались, то вы там можете сидеть уже давно и переживать за нас с Болтуном, а в город не идете, потому что вас сразу схватят.

— И тогда ты решила пойти сюда сама, — закончила я за нее.

— Ну да. Хотела сразу, но прислуга как назло ходила по пятам. Пришлось лечь спать. Хотела удрать ночью, но слишком крепко заснула. Проснулась — прислуга опять тут как тут! И только после завтрака, когда всегда хожу гулять, удалось остаться одной — сказала, хочу переодеться для прогулки, чтоб никто не подглядывал. А Болтуна я прятала под кроватью. Вот, схватила его и помчалась. Но сильно спешила и не смогла незаметно проскользнуть за ворота, поэтому за нами и погнались стражники.

— Но ты же умеешь перемещаться! — воскликнула я.

— У меня почти закончилась такая магия, — вздохнула принцесса. — Все-таки перемещать не только себя, но и очень больших людей — это трудно, ее много расходуется.

— Прости, — сказал где-то рядом Пувилон, и Галины глазки снова забегали:

— Ой, Пув тоже здесь? Здравствуй! А Кунтура с тобой?

— Я здесь, ваше высочество, — раздался и голос привратницы. — Добрый день!

— А Пиктигоуша?

— Гоша остался в пещере, — ответила я. — Он ждет... э-э... Нет, сначала ты дорасскажи свою историю.

— Так я уже почти все рассказала. Магии на перемещение в хрундюке почти не осталось, а идти к магу и просить его наполнить — это же не так просто. Маг папин, он почти всегда занят, пришлось бы ждать — может, и полдня, — а еще он мог бы что-то заподозрить. Вот я и решила, что пешком будет быстрее. Ну и правда получилось быстро — пришлось бежать от стражников. Хотя они все-таки бегают быстрее меня. То есть, они дольше не устают — сначала-то я от них далеко удрала. Но они все настигали нас и настигали, и наверное, все-таки догнали бы, но Болтун вдруг растопырил иголки — я даже

чуть-чуть укололась, — а потом стражники стали кричать и куда-то пропали. Что хоть с ними? Они живы?

— Живы, — усмехнулась я. — Принимают грязевые ванны. Болтун добрый, он им не навредил — вырыл яму, но сделал так, чтобы упав в нее, никто не ушибся. И я даже не знаю, что теперь с этими стражниками делать: если помочь им выбраться, то они нас арестуют. Думаю, лучше их пока не трогать.

— Пока? — насупилась Галя. — А что ты вообще собираешься сейчас делать? И что все-таки с Пиктигоушей?

Я стала рассказывать концовку нашей истории. Про свои лунные сны и видения я девочке тоже поведала, а вот про догадки насчет ее мамы умолчала — ни к чему вселять в ребенка неоправданные надежды. О планах Лунатика насчет самой Пиктигаулы я тоже не стала говорить, слишком уж те были грязными для ушей восьмилетней девочки, и опять же, являлись пока лишь догадками. Но зато я рассказала о том, что неполадки с временем, скорее всего, дело рук лунного мага. И то, что я позвала его для встречи с Гошей, который придумал военную хитрость.

Галя выслушала меня, не перебивая. Долго молчала и после, задумчиво нахмутив лоб. А потом в очередной раз подтвердила, что не зря является наследницей престола — даже в восемь лет она сумела сделать выводы, до которых и мы, взрослые, додумались не сразу.

— Лунатик — хорошее имя, — сказала она сначала. А потом добавила: — Зато сам он оказался плохим — мечтает жениться на мне, чтобы стать потом королем. Теперь понятно, почему дни перепутались, маг хотел, чтобы скорей наступило то завтра, когда я вырасту. Но у него не получилось, и он улетел на Луну... Нет! Он переместился на ту складку, где есть другая я. Поэтому он и акутуру для Пиктигоуши вызвал — чтобы тот не мог защитить сестру. А теперь, говоришь, принц сидит в пещере и ждет Лунатика?

— Ну да, — кивнула я. — Только вряд ли дождетя. Позвать-то я его позвала, но мне кажется, что это глупости, ничего Лунатик не услышал.

— А я думаю, что услышал. Я его знаю, он очень умный, хоть и оказался плохим. Не мог он просто так про вас с Пиктигоушей забыть — ведь вы для него все равно опасность, пусть теперь и далекая. Может, он даже как-то видит с помощью магии, где вы теперь.

— Магический маячок? — подхватила я Галину мысль.

— Может быть, — пожалала та плечами. — Но когда ты по следам его магии направила послание, он точно должен был услышать. Вот только ни за что не поверит никакой военной хитрости. Больше он не станет рисковать и просто убьет Пиктигоушу.

— Что?! — ахнула я. — Ты уверена? Почему же не убил сразу, когда мы все пришли к пещере?

— Наверное, постеснялся это делать при мне. А еще подумал, что принц смирится. Ведь ты была с ним, и вы не могли никуда переместиться, вот и поженились бы тут и жили долго и счастливо, как обычные люди... Ой! Тебя снова стало видно, и ты почему-то красная. Потому что я сказала про вашу женитьбу? Но вы ведь и правда любите друг друга, я хоть и не очень взрослая, но понимаю.

— Допустим, — сказала я, отметив, что и правда вновь стала видеть свои руки и ноги. А также стоявших поблизости Пувилона с Акутурой. И у меня вырвалось: — Но принц не захотел как обычные люди...

— Да, — кивнула умная девочка. — Потому что он принц. Из рода Энатакоров, хоть и других. Он хочет защитить свою сестру. И я должна ему помочь, ведь он почти и мой брат.

Пиктигаула произнесла это так, что у меня тут же возникло нехорошее предчувствие.

— Галя, ты что задумала? — спросила я, приготовившись схватить принцессу, словно та собралась улететь.

Конечно же, улететь бы она не сумела. Но все-таки, почуяв, видимо, мои инстинктивные намерения, отступила на пару шагов. И сказала обыденным, будничным тоном, чем и отвлекла меня от непонятных опасений:

— Да ничего особенного. Но ведь магу нужна я, правильно? Вот я к нему и пойду. А Пиктигоуша пусть возвращается к тебе.

Я облегченно выдохнула. Ага, пойдет она, как же! Благородное, конечно, намерение, но пусть меня снова посчитают бунтаркой, только я не позволю принцессе его осуществить. Так я во всяком случае подумала. Но особам королевских кровей зачастую вовсе нет дела до наших дум и хотелок.

Так было и на этот раз. Обернувшись на миг к скалам, Галя сказала — скорее не мне, а себе:

— Тут совсем близко, оставшейся магии хватит. — А в следующее мгновение она исчезла.

Я схватилась за голову. Своевольная девчонка меня снова обдурила! Но что теперь делать? Бежать к пещере? Плыть на лодке? Все равно, если Лунатик уже там, мне не успеть! Галя совершила глупость, понадеявшись на справедливость взрослых. А взрослые чаще всего несправедливые, они коварные и хитрые. И делают в основном то, что хочется им самим, а не детям. Тем более не своим. Особенно если взрослый — это злобный лунный маг, нацеленный на мировое господство. Даже на трехмировое, если, конечно, я не приписываю ему излишние амбиции. Что вряд ли, такому паразюке и этого покажется мало! Ну а сейчас он заберет Галю и убьет Гошу. Теперь уж точно убьет, можно в этом не сомневаться. И зачем я только послушалась своего упрямого принца? Вот уж действительно семейка — что папа, что брат, что сестра — все друг друга стоят. Пусть даже брат и сестра таковыми здесь не являются. Все равно — упрямые, настырные и вредные. Причем вредные для самих же себя. Вот прям опасные для собственных здоровья и жизни — и Минздрава с его предупреждениями не надо!

Но и стоять на месте, мысленно причитая, было тоже глупо. Я огляделась по сторонам. Пувилон и Кунтура растерянно моргали — они, вероятно, даже не поняли, куда исчезла принцесса.

Потом мой взгляд упал на ров. Вот, кстати, еще одна проблема! Вызвать сейчас стражников было нельзя, но и оставлять на произвол судьбы нельзя тоже — сами они точно не выберутся, а надеяться, что тут в обозримом будущем кто-то случайно пройдет и заметит ров, вообще не приходилось — кого сюда даже и в отдаленном-то занесло бы?

Решение нашлось будто само собой. Я подошла к насупившимся великанам и сказала: — Кунтура, Пув, вам поручение.

— От ее высочества? — спросила привратница.

Проще всего было соврать, и сказать, что да. Но врать не хотелось. И я ответила честно:

— Нет, от меня, но я уверена, что и Галя бы в этом со мной согласилась.

— Ты ведь плохого не поручишь, — сказал Пувилон с непонятной интонацией: то ли утверждая, то ли спрашивая.

Я кивнула:

— Конечно, не поручу. Ведь дело идет о человеческих жизнях.

Великаны тут же подобрались, и я продолжила, снизив голос почти до шепота:

— Я поручаю вам вызвать стражников. Но не прямо сейчас, а часика через полтора. И ничего не говорите им ни про меня, ни про ее высочество. Будто вы просто катались на лодке и пристали, чтобы размять ноги, понюхать цветочки, побегать босиком по росе и все такое прочее.

— Так ведь росы же нету, — возразила Кунтура. — До утра подождать?

— Нет, до утра не надо. Просто не говорите тогда о росе, это же я так, для примера. Главное, что вы здесь сошли на берег случайно и случайно же увидели ров. Да, вот еще что. Когда достанете стражников, скажите, будто видели из лодки, что какая-то девочка бежала в сторону столицы. Поняли? Важно, чтобы они не пошли к пещере, а вернулись назад.

— А мы? — спросил Пувилон.

— Решайте сами, — сказала я. — Я бы могла попросить вас вернуться к пещере, но это вам опять грести против течения, а есть ли смысл — непонятно. Скорее всего, нет. Так что

отправляйтесь-ка в город и живите спокойно. Любите друг друга, рожайте детей, будьте, короче говоря, счастливы — искренне вам этого желаю.

— А ты?

— А я вернусь к Гоше, — ответила я, мысленно добавив: «Или к тому, что от него осталось». О том, что туда же перенеслась и принцесса, я говорить не стала, иначе великаны ни за что не согласились бы оставаться и побежали к пещере быстрее меня.

— Это может быть опасным, — нахмурилась Кунтура. — А еще ты можешь ему помешать.

— Или помочь. Тут ведь как посмотреть, никто не знает, как все сложится.

Пувилон закивал и выдал новое поэтическое откровение:

— Не знаем мы, как сложится,

Не знаем мы, как станется —

Быть может, приумножится,

А может, хрен достанется.

Быть может, будет здорово,

А может, и наплачемся,

Ведь жизнь-то штука с норовом —

То в пляс, то заартачится.

Я зааплодировала — мне и в самом деле понравилось. Но оставаться здесь больше не могла — мыслями я была уже там, с любимым и его не по годам самостоятельной псевдосестренкой. И я, обняв на прощание Пувилона и Кунтуру, взяла на руки Болтуна и зашагала, не оглядываясь.

На глаз до скал было всего ничего, но оказалось, что зрение в данном случае обманывало — я все шла и шла, а ближе будто и не становилось. Ну да, мы же плыли в эту сторону по течению, да влюбленные великаны еще и гребли... И чтобы отвлечь себя от невеселых мыслей и скоротать оставшееся время пути, я заговорила с ежиком:

— Ну что, Болтун, понравилось тебе гостить в деревне?

— Да, — ответил еж.

— А мы тут с Гошей в тюрьму попали.

— Пух!

— Но ненадолго, нас Пув с Кунтурой спасли.

— Хох.

— Что? — аж притормозила я от неожиданности.

— Хох, — повторил ежик. И пояснил: — Нет — пух, да — хох.

— А! — догадалась я. — «Хох» — это у тебя «хорошо»?

— Да.

— Интересно, кто тебя научил?

— Ба.

— Ого! Да ты вообще теперь говорун! Только не пойму, что еще за Ба? Ты что, успел там и к бабе Грохе сбегать?

— Нет.

— И какая же тогда Ба? Вот вы все, мужики, такие, даже ежики, — хмыкнула я, — как только вас без присмотра оставишь, так вы сразу по ба.

— Нет! — возмутился Болтун. — Ба — Пу ма!

— Ни фиги себе! — ахнула я. — Да ты вообще уже предложениями шпаришь! И я

правильно поняла, что Ба — это мама Пувилона?

— Да! — обрадовался еж.

— Представляю, как она тебя учила, — покачала я головой. — Наверное, не давала ловить тараканов, пока что-нибудь не скажешь.

— Да... — Мне показалось, что Болтун даже вздохнул.

Так вот, с шутками да прибаутками и дошли мы до скал. А потом мне стало не до шуток. Потому что окончательно приблизиться к цели я не могла. То есть вот она, каменная стена, перед самым носом, до нее шагов пятьдесят, не больше, но сколько бы я к ней ни шла, ближе, чем на те пятьдесят шагов, она не становилась. Это было почти как во сне, когда хочешь убежать от чудовища, а ноги словно ватные и еле шевелятся. Только тут я никуда не убегала, а наоборот, хотела скорее прийти. Да и ноги вроде шевелились нормально — я двигала ими, и быстро, но толку было ноль.

— А ну-ка, ты попробуй, — опустила я Болтуна на землю.

Ежик шустро заперебирал ножками, но тоже остался на месте. Даже не так... Если не приглядываться, смотреть лишь боковым зрением, то казалось, что Болтун бежит вперед, но стоило перевести на него взгляд — становилось понятно, что он топчется на месте.

У меня появилась догадка, что дело тут в сломанном времени. В пещере, что находилась в скалах, оно было нормальным, а у нас, с этой стороны, отставало. Поэтому мы и шли как бы в прошлом времени, не в состоянии попасть в настоящее. Но ведь совсем еще недавно такого эффекта не было! Значит, поломка усугубилась, время пошло на этой складке вразнос. Я внутренним чутьем — ведьминским или каким-нибудь шестым-седьмым человеческим — ощущала, что недолго и до большой беды.

Но сейчас мне в любом случае нужно было прорваться к Гоше и Гале! Кстати, а как сама принцесса попала туда? Ведь попала же, иначе тоже тут бы топталась. Или для перемещения поломки времени не страшны? Но мы с Болтуном в любом случае не умели перемещаться. Правда, ежик умел крушить стены... А что если ему поддается и стена испорченного времени? И я сказала:

— Болтун, твой выход! Прodelай дыру в том, что мешает нам пройти дальше. Сможешь?

— Нет... да... нет... да... — забормотал еж и встопорщил иголки.

Дальше случилось то, чего я и ожидать не могла. Сначала я с головой ухнула в воду. Скорее всего в морскую, поскольку невольно заорала и успела ее наглотаться — вода была соленой. К счастью, море быстро исчезло, и я снова стояла на земле, только вместо скал передо мной шумел густой лес — чужой, незнакомый, с высоченными деревьями, стволы которых мне было бы не обхватить при всем желании. Затем лес вмиг поредел и стал почти привычным — во всяком случае для этой складки. Но из-за деревьев выскочили вдруг странные длинноволосые люди, похожие в своих нарядах из цветных перьев на карнавальных персонажей. Вот только в руках они держали совсем не карнавальные луки и копья, которые тут же разом направили на меня.

Я охнула и присела, закрыв лицо руками. Последней, как я полагала, мыслью в моей жизни была очень подходящая к случаю: «Платье теперь точно придется выбрасывать». Но нет, ему было суждено послужить мне подольше. Я услышала из-под ног:

— Хох!

— Что же тут хорошего, мой славный? — пробормотала я. А потом, так и не дождавшись вонзающихся в меня острых предметов, осторожно открыла глаза.

Передо мной вновь были скалы. И Болтун, опять сказав: «Хох», побежал в их сторону.

Нормально побежал, не топчась на месте, как до этого. Я быстро поднялась на ноги и последовала его примеру. Ура! Мой замечательный колючий напарник сумел взломать стену испорченного времени! И лишь теперь я поняла, что видела в течение нескольких тревожных мгновений: это было прошлое Земли на данной складке! Интересно, затялись эти мгновения чуть дольше, утонула бы я в доисторическом море, отобедали бы мной твари здешнего юрского периода, убили бы меня дикари в перьях? Что было бы тогда со мной в настоящем времени? Или для меня никакого настоящего не наступило бы? Интересно. Очень! Но еще лучше, что экспериментально это опробовать не получилось.

Я сильно надеялась, что теперь мы в самом деле находились в нужном нам времени и дне — в том самом, где Гоша поджидал вызванного мной Лунатика. Я не менее сильно надеялась, что и Галя находится здесь же. А еще — что лунный маг пока не заявился. И лучше бы не заявлялся вообще.

Что ж, мои желания сбылись. Во всяком случае, кроме последнего — с ним, разумеется, ясности быть не могло, хоть я уже почти уверилась, что ничего у меня с вызовом мага не вышло. А пока, приблизившись к пещере, я услышала отголоски почти настоящей семейной сцены, где ненастоящий старший брат отчитывал по-настоящему упрямую сестру.

— Ты отдаешь себе отчет, что ты наследница престола?! — кричал брат.

— Вот именно! — звонко отвечала сестра. — Ты мне тут не указ!

— Но это же безответственно! Если ты погибнешь, кто станет править страной?!

— Тебя точно не позовут!

— Меня и не надо звать, у меня есть свое королевство!

— Только тебя в нем нет! И не будет, если тебя убьет маг!

— Но в моей стране останется принцесса, она и сядет на трон! А если что-то случится с тобой, садиться будет некому.

— Вот она и сядет на этот трон! А ты — на свой. Так что мне погибать можно! Но я и не собираюсь...

— А что же ты тогда собираешься делать? Лететь на Луну?

— Не твое дело.

Я хмыкнула: принц угадал, хотя и не была уверена, что он сам это понял. И мне не хотелось, чтобы это случилось, иначе их перебранка затянулась бы надолго. Поэтому я кашлянула и крикнула:

— Тук-тук! Есть кто дома?

— Лава! — раздался недовольный Гошин голос. — Ты что здесь делаешь?

— Тебя здесь только не хватало! — почти одновременно с ним воскликнула принцесса.

— Я тоже вам очень рада, — отозвалась я.

— А вот я — нет, — послышалось у меня за спиной. — Кто-то мне обещал, что принц будет один, а вас тут как на базаре. Крика точно не меньше.

Я резво обернулась. Передо мной стоял лунный маг. Он был по-прежнему в длинном темном плаще, как и при двух наших предыдущих встречах, только в нем больше не было ничего от глуповато-хамовитого лгуна Лапутуна — лишь маленький нос остался таким же.

Из пещеры буквально выпрыгнула принцесса Пиктигаула. За ней стремительно вышел принц Пиктигоуша.

— Как я погляжу, свою храбрость вы растратили вместе с магией, — недобро глянул на него лунный маг. — Вас уже охраняют женщины и дети. Мило!

Я хотела добавить, что еще и звери, но вовремя спохватилась, что это было бы очком не

в Гошину пользу, и промолчала.

— Меня никто не охраняет, — вышел вперед мой милый Гошенька. — Я никого сюда не звал и ждал тебя один, как и обещал. Но ты ведь и так это знаешь, правда? Ты специально выждал, когда все вернутся, потому что тебе нужны зрители, так ведь?

— Зачем мне зрители, которые не доживут до конца представления? — презрительно бросил Лунатик и тоже перешел с Гошей на «ты»: — Кстати, и ты будешь в их числе, раз уж побоялся играть главную роль. Хотя мне все же интересно, что ты собирался мне сказать? Погоди, дай угадаю... Наверное, то, что не станешь претендовать на престол? Думал, что я куплюсь на примитивную уловку и верну тебя домой, к папочке? Вот только не надо мотать головой и корчить жуткие рожи — я успел хорошо тебя изучить. Так вот, на престол ты и так претендовать не будешь, потому что мертвецам он не нужен.

— Но тебе нужна я! — выкрикнула, шагнув к магу, Галя. — Вот она я! Уноси меня на Луну, но не трогай Пиктигоушу с Галей!

— А укрупнила можно тронуть? — ехидно усмехнулся Лунатик, став на миг снова похожим на Лапутуна.

— Нет! — вылез из-за моих ног Болтун, мой славный расхрабренный ежик. — Да!

— Красноречиво. И очень понятно.

— Болтун хочет сказать, что он не укрупнил, — перевела я, — и что он готов, чтобы ты его потрогал. Если не боишься.

— Хох! — одобрил мое разъяснение еж.

— Мне уже страшно, — произнес лунный маг без нотки иронии, отчего страшно стало мне. — Но у меня больше нет времени, чтобы тратить его на покойников. Скажу лишь, что неведьма оказалась умнее, чем показалась вначале. Мне даже жаль ее убивать. Вернуть ее, что ли, на родную складку? О! Я придумал. Я дам сейчас магию перемещения одному из вас и оставлю его... или ее... в живых. Но кому — не скажу, чтобы было интересней. Пусть каждый из вас до последнего надеется, что выживет. Ведь на самом-то деле я милосердный, а вовсе не монстр. И кого бы мне выбрать?

— Выбери Галю! — крикнула я. — Она всего лишь ребенок!

— Но у меня есть еще одна такая же, — пожал плечами Лунатик. — А вот смазливой рыженькой ведьмочки нет...

— Я убью тебя! — рванулся к нему Пиктигоуша.

Лунный маг щелкнул пальцами, и тут же из-за скалы вышел огромный дракон.

Почему-то я думала, что дракон на нас прыгнет. Но нет, он всего лишь подошел к магу. Лунатик повернулся к нему — и вот тут... Не знаю, как это объяснить понятнее, я и сама не привыкла к моим ведьминским способностям, а уж чтобы описать возникающие при их использовании ощущения... В общем, как я это почувствовала — неважно, главное — поняла, что могу сейчас вложить всю свою силу в смертельный посыл и отправить его в незащищенную спину лунного мага. Я была уверена, что убью этим Лунатика. И стала концентрировать свою убийственную мощь.

Рассказываю об этом долго, а на самом деле не прошло и пары секунд. Еще одна-две, и маг бы опомнился, развернулся ко мне лицом и парировал удар. Нужно было бить — и немедленно. Но именно в этот миг я вспомнила вдруг про отложенный платеж за мою ведьминскую силу. В голове почти как наяву зазвучал голос бабы Грохи: «Когда однажды захочешь убить — не убивай!» Да, она не сказала, кого и когда нельзя убивать, но в том, по ее словам, и был смысл платы: дать обещание, не зная этого. И я его дала. И вот теперь, я это

отчетливо почувствовала, как раз и настал срок платежа. Потому что одно дело не убивать, когда ты просто психанула на парня за разбросанные носки, и совсем другое — когда смертью угрожают тебе и твоим друзьям.

Прошла растянувшаяся как резина секунда. Лунный маг вскочил на опустившего шею дракона. Момент был упущен. Вольно или невольно, но я расплатилась по счету. И не узнавая себя, грязно выругалась:

— Шклискин пирканжак!

Лишь потом я вспомнила, что здесь дети и звери, но извиниться не успела — дракон взлетел и, раскинув крылья, будто завис прямо над нами. А Лунатик, прицелившись по нам взглядом, поднял обе руки.

Гоша бросился к Гале и сжал ее в объятиях. Я схватила ежика и завопила:

— Болтун! Мочи дракона!!!

Еж начал сжиматься в клубок, но лунный маг оказался быстрее. Он метнул сразу с двух рук по яркой шипящей молнии в каждую из наших пар. И мир тут же померк.

Умирать оказалось совсем не больно. Осознав это, я подумала, что напрасно боялась смерти — что же в ней страшного? Ну, темно и темно, зато тепло и даже уютно. Только что-то щекочет в носу. Я громко чихнула и распахнула глаза. И тут же снова зажмурилась от яркого солнечного света. Осторожно приоткрыла один глаз и увидела, что лежу на земле, а в нос мне попала травинка.

— Фыр-фыр-фыр! — послышалось рядом.

— Выражайся яснее, — не поворачивая головы, попросила я. — Ты ведь теперь много слов знаешь.

— Фыр, — ответил на это ежик.

И тут я наконец подскочила: Болтун тоже жив! Значит, он все-таки успел подбить дракона!

Да, ежик — живой и невредимый — сидел у моих ног. Точнее, не сидел, а вертелся на месте, прислушиваясь к чему-то и принимаясь. Наверное, еще и присматриваясь, хотя ему из-за травы и густого черничника трудно было что-то разглядеть. Зато разглядела я. И снова опустилась на землю — ноги отказались держать... Потому что я не увидела ни скал, ни дракона с лунным магом, ни моего любимого Гошеньку с его ненастоящей сестренкой. Вокруг был лес, в котором росли березы, ели и осины. Мы с Болтуном перенеслись на родную складку. Мы были дома!

Казалось бы, я должна была пуститься в пляс, но я разревелась. Потому что поняла: мерзкий Лунатик сдержал свое слово. Он дал магию перемещения одному из нас — а именно той, кого назвал смазливой рыженькой ведьмочкой. И я каким-то образом, скорее всего на уровне подсознания от страха смерти, умудрилась эту магию использовать — для спасения себя любимой. Хорошо еще, что ежик был у меня на руках, спасла заодно и его. А вот Гоша с Галчонком... Они наверняка погибли.

И я заревела еще безнадежней и громче. Болтун стал тыкаться носиком в мои опять босые ноги, пытаюсь, видимо, утешить, но я рыдала и рыдала, не в силах остановиться. Но потом мне стало казаться, что тычется в меня уже не носик, а несколько. Продолжая громко всхлипывать, я с трудом разлепила глаза и увидела рядом с собой не только Болтуна, но еще одного большого ежа и трех маленьких. Ежата тыкались в меня особенно активно — им это, видимо, казалось веселой игрой.

Увидев, что я смотрю на них, Болтун сказал:

— Фыр.

Я услышала в этом «фыре» много чего: и попытку меня утешить, и сожаление, и печаль, но также еще и надежду — известную истину, что жизнь все равно продолжается, а значит надо жить. Теперь я уже догадалась, что рядом с ним стоял не просто какой-то еж, а его ежиха, а трое малышей были их детьми. Что ж, я искренне порадовалась за Болтуна. Спросила лишь:

— А по-человечески говорить ты здесь не можешь?

— Фыр, — с сожалением выдохнул ежик.

— Ладно, — сказала я. — Спасибо тебе за все, мой хороший. Бегите домой. За меня не переживай, буду жить дальше. И стану иногда приходить сюда, по крайней мере до зимы, так что еще увидимся.

Я опять поднялась на ноги, помахала убегающим ежикам и собралась было тоже пойти домой, но мозги мои прояснились к тому времени достаточно, чтобы осознать: в таком виде я дальше первых городских зданий не уйду: люди вызовут полицию или санитаров, а скорее — всех сразу, включая, возможно, и спасателей. От меня. Потому что, разумеется, я была не только босой, но и голой — при перемещениях между складками одежда и обувь оставалась в точке отправления. Тут я задумалась вдруг — не особо уместно, но мысли моего разрешения не спрашивали. Я поняла, что в мою сказку о лунном маге закралась ошибка. Ведь там у меня Лунатик перемещался с Луны и на Луну в одежде. И королеву дракон принес тоже не голой. Интересно, я случайно ошиблась, или ведьминское чутье подсказало мне, что это не ошибка? Возможно, драконы перемещаются каким-то иным способом, при котором одежда не теряется.

Но какое мне теперь было дело до драконов? Разумеется, если бы на этой складке водился даже один-единственный, я уже бы сейчас туда мчалась, чтобы попытаться вернуться назад, к любимому — хотя бы похоронить их с Галей обугленные косточки и порыдать над могилками. Вот только не водились у нас драконы. У нас даже ежики не разговаривали.

Оказалось, и колдовать я вот так, запросто, теперь не могла, хоть и чувствовала в себе способности, которых не было ранее. Но представила себя невидимой, чтобы кардинально скрыть наготу от чужих глаз, — и ничего у меня не вышло. Хотела наколдовать простенькое платьишко — может, успела бы добежать, пока оно не исчезнет, — тоже фигушки. Получается, способности магов и ведьм, их сверхъестественные силы действовали не сами по себе и где угодно, а лишь в тех мирах, на тех складках, в которых магия присутствовала в принципе, подобно тяготению или, например, атмосфере. Только подпитываясь ею, ведьмы могли колдовать, а маги магичить. Но с другой стороны, мой милый, славный, любимый Гошенька смог же выучить русский язык! Значит, и в наших условиях заключенная в хрундюке сила действовала. Возможно, не так чудодейственно, как в магическом мире, и не во всех проявлениях, но все-таки. Так может и у меня получится если не стать невидимой, то хотя бы отвести от себя людское внимание? Что ж, пока не попробую, не узнаю. И глубоко вздохнув, я зашагала по тропинке к городу.

Больше книг на сайте - Knigoed.net